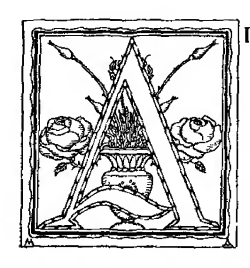
ОКТЯБРЬ 1909 №1

ВСТУПЛЕНІЕ


ПОЛЛОНЪ Въ самомъ заглавіи—избранный нами путь Это, конечно менѣе всего—найденный вновь путь къ догмамъ античнаго искусства Классицизмъ—подражаніе совершеннымъ художникамъ Греціи и Ренессанса—если и возможенъ опять, то лишь какъ мимолетное увлеченіе или какъ протестъ противъ безформенныхъ дерзаній творчества, забывшаго законы культурной преемственности Дѣйствительно, этотъ протестъ ощущается теперь и въ литературѣ, и въ пластическихъ искусствахъ и возможно, что ему суждено опредѣлиться яснѣе, формальнѣе Но широкій путь ,аполлонизма', который грезится намъ, не можетъ совпасть съ легкой, утоптанной школьными учителями всѣхъ вѣковъ, дорожкой, ведущей къ Парнассу и въ холодныя академическія кумирни

Аполлонъ—только символъ, далекій зовъ изъ еще непостроенныхъ храмовъ, возвѣщающій намъ, что для искусства современности наступаетъ эпоха устремленій—всѣхъ искреннихъ и сильныхъ—къ новой правдѣ, къ глубоко сознательному и стройному творчеству отъ разрозненныхъ опытовъ—къ закономѣрному мастерству, отъ расплывчатыхъ эффектовъ—къ стилю, къ прекрасной формѣ и къ животворящей мечтѣ

Какая это правда—развѣ можно сказать? Всякій отвѣтитъ по своему Всякій принесетъ съ собой то, что взлелѣяно имъ и освящено его вѣрой Будутъ несогласія, будутъ споры, будутъ самыя противорѣчивыя рѣшенія Ликъ грядущаго Аполлона нельзя увидѣть. *Мы знаемъ только*, что это ликъ—не гре

ческій, съ чертами застывшими въ божественномъ іератизмѣ, и не ликъ Возрожденія, а современный,—всѣми предчувствіями новой культуры, новаго человѣка овѣянный ликъ Потому и невидимый намъ Потому и желанный

Для искусства самое страшное — мертвый образецъ Но нѣтъ ничего нужнѣе, насущнѣе идеала Какое старое, безароматное, точно угасшее слово! И все таки оно должно горѣть опять, чтобы вдохновились эстетическія стремленія человѣчества.

Мечта о вдохновляющемъ идеалѣ, разумѣется, уводитъ насъ за предѣлы спеціально-художественныхъ задачъ и темъ Но цѣли ‚Аполлона' остаются, тѣмъ не менѣе, чисто эстетическими, независимо отъ тѣхъ идеологическихъ оттѣнковъ (общественнаго, этическаго, религіознаго), которые можетъ получить символъ Сребролукаго бога — въ устахъ отдѣльныхъ авторовъ

Пусть искусство соприкасается со всѣми областями культурной сознательности,—отъ этого оно не менѣе дорого намъ, какъ область самостоятельная, какъ самоцѣльное достояніе наше—источникъ и средоточіе безчисленныхъ сіяній жизни

Давая выходъ всѣмъ новымъ росткамъ художественной мысли,—‚Аполлонъ' хотѣлъ бы называть своимъ только строгое исканіе красоты, только свободное, стройное и ясное, только сильное и жизненное искусство за предѣлами болѣзненнаго распада духа и лже-новаторства

Это опредѣляетъ также и боевыя задачи журнала во имя будущаго необходимо ограждать культурное наслѣдіе Отсюда—непримиримая борьба съ нечестностью во всѣхъ областяхъ творчества, со всякимъ посяганіемъ на хорошій вкусъ, со всякимъ обманомъ—будь то выдуманное ощущеніе, фальшивый эффектъ, притязательная поза или иное злоупотребленіе личинами искусства

РЕД

ВЪ ОЖИДАНІИ ГИМНА АПОЛЛОНУ

EHR Licht, воскликнулъ Гете на смертномъ одрѣ Не ‚Licht‘ просто (счастливый, онъ до послѣдней минуты видѣлъ свѣтъ), а ‚mehr Licht‘ больше свѣта, еще больше свѣта! Начинался его апоѳеозъ, и въ просвѣтленной агоніи онъ молилъ еще, еще лучей—ясныхъ, бѣлыхъ лучей, по добно тому, какъ любовники шепчутъ: еще, еще поцѣлуевъ

Нѣчто похожее на эту агонію происходитъ въ настоя щее время И мы чувствуемъ приближеніе какой то общей смерти (поведетъ ли она къ воскресенью или только еще къ метаморфозѣ—это намъ не дано знать) мы тоже [переживаемъ агонію, въ которой таится великая красота (и прямо театральная пышность) апоѳеоза, и, смущенные переизбыткомъ, мы кличемъ: еще, еще свѣту

Но все же мы не совсѣмъ увѣрены, переживаемъ ли мы восторгъ радости или восторгъ отчаянія Насъ что-то закутываетъ и пьянитъ, мы все болѣе и болѣе возносимся, вокругъ распадаются колоссальныя громады, рушатся тысячелѣтнія иллюзіи, падаютъ недавно еще нужнѣйшія надежды, и мы сами далеко не увѣрены въ томъ, не спалятъ ли насъ лучи восходящаго солнца, не ослѣпитъ ли оно насъ Наконецъ, коварно выростаетъ вопросъ доживемъ ли?

Близится богъ, и уже стонетъ земля, извергая покойниковъ, и уже поднялись всюду лжепророки и звѣри чтобы начать рѣшительную борьбу

Но только близится богъ преображенный и во всей своей Славѣ. И вотъ что начинаетъ казаться это встающее солнце—не мститель Іегова, не печальный и темный ликъ византійскихъ иконъ, не грозный усталый Гераклъ Микель Анджело, а свѣтлый Богъ, издавна знакомый и любимый, издавна прекрасно страшный (вспомнимъ ужасъ Ніобеи!) и прекрасно нѣжный (вспомнимъ Гіацинта и Дафну), лучезарный и благій.

Какъ могло человѣчество забыть его? Его, чей бѣлый знакъ обходитъ землю каждодневно, даетъ ей жизнь и радость Но развѣ человѣчество забыло его? Не онъ ли заботливый спускался къ нему подъ разными личинами и не ему ли поклонялись толпы поколѣній въ теченіе вѣковъ, но только въ преображеніи Сошедшаго въ адъ душевныхъ нѣдръ? Развѣ не этотъ же лучезарный вывелъ Данте изъ темныхъ круговъ къ міру вѣчнаго свѣта, развѣ не онъ поетъ въ ораторіяхъ Баха и въ Парсифалѣ?

Будто бы распяли Діониса—брата его И, правда, распяли Но распятый уже воскресъ и бросился въ толпу распявшихъ, любовно опьянилъ ихъ кровью своей, завелъ тайный и радостный хороводъ, отъ зачавшагося пляса котораго уже дрожитъ вселенная, и глыбами валятся кумиры лжебоговъ Уже началась общая вакханалія, покамѣстъ еще ночная дикая, нескладная и даже богохульная Но вѣдь явится Братъ, и повелѣнная судьбой, развратная смятенность превратится въ стройный танецъ, въ истинную литургію Изъ лѣсовъ, съ полей вернутся вереницы озвѣрѣвшихъ въ новый, священный градъ

Да и братья ли это? Не два ли здѣсь лика одного Свѣтодателя? Сонъ и пьяне ніе — дары ихъ—не два ли выраженія или двѣ стадіи одного и того же вос торга? Два божественныхъ брата, дѣйствительно, близки другъ другу, если они разнятся и глубоко проходитъ расщелина между ними, то все же еще глубже, совсѣмъ на днѣ, корни ихъ сплетаются и сливаются воедино Въ нѣдрахъ этихъ такъ черно, такъ холодно и грозно, что ни одинъ смертный не сможетъ туда заглянуть Но идутъ Братья оттуда, оба оттуда, отъ одного родителя, и въ сущности взаимная отчужденность ихъ только кажущаяся На самомъ дѣлѣ, каждый съ особеннымъ даннымъ ему ладомъ творитъ одно и то же, ведетъ къ одной цѣли

. . .   . .

Завтра должно наступить новое возрожденіе Многіе это знаютъ Но гдѣ это завтра, когда оно наступитъ, какова то будетъ остальная ночь? Во всякомъ случаѣ, близко нынѣ къ полночи, и заря сильно передвинулась къ востоку Царитъ часъ безумства и оргій, часъ наибольшаго озвѣрѣнія и самоубійственнаго отчаянія Быть можетъ, перевалъ еще не пройденъ, и станетъ тьма еще чернѣе, н заря потухнетъ вовсе Но тамъ, за горизонтомъ, божественное свѣ тило не остановится, а обойдетъ весь свой кругъ и дойдетъ, когда наступитъ его часъ, разумѣется, не предусмотримый

Насколько возрожденіе это будетъ инымъ и болѣе радостнымъ, нежели то, что произошло пять вѣковъ назадъ! Тамъ возродились кумиры — подо-

бія, формы, здѣсь должны возродиться сами небожители, и засіяетъ небо надъ головами людей еще болѣе яркимъ свѣтомъ, нежели даже въ дни счастливой Эллады. И времени тогда не станетъ, ибо не будетъ нужды оглядываться, вспоминать—все сущее будетъ довольствовать съ избыткомъ

Ни къ чему мольбы о скорѣйшемъ пришествіи этого ужаснаго и радостнаго часа Наступитъ онъ въ свое время Ни къ чему и мольбы о предотвращеніи его Онѣ не помогутъ; онъ все равно наступитъ Ни къ чему проклятія существующей тьмѣ, ибо она разсѣится Но требуетъ къ священной жертвѣ Богъ и нужно ему слагать пѣсни и гимны, неустанно служить ему, хотя еще до времени скрывающемуся въ подземномъ царствѣ И можно возсылать Ему мольбы о дарованіи этого требованія.

Единственный гимнъ, угодный ему,—это созданіе красоты, но непремѣнно просвѣтленіе всей жизни и самаго человѣка красотой Не только, послушно вдохновію, надлежитъ писать картины, слагать стихи, прислушиваться къ рождающимся въ душѣ звукамъ, но нужно себя самихъ сдѣлать угодными Богу красоты. И вотъ тутъ снова слѣдуетъ взмолиться къ обоимъ братьямъ, не забыть ни одного изъ нихъ Къ богамъ красоты нужно обратить свои горячія мольбы, пусть они заведутъ священный хороводъ, обратятъ насъ къ свѣтлой цѣли, укажутъ какъ выйти изъ тьмы и косности, какъ затрепетать одной съ ними радостью—воистину просвѣтиться.

. . .

Кому изъ нихъ принадлежитъ танецъ? Кто ведетъ хороводъ Аполлонъ или Діонисъ? Оба ли вмѣстѣ или поочередно, смѣняя и дополняя другъ друга? Менады одного, превращаются въ музъ другого, но оба бога пляшутъ И что такое плясъ? Есть ли это только ритмическое движеніе подъ данную музыку, кусочекъ жизни, припадокъ, или же танецъ можетъ стать (долженъ стать) ритмомъ всей жизни, внѣшнимъ преображеніемъ всей человѣческой дѣятельности, постояннымъ чудомъ красоты воочію Слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы быть въ танцѣ передъ святыней ковчега завѣта непрестанно творить неугомонную литургію Вѣдь и ковчегъ завѣта всегда налицо—это вся природа, вся ея таинственная красота.

Для современнаго человѣка непрестанность литургическаго ритма въ жизни—далекая (и даже еще чуждая) мечта Въ немъ слишкомъ еще много звѣрскаго безразличія, распущенности и всякой тьмы, чтобы заняться превращеніемъ своего тѣла въ сосудъ благодати Онъ готовъ служить богамъ, но быстро устаетъ и быстро теряется Поэтому онъ и создалъ отрывочную литургію и вы-

дѣлилъ изъ своей среды литургическихъ ,профессіоналовъ', изъ которыхъ одни служатъ въ храмахъ, другіе на подмосткахъ И тѣ и другіе только какъ бы замѣняютъ остальныхъ по слабости ихъ и какъ бы представляютъ всю массу молящихся передъ божествомъ
Не случайно просходитъ за послѣдніе годы ,повышеніе интереса' къ танцу Замѣтно не только это, но и желаніе окружить всю обыденность жизни красотой Но трудно нынѣ разрѣшить эти задачи, ибо во всѣ человѣческія дѣла вмѣшались сомнѣнія сознательности, отдѣлаться отъ которыхъ теперь уже нельзя (да и грѣшно) При мучительной неналаженности всего строя жизни эти исканія носятъ общій всему суетливый характеръ и слишкомъ часто кончаются неудачами Но для насъ важно отмѣтить одно утвержденіе ихъ, ибо въ этихъ исканіяхъ громадный смыслъ и знаменательно проявляется жажда красоты и свѣта, полусознанное желаніе сдѣлать жизнь божественной
Пожалуй, можно сказать, что все искусство—танецъ, ибо оно все—украшеніе жизни, выявленіе въ ней красоты Картины, въ которыхъ линіи сплетаются и расплетаются въ таинственно красивомъ порядкѣ, въ которыхъ есть ритмъ и гармонія, выраженъ восторгъ и подъемъ, — это развѣ не тотъ же танецъ, но только кристаллизовавшійся, чудно застывшій? Архитектура и всѣ художества, зависящія отъ нея, развѣ не служатъ той же цѣли — создать красивое цѣлое жизни, поддержать настроеніе въ надземной высотѣ, въ благородной ясности или въ сладкомъ опьянѣніи? Развѣ въ нихъ не живетъ тотъ же прекрасноликій, свѣтлый богъ или, вѣрнѣе, тѣ два до тождества близкихъ и родныхъ бога, которые въ танцѣ выводятъ людей изъ тьмы и борятся съ ней съ косностью и смертью?

. . .

Пора готовиться Пора учиться слагать гимны, чтобы встрѣтить должнымъ образомъ обѣтованный восходъ Но гимны эти не будутъ угодны, если они будутъ мертвыми—эстетическимъ самонаслажденіемъ, аскетической ересью или еще школьнымъ урокомъ Искусству необходимо освободиться отъ путъ узкой замкнутости и отъ исканія недостойной полезности Но искусство не должно быть и для искусства, ибо искусство, будучи отъ Бога, существуетъ для Бога, должно быть воздано ему. Это языкъ, на которомъ человѣчество бесѣдуетъ съ небожителями, и нужно учиться говорить на этомъ языкѣ, не вплетая въ него чуждыя слова
Художества въ наше время издаютъ тяжелый тлѣнный духъ Массы іерофантовъ вовсе не слагаютъ гимновъ и забыли о нихъ, а нѣкоторые (все же избран

ники) поютъ ихъ плохо, безрадостно, съ негодными, сломанными гуслями и тимпанами. Однако, если и многое забыто, то и многое (слишкомъ многое) служитъ напоминаніемъ. Какъ утопающій вспоминаетъ въ одно мгновеніе всю жизнь, такъ послѣднія поколѣнія передъ большимъ и неизбѣжнымъ низверженіемъ (цѣлительнымъ, безъ сомнѣнія, но ужасающимъ) вспомнили все, предшествовавшее имъ. Но слишкомъ много совѣтовъ и призывовъ тѣснится и пытается спасти мчащихся. Мы растерялись и тонемъ глубже и глубже.

Не утонуть ли вовсе? Не отдаться ли трусливо и подло отчаянію—въ лапы Звѣрю? Но и захотѣли бы этого люди (тяжелый грѣхъ принимаютъ тѣ, кто рѣшаются вполнѣ захотѣть и совращаютъ другихъ), они все же не измѣнили бы хода судебъ. Въ будущемъ все же не смерть и не тьма, а жизнь и просвѣтленіе.

Нужно молиться о вдохновеніи, о томъ, чтобы Свѣтодатель потребовалъ къ священной жертвѣ. И нужно еще молиться о томъ, чтобы гимнъ этотъ не былъ ‚красивой литературой', а подлинной частью жизни, вѣрнѣе всей жизнью. Мало говорить и думать прекрасное; надо еще выявлять красоту, надо постоянно рождать ее. И мало рождать ее въ неодушевленныхъ кристаллизованныхъ образахъ; нужно, чтобы прекрасное двигалось и сплеталось со всей дѣятельностью человѣка. И опять вспомнимъ о танцѣ. Люди изгнали его на подмостки и сами рѣшили стать уродами. На подмосткахъ же танецъ, предоставленный себѣ, отрѣзанный отъ жизни, превратился въ судорожное метаніе и постыдное гаерство. Нужно, чтобы люди стали прекрасными непрестанно во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, и танецъ сдѣлался бы закономъ жизни. А покамѣстъ пусть художники танца (эти жрецы пока неосвященнаго храма) вспомнятъ о своемъ назначеніи: служить красотѣ—и только ей.

. . . . . .

Въ концѣ XVIII вѣка европейцы пожелали воскресить красоту древней Эллады. Но получились тогда лишь обратные результаты. Принялись въ строгой системѣ копировать статуи, фрески, храмы, и постепенно замерло все,—жизнь точно навѣки отлетѣла отъ искусства. До начала этого періода была большая красота жизни, правда, слишкомъ ребяческая и развратная (развратныя дѣти создали искусство швыркулей и завитковъ, пудры и косичекъ), но все же человѣчество жило въ красотѣ. Бытъ былъ красивъ и красота разлита по всему быту. Увлеченіе античностью породило мертвечину педантизма и впервые вытѣснило искусство изъ жизни въ ледяныя сферы эстетической спеціальности. Отсюда началось разложеніе, какъ слѣдствіе разлада красоты жизни съ красотой искус-

ства И мало-по-малу красота въ жизни замерла совершенно, а красота въ искусствѣ сдѣлалась ненужной и черезчуръ, наконецъ, рѣдкой

Такъ дольше продолжать жить невозможно Пора устремиться, вонъ изъ душнаго ‚эстетства', изъ спецiальныхъ проблемъ Но не въ лѣсъ хочется бѣжать, не въ дичь, не къ сатирамъ, не къ Марсiю, а хочется красоту снова сдѣлать живой и общей, хочется жить въ красотѣ, а не только поклоняться красивымъ и мертвымъ вещамъ. Хочется воспѣть гимны, зажечь алтари, учредить обѣтныя шествiя и плясы И не только нужны красивые праздники, но и красивые будни Вся пластика повседневности должна обновиться и озариться, вся она должна исполниться плясового ритма, вся служить выраженiемъ всюдусущности Бога, непрерывнымъ гимномъ Ему

. .

Мы такъ опустились, что просто забыли о гимнѣ Намъ хочется все устроить ‚по домашнему' — слѣдствiе глубоко укоренившагося въ насъ скепсиса ‚По домашнему'—это значитъ съ ноткой самоиронизированiя, со смѣшкомъ авось что-нибудь выйдетъ, а не выйдетъ, такъ не будетъ стыдно—первые же трунили Удобно прятаться за двусмысленной ‚на всякiй случай' усмѣшкой Но велика грѣховность этого раздвоенiя, этого совмѣщенiя и людской суеты, и службы богамъ Пора п е р е р а с т и иронiю И она ужъ обветшала Въ тѣхъ, кто опредѣленно почувствовали близость Утѣшителя, должно быть больше вѣры, простоты и упованiя

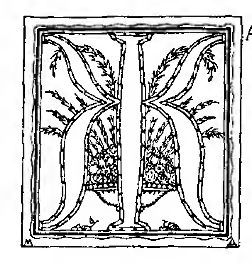
Но какъ слагать гимны? Какъ научиться этому забытому искусству? И какъ, въ особенности, создать постоянный жизненный гимнъ плясовой ритмъ жизни, пластику всѣхъ людскихъ дѣйствiй? Это ли пожеланiе не смѣшно въ наши дни, порабощенные уродствомъ, разсудочными эпидемiями, машинной техникой, въ дни систематичнаго обезображиванiя природы и мрачной понурости, вызванной борьбой за существованiе? Это ли не смѣшно при нашихъ костюмахъ, нашихъ улицахъ, громыхающихъ и затемненныхъ суетными проволоками; это ли не смѣшно при всей распущенности и все же жестокости нашихъ нравовъ? Пусть будетъ и смѣшно, но пусть будетъ Это н у ж н о Нужно вспомнить объ этомъ, привыкнуть къ этой мысли, а тамъ и возникнутъ подсказывающiя формы, вдохновенные намеки, начнетъ наматываться клубокъ, нить котораго никакими уже силами нельзя будетъ прорвать И сочинятъ люди другую технику, и установятъ другiя между собой отношенiя, другой бытъ, объ условiяхъ котораго намъ теперь еще и не снится

Довольно игриваго легкомыслія въ отношеніи къ божественному, остроумной софистики и полувѣры Нужно повѣрить и молиться А какъ не повѣрить, если только дать въ душѣ своей возникнуть всему образу того, кто съ самыхъ первыхъ дней созданія ведетъ священный хороводъ красоты? Что подобнаго Ему на свѣтѣ? Развѣ Онъ только вымыселъ или бредъ? Развѣ Его нѣтъ на самомъ дѣлѣ, и не на самомъ дѣлѣ требуетъ Онъ къ священной жертвѣ поэта? Развѣ великій ясновидецъ Пушкинъ шутилъ, говорилъ литературныя фразы? Не вѣрилъ? Да какъ же не вѣрить, когда Онъ вездѣсущій, когда Онъ во всемъ улыбается своей просвѣтляющей, вѣщей улыбкой, Онъ, который бесѣдуетъ и съ душой и со всѣми чувствами людей?

Не покидалъ Онъ человѣчество и въ эти многіе вѣка всеобщаго забвенія Да и не забыли Его, а просто не признали, приняли за другого Приняли потому, что такъ было нужно Нужно было озариться глубинамъ человѣческой души и расцвѣсть имъ въ красотѣ Нужно было къ священной жертвѣ призвать Франциска Ассизскаго и Святую Терезу, Фра Беато и Джотто, вольныхъ каменщиковъ и вдохновенныхъ скульпторовъ Пизы и Флоренціи, нужно было явиться великимъ магамъ музыки, полчищамъ и полчищамъ жрецовъ ума и души Теперь же, пройдя черезъ весь кругъ пора снова вспомнить о тѣлѣ И его нужно готовить, и оно должно озариться красотой, а главное и оно должно начать служить Тому, Кто требуетъ къ себѣ служеніе

О СОВРЕМЕННОМЪ ЛИРИЗМѢ

1 ,они‘



АСМИНОВЫЕ тирсы нашихъ первыхъ мэнадъ примахались быстро Они уже давно опущены и — по всей линіи Отошли и иноземные уставщики оргій. Одинъ—Маллармэ—умеръ, и теперь имя его, почти классическое, никого уже не пугаетъ А другой — Маврикій Матерлинкъ—успѣлъ за это время обзавестись собственной Моной Ванной, и стилизаторы ,Синей птицы‘ ужъ не вернутъ намъ его нѣжныхъ лирныхъ касаній Три люстра едва прошло съ перваго Московскаго игрища, а какъ далеко звучатъ они теперь, эти выкликанія вновь посвященной мэнады!

Мертвецы, освѣщенные газомъ...
Алая лента на грѣшной невѣстѣ

,Серебрящіеся ароматы‘ и ,олеандры на льду‘—о, время давно уже смягчило задоръ этихъ несообразностей А то, что было только книжнымъ при своемъ появленіи, получило для насъ теперь почти что обаяніе пережитости
Пускай самая короткая изъ поэмъ

О, закрой свои блѣдныя ноги! *)

навѣяна стихами Маллармэ—

O la berceuse avec ta fille et l innocence
De vos pieds froids —

дымка раздраженія, которая вокругъ нея скопилась, заставляетъ думать, что въ жасминовомъ тирсѣ было, пожалуй, и немного крапивы
Современная мэнада уже совсѣмъ не та, конечно, что была пятнадцать лѣтъ назадъ

---

*) Сравни обѣщанную нѣмцами Nordlicht сверхъ-космика —?—Теодора Деблера толщиной въ двѣ Иліады (30.000 стиховъ).

Вячеславъ Ивановъ обучилъ ее по гречески И онъ же указалъ этой болѣе мистической, чѣмъ страстной гиперборейкѣ предѣлы ея вакхизма

Бурно ринулась Мэнада
    Словно лань, словно лань!
Съ сердцемъ, вспугнутымъ изъ персей—
    Словно лань, словно лань!
Съ сердцемъ, бьющимся, какъ соколъ
    Во плѣну, во плѣну,
Съ сердцемъ яростнымъ, какъ солнце
    Поутру, поутру;
Съ сердцемъ жертвеннымъ, какъ солнце
    Ввечеру, ввечеру

Эти побѣдные кретики [⊥ ◡ ⊥] четныхъ строкъ, которыя мало-по-малу ослабѣваютъ въ анапесты [во плѣну = ⊥ ◡ ⫫; по утру = — ◡ ⊥; ввечеру = ◡ ◡ ⊥]—поистинѣ великолѣпны И ‚Вакханку‘ охотно декламируютъ въ наши дни съ подмостковъ

А кто не оцѣнитъ литературной красоты и даже значительности заключительныхъ строкъ новой оды съ ея изумительнымъ, ея единственнымъ на русскомъ языкѣ не окончаніемъ, а затиханіемъ, даже болѣе—западаніемъ звуковъ и символовъ

Такъ и ты, встрѣчая бога,
    Сердце стань,
    Сердце, стань
У послѣдняго порога
    Сердце, стань,
    Сердце стань
Жертва, пей изъ чаши мирной
    Тишину
    Тишину
Смѣсь вина съ глухою смирной
    Тишину,
    Тишину

Вамъ, конечно чудится здѣсь символъ сознанныхъ силъ и власти надъ настроеніемъ Но мнѣ—Богъ знаетъ почему—жалко той на спѣхъ обученной ритуалу и неискусной въ самомъ экстазѣ мэнады, про которую когда то увѣряли, что она видитъ

Фіолетовыя руки
На эмалевой стѣнѣ

Эти годы давно канули въ вѣчность, и мы уже не умѣемъ быть дерзкими Въ самомъ вызовѣ мы стали или равнодушны или педантичны.

Вотъ пьеса Бальмонта въ одномъ изъ его послѣднихъ лирическихъ нагроможденій [,Птицы въ воздухѣ' 1908 г]

Ты хочешь убивать? Убей
Но не трусливо, торопливо,
Не въ однорукости мгновеннаго порыва,
Когда твой духъ—слѣпыхъ слѣпѣй!
Коль хочешь убивать, убей—
Какъ пишутъ музыку—красиво

Тутъ, конечно, почувствуешь прежде всего не дерзость, какъ таковую, по существу—дерзость И вовсе не въ томъ дѣло, что на мѣсто Моисеевой заповѣди самодовольно выскочило какое-то убей' Мало что-ли мы ихъ переварили за послѣдніе годы, всѣхъ этихъ tue-la tue le, tue-les

Но не поражаетъ ли васъ въ пьесѣ полное отсутствіе экстаза, хотя бы искусственнаго, подогрѣтаго раздутаго? Задора простого и того нѣтъ, какъ бывало

Хочу одежды съ тебя сорвать!

Напротивъ, въ строчкахъ засѣло что-то серьезное, вяло учебное

Я не смѣюсь надъ лирикомъ, который до сихъ поръ умѣетъ быть чарующимъ Я хочу только сказать, что ему—этой птицѣ въ воздухѣ—просто надоѣло играть тирсомъ

Валерій Брюсовъ... Въ послѣднемъ отборѣ, въ новой и строжайшей дистилляціи своихъ превосходныхъ стихотвореній этотъ неумолимый къ себѣ стилистъ оставилъ пьесу съ риѳмами толщиной въ четыре и даже пять слоговъ

Холодъ, тѣло тайно сковывающій,
Холодъ душу очаровывающій

Снѣгъ сѣтями разстилающимися
Вьетъ надъ днями забывающимися,
Надъ послѣдними привязанностями,
Надъ святыми недосказанностями!

Я понимаю что дѣло здѣсь вовсе не въ кунстштюкѣ Тѣмъ болѣе, что въ сущности его и нѣтъ

Но съ какой стати показываетъ поэтъ, что онъ не боится аналогій съ учебникомъ русской этимологіи? Развѣ это—не своего рода педантизмъ? Валерій Брюсовъ не отступаетъ даже замыкая свои строки такими наборами словъ, какъ

смéрть и тишина
твéрдь и въ ней луна

передъ ритмическимъ сосѣдствомъ съ самой разухабистой гармонной литературой вродѣ:

> Ахъ вы, Сашечки-канàшечки мои,
> Размѣняйте вы бумàжечки мои!

Не показываетъ ли и это, что тирсъ уже не тотъ, что былъ, а безъ крапивы, и хлещетъ вяло?

Вячеславъ Ивановъ—въ первомъ номерѣ журнала ‚Островъ' [1909] даетъ превосходный ‚Судъ огня'. Въ основѣ стихотворенія лежитъ культовая ахейская легенда объ одномъ изъ многочисленныхъ Еврипиловъ. При дѣлежѣ Троянской добычи ѳессаліецъ Еврипилъ выбралъ себѣ кованый ларецъ, работу Гефеста,—въ немъ оказался идолъ Діониса Эсимнета, и, открывши свое пріобрѣтеніе, герой сошелъ съ ума. Съ обычнымъ мастерствомъ поэтъ, стяжавшій себѣ извѣстность великолѣпіемъ своихъ вакхическихъ изображеній, передаетъ намъ заболѣваніе Еврипила:

> Царь изрылъ тайникъ и нѣдрамъ
> Предалъ материмъ ковчегъ,
> А изъ нихъ, въ цвѣтеньи щедромъ,—
> Глядь—смоковничный побѣгъ.
>
> Прыснулъ сочный,—распускаетъ
> Крупнолистные ростки,—
> Пышнымъ вѣтвіемъ ласкаетъ
> Эврипиловы виски.
>
> Стволъ мгновенный онъ ломаетъ,
> Тирсъ раскидистый влачитъ.
> Змій въ рукѣ свой столпъ вздымаетъ,
> Жала зѣвныя сучитъ.

Тутъ не знаешь даже, чему болѣе изумляться: точности-ли изображенія, или его колориту; сжатости ли стиховъ, или ихъ выдержанному стилю. Но кто знакомъ, скажите, у насъ съ легендой Еврипила?

Мало того—чтобы понять первыя двѣ строки стихотворенія надо вспомнить еще, что мать Діониса называлась Семелой и была во Ѳракіи божествомъ почвеннымъ [можетъ быть, даже въ самыхъ звукахъ Семела есть родство съ нашимъ земля].

Только путемъ такихъ соображеній криптограмма объ изрытомъ тайникѣ и ящикѣ, который предается ‚материмъ нѣдрамъ', получаетъ поэтическую цѣнность, да и, скажемъ прямо,—смыслъ.

А это что же значитъ:

> Змій въ рукѣ свой столпъ вздымаетъ,
> Жала зѣвныя сучитъ...?

Въ послѣдней строкѣ по смыслу мы ожидали бы творительнаго падежа [сучить чѣмъ = безпокойно перебирать: ,ребенокъ сучитъ ножками' совсѣмъ не то, что ,швея сучитъ нитку за ниткой'] Но это въ сторону

Чтобы проникнуться паѳосомъ даннаго изображенія—мало даже знакомства съ миѳомъ объ Еврипилѣ Необходимо имѣть свѣдѣнія о культѣ Діониса, гдѣ змѣй, наряду съ быкомъ и деревомъ, былъ исконнымъ фетишемъ бога

Изъ пьесы В Иванова уже попали въ газетную пародію—строки

Стелетъ недругу Кассандра
Рока сѣть и мрежи каръ

Мы не читали Эсхила, — что же дѣлать!

Какъ бы то ни было но въ пьесѣ ,Судъ огня' мы встрѣчаемся не только съ недочетами нашего подневольнаго классицизма, но и съ педантизмомъ вольнаго Отчего бы поэту, въ самомъ дѣлѣ, не давать къ своимъ высокоцѣнымъ пьесамъ комментарія какъ дѣлалъ въ свое время, напр, Леопарди? И развѣ они ужъ такъ завидны, этотъ полусознательный восторгъ и робкія похвалы изъ среды лицъ, не успѣвшихъ заглянуть въ Брокгаузъ-Ефрона, и пожиманія плечами со стороны другихъ, вовсе и не намѣренныхъ ,ради какихъ-нибудь стишковъ' туда заглядывать?

Но педантизмъ Вячеслава Иванова мѣшаетъ понимать его поэзію—что ,понимать'? дышать ею—не однимъ отсутствіемъ комментарія Дѣло въ томъ, что нашъ поэтъ не создаетъ, какъ Стэфанъ Маллармэ, особаго синтаксиса Чужды ему и Гонкуровскіе блики и эскизность ранняго Лоти Его суровыя реченія сцѣплены крѣпко,—мѣстами они кажутся даже скованными При синтаксисѣ Кирпичникова это иногда просто терзаетъ

Пойте пагубу сраженій!
Торжествуйте сѣвы сѣчъ!
Правосудныхъ расторженій
Лобызайте алый мечъ!

Огневого воеводы
Множьте множьте легіонъ!
Кто прильнулъ къ устамъ Свободы,
Хмелемъ молній упоенъ

Ляжетъ въ полѣ, опаленный,—
Но огнемъ прозябнетъ—жечь
Лобызайте очервленный—
Иль, схвативъ, вонзайте мечъ!

Разберитесь ка тутъ! А между тѣмъ миѳъ тѣмъ то вѣдь и великъ, что онъ всегда обще-народенъ

Л. БАКСТЪ.
TERROR ANTIQUUS.

Въ немъ не должно и не можетъ быть темнотъ

Миѳь, это—дитя солнца, это—пестрый мячикъ дѣтей, играющихъ на лугу И мнѣ до горечи обидно, при чтеніи пьесы, за недоступность такъ заманчиво пляшущихъ предо мною хореевъ и за тайнопись ихъ слѣдовъ на аренѣ, впитавшей столько благороднаго пота

Хотя бы у ,птицъ въ воздухѣ' поучился немного нашъ дискоболъ любви къ простору

Хвалите, хвалите, хвалите, хвалите,
Безумно любите, хвалите Любовь

Вотъ глади за которыя ужъ никакъ не зацѣпишься

Еще образчикъ криптограммы, на этотъ разъ однако, не педантической, хотя тоже лишенной молодого задора первыхъ символистовъ Авторъ ея—Сергѣй Городецкій:

Ну, поцѣлуй А въ этотъ мигъ
Умретъ ребенокъ
И станетъ блѣденъ ликъ,
И профиль тонокъ
На приласкай А наверху
Звѣзду развѣетъ
Онъ тамъ провелъ соху
И слѣдомъ млѣетъ

[Ярь, стр 16]

Мнѣ вовсе не надо обязательности одного и общаго пониманія Напротивъ, я считаю достоинствомъ лирическои пьесы, если ее можно понять двумя или болѣе способами или, недопонявъ, лишь почувствовать ее и потомъ додѣлывать мысленно самому Тѣмъ то и отличается поэтическое словосочетаніе отъ обыденнаго, что за нимъ чувствуется мистическая жизнь словъ, давняя и многообразная, и что иногда какой нибудь стихъ задѣваетъ въ вашемъ чув ствилищѣ такія струны, о которыхъ вы и думать позабыли Но я не люблю качаться, и мнѣ вовсе не надо ни ребусовъ, ни анаграммъ, ни таинственныхъ собакъ на спичечныхъ коробкахъ

Возвращаюсь къ данному случаю

Надъ пьеской Сергѣя Городецкаго написано—2 Переворачиваю страницу назадъ—въ заголовкѣ стоитъ ,Млечный путь'—1 Ну слава Богу Есть хоть какая нибудь нить Въ Млечномъ пути' рѣчь будто бы идетъ о ,неутомномъ' Хаосѣ, отцѣ Свѣта, и онъ съ кѣмъ то спитъ на ложѣ Но что же это за онъ № 2, скажите? Можетъ быть, тотъ ребенокъ, котораго мать подноситъ

къ Хаосу, со словами ,на, приласкай' Но вѣдь онъ умеръ въ предыдущей строфѣ? И какъ же быть съ сохой?
Не довольно ли однако?

Мы остановились на порогѣ пародіи, и при томъ самой тонкой изъ пародій— автопародіи А это невольно возвращаетъ насъ къ истокамъ новой поэзіи Первымъ ея пародистомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ глашатаемъ былъ Владиміръ Соловьевъ въ Вѣстникѣ Европы' Есть пародіи и пародіи. Я говорю здѣсь только о тѣхъ въ которыхъ чувствуется зерно ревнивой и даже завистливой влюбленности Такъ нѣкогда Аристофанъ карикатурилъ Еврипида, плѣненный ,закругленностью' его рѣчи и Сократа — завидуя его лишь начинавшейся въ пору ,Облаковъ' и ужъ слишкомъ легкой, — по сравненію съ извѣстностью комика,—славѣ

Соловьевъ среди декадентовъ—какъ ихъ тогда называли—былъ свой Это былъ какъ бы Сократъ среди софистовъ, но Сократъ еще молодой Соловьевъ не вполнѣ выдѣлился еще тогда изъ этой группы новыхъ людей, съ которыми роднила его любовь къ поэзіи, символамъ и непротореннымъ путямъ... Вотъ отчего пародіи Соловьева и до сихъ поръ великолѣпны своимъ тонкимъ юморомъ

На небесахъ горятъ паникадила
А долу тьма..
Ходила ты къ нему, иль не ходила
Скажи сама

Мы знали наизусть его стихи Жаль только, что по временамъ символы у Соловьева для чего то отвердѣваютъ въ эмблемы

О не буди гіэны подозрѣнья,
Мышей тоски

Зачѣмъ далъ себѣ позабыть этотъ все понимавшіи человѣкъ, что именно противъ эмблемъ то и направлялась дружина символистовъ, тогда еще только дерзкая, и что девизы то на щитахъ и возмущали новыхъ поэтовъ, а девизы-ли романтиковъ или классиковъ, это ужъ безразлично

Encor' que sans repit les tristes cheminees
Fument et que de suie une errante prison
Eteigne dans l horreur de ses noires traînées
Le soleil se mourant jaunâtre à l'horizon'

т е

И пусть безъ устали печальныя трубы
Курятся и пусть вся изъ сальнаго чада скиталица тюрьма
Гаситъ въ ужасѣ своихъ черныхъ влаченій
Солнце въ желтоватомъ умираніи на предѣльной чертѣ неба

Одна тонкая извилистая линія,—ни единаго утолщенія вотъ чѣмъ зачитывались мы тогда

Владиміръ Соловьевъ не писалъ пародіи на кого нибудь въ отдѣльности Да ему было и не до пародій.

Вѣрнѣе всего, что и жертву то свою на алтарь дразнящаго бога онъ, ми стикъ принесъ лишь во избавленіе отъ декадентскаго яда Какое дѣло было ему до отдѣльныхъ демоновъ, какъ ихъ тамъ звали Брюсовъ, Мартовъ, Миропольскій, Даровъ, Бальмонтъ Гиппіусъ или Сологубъ Не то теперь—вся соль нашихъ современныхъ пародій въ томъ то именно и заключается, чтобъ поймать на лету пьеску, гдѣ Гиппіусъ ужъ слишкомъ Гиппіусъ, или Кузмину удалось перещеголять самого себя въ Кузминствѣ

Пародіи [Измайлова и другихъ] стали скорѣе стилистическими упражненіями, но часто презатѣйливыя—онѣ тоже пишутся скорѣе любовно и со смакомъ, чѣмъ ядовито

Да и что мудренаго? Выписанные здѣсь примѣры достаточно показываютъ—я думаю—что въ новой поэзіи нѣтъ ни наскока, ни даже настоящаго вызова Мы работаемъ прилежно, мы пишемъ издаемъ, потомъ переписываемъ и переиздаемъ, и снова пишемъ и издаемъ Ни одинъ тостъ не пропадаетъ у насъ для потомства Одного Ивана Рукавишникова возьмите Внѣшняя исто рія нашей позіи когда нибудь съ ума сведетъ новаго Николая Векклейна Нѣтъ огня, который бы объединялъ всю эту благородную графоманію Или, можетъ быть надо его отыскать? Давайте искать, куда онъ запрятался Кри тику приходится иногда быть и пожарнымъ

Новая поэзія? Шутка сказать Разберитесь ка въ этомъ морѣ нѣтъ, какое тамъ море!.. въ этомъ книгохранилищѣ ничѣмъ не брезговавшаго библіофила.. за недѣлю до распродажи концы, начала, середки рѣдкости и лубки, житія и досуги Селадона

Будетъ, пожалуй, всего практичнѣе начать съ тѣхъ поэтовъ, которые продѣлали всю исторію нашего символизма Три имени Не будемъ касаться пер ваго хотя и самаго яркаго Я сказалъ уже о Бальмонтѣ все или почти все, что умѣлъ о немъ сказать, въ другой книгѣ *)

А, главное, Бальмонтъ и это, надѣюсь для всѣхъ ясно, уже завершилъ одинъ и очень значительный періодъ своего творчества, а начала второго покуда нѣтъ

Остаются такимъ образомъ Валерій Брюсовъ и Ѳедоръ Сологубъ Ими и займемся Надо только условиться сначала насчетъ основныхъ терминовъ Символисты? Декаденты?

---

*) Книга Отраженій I Спб 1906 Изд бр Башмаковыхъ, стр 171—214

Прекрасныя слова, но оба въ примѣненіи къ новаторамъ поэзіи—сравнительно еще очень недавнія, даже во Франціи

Въ первый разъ, какъ пишетъ Роберъ де Суза, поэтовъ назвалъ декадентами Поль Бурдъ въ газетѣ ,Le Temps' отъ 6 го августа 1885 го г А спустя нѣсколько дней Жанъ Мореасъ отпарировалъ ему въ газетѣ же ,XIX siècle', говоря, что если ужъ такъ необходима этикетка то справедливѣе всего будетъ назвать новыхъ стихотворцевъ символистами

Я не думаю, чтобы послѣ данной исторической справки было цѣлесообразно разграничивать въ сферѣ русской поэзіи имена или стихотворенія по этимъ двумъ менѣе терминамъ—какъ видите — чѣмъ полемическимъ кличкамъ Символистъ—отлично, декадентъ. сдѣлайте одолженіе Этимологически, конечно, въ каждомъ изъ нашихъ стихотворцевъ есть и то, и другое

Такіе серьезные люди и изысканные мастера, какъ В Ивановъ и В Брюсовъ печатаютъ акростихи и вяжутъ вѣнки изъ сонетовъ. Такъ неужто же они отказались-бы отъ титула декадентовъ въ добавленіе къ другимъ, столь-же, если не болѣе ими заслуженнымъ?.

Когда-то, еще въ боевую пору новой поэзіи у французовъ, Артюръ Рембо [Rimbaud] напугалъ читателей (а еще больше не-читателей) сонетомъ о гласныхъ, гдѣ каждый гласный звукъ властно вызывалъ въ душѣ поэта ощущеніе одного изъ цвѣтовъ и символизировался различными мельканіями и звучаніями жизни

И вотъ не-читатели ожесточенно нападали на поэта, отлившаго въ классическую форму сонета такой казалось бы бредъ

Недавно кто то далъ, однако, очень простое рѣшеніе загадки, пробуя оправдать и Рембо, и тѣхъ, кого въ то время сонетъ все же заинтересовалъ, какъ смѣлая попытка фиксировать и объединить слишкомъ мимолетныя воспріятія, не подчиняясь общепонятымъ схемамъ —оказалось что въ какой то старой азбукѣ, по которой, можетъ быть, учился и Рембо, гласныя буквы были раскрашены и едва-ли не такъ же, какъ въ пресловутомъ сонетѣ Терроръ обратился въ идиллію, а желаніе удивить міръ--въ сентиментальное воспоминаніе

Только декадентства,—если мы все же условимся не смѣшивать этого слова съ словомъ—символизмъ —въ сонетѣ Рембо, пожалуй, что и нѣтъ

Поэтическимъ декадентствомъ [византинизмъ—какъ лучше любятъ говорить теперь французы] можно называть введеніе въ общій литературный обиходъ разнообразыхъ изощреній въ техникѣ стихотворства, которыя не имѣютъ ближайшаго отношенія къ цѣлямъ поэзіи, т е намѣренію внушить другимъ черезъ вліяніе словесное но близкое къ музыкальному, свое міровоспріятіе и міропониманіе

Если кто стихами напишетъ учебникъ географіи здѣсь еще не будетъ ника кого декаденства его не будетъ и въ томъ случаѣ, если вся иногда весьма поучительная и интересная работа по техникѣ стихотворства попадетъ въ литературу лишь въ качествѣ научнаго матеріала Но если является попытка ввести въ самую поэзію то, что завѣдомо не поэзія, это—уже поэтическое декадентство

Наше декадентство конечно, не западное оно имѣетъ свой колоритъ Напри мѣръ, приходится видѣть, какъ мѣняются между собой то акростихами то печатными надписями вродѣ Другу и Брату крупные и серьезные поэты, а за ними и слетки—хотя въ общемъ и менѣе экспансивные, чѣмъ старые лебеди

А кто не слышалъ о риѳмахъ Брюсовскаго сонета которыя угадалъ Вячеславъ Ивановъ?

Вы можете также прослѣдить, пожалуй, перелистывая сборники послѣднихъ лѣтъ, за ходомъ состязаній въ версификаціи на красиво заданныя темы

Ангелъ благого молчанія

[В Брюсовъ и Ѳ Сологубъ]

Лѣто Господне благопріятное

[Вяч Ивановъ и Кузминъ]

И все это печатается Все это хочетъ быть поэзіей

Не декадентство ли самыя эти состязанія?

Только не спортъ, нѣтъ

Скорѣе похоже на то, какъ монахи въ воскресный лѣтній день между повечеріемъ и всенощной — въ виду бѣлой кладбищенской стѣны занимаются метаніемъ по озерной глади круглыхъ галекъ—кто больше и дальше угонитъ отъ берега мгновенныхъ круговъ

Что въ нашей литературѣ проходитъ струя византійства [французы и не раз дѣляютъ теперь словъ decadentisme и byzantinisme] въ поэзіи особенно чувствительная,—для кого же это впрочемъ тайна?

Между тѣмъ и по существу слово такъ долго было въ кабалѣ и помыка ніи Что же мудренаго, если, почувствовавъ наконецъ свою силу и цѣнность, и то какъ имъ гордятся и какъ его любятъ и наряжаютъ,—оно, слово тре буетъ теперь чтобы съ нимъ хоть чуточку, но пококетничали его вчерашніе падишахи!

Да и страсть къ декораціямъ, насъ донимающая уже не первое десятилѣтіе какъ хотите, а должна была здѣсь сказаться Такъ ли далеко отъ виньетки или заставки до вычурнаго имени для сборника, а отсюда ужъ и до акростиха? И кто виноватъ что рѣзвая и быстроглазая риѳма Пушкина у Макса Воло шина стала изысканной одалиской? Или кто возьмется положить грань между

работой художника, когда онъ ищетъ болѣе свободнаго, болѣе гибкаго, болѣе вмѣстительнаго стиха, и прихотью словеснаго эквилибриста, показывающаго, какъ можно играть риѳмами длиною въ 5 и 6 слоговъ?

Символизмъ это—наименованіе немножко неясное Двусмысленность въ немъ есть какая то

Можно ли назвать баллады Валерія Брюсова символическими, напр ‚Пеплумъ'? И да, и нѣтъ

Въ поэтикѣ символъ обыкновенно противополагаютъ образу

Поэтическій образъ выраженіе хоть и давнее, но положительно неудачное Оно заставляетъ предполагать существованіе поэзіи не только внѣ ритма, но и внѣ словъ, потому что въ словахъ не можетъ быть образа и вообще ничего обрѣзаннаго

Слова открыты, прозрачны слова не только текутъ, но и свѣтятся Въ словахъ есть только мелькающая возможность образа Пытаясь толковать слова образами, иллюстрація и сцена всегда привносятъ нѣчто свое и новое и онѣ не столько передаютъ Офелію, очарованіе которой неразрывно съ безсмертной иллюзіеи словъ какъ подчеркиваютъ всю ея непереводимость Съ другой стороны, но не ближе, подходитъ къ поэзіи и музыка Пускай текучая, какъ слово, и какъ она, раздѣльная —музыка живетъ только абсолютами, и дальшеопернаго компромисса музыки съ поэзіей и включенія рѣчи въ оркестръ не могъ пойти даже Вагнеръ

Въ поэзіи есть только относительности, только приближенія—потому никакой другой кромѣ символической, она не была, да и быть не можетъ

Все дѣло въ томъ, насколько навязывается ей всегда внѣ ея, въ насъ лежащій образъ

Есть нѣсколько силъ, которыя мѣшаютъ словамъ расплываться въ бѣглой символикѣ Первая—заключается въ культовой легендѣ. Афродита забываетъ мистическую дальность своего символа Ашторетъ и греческій лодочникъ заставляетъ ее возникать изъ эгейской пѣны прямо готовой гречанкой Кипридой, дочерью Зевса — или Кроноса, — это ужъ не важно Вотъ образъ, смѣнившій символъ

А вотъ и другой примѣръ того же Богъ Сабадзій получаетъ въ Элладѣ перистиль и часть отъ бычьяго бедра, но за это онъ долженъ забыть, что былъ въ родной Фригіи лишь молитвеннымъ призывомъ, менѣе чѣмъ словомъ, междометіемъ, крикомъ ‚сабой, сабой!'

Героическая легенда, романтическое самообожаніе, любовь къ женщинѣ, къ Богу, сцена, кумиры,—всѣ эти силы въ свою очередь властно сближали и

сближаютъ слово съ образомъ, заставляя поэта забывать объ исключительной и истинной силѣ своего матерiала, словъ, и ихъ благороднѣйшемъ назначенiи— связывать переливной сѣтью символовъ ,я' и ,не—я', гордо и скорбно сознавая себя среднимъ, и притомъ единственнымъ среднимъ, между этими двумя мiрами. Символистами справедливѣе всего называть, по моему, тѣхъ поэтовъ, которые не столько заботятся о выраженiи ,я' или изображенiи ,не—я' какъ стараются усвоить и отразить ихъ вѣчно смѣняющiяся взаимоположенiя

Вотъ элементарная символическая пьеса Ея авторъ, Блокъ рѣдкiй по моему примѣръ прирожденнаго символиста Воспрiятiя Блока зыбки, слова эластичны, и его стихи, кажется, прямо-таки не могутъ не быть символическими

Онъ спитъ пока закатъ румянъ
И сонно розовѣютъ латы,
И съ тихимъ свистомъ сквозь туманъ
Глядится змѣй, копытомъ сжатый

Сойдутъ глухiе вечера
Змѣй расклубится надъ домами
Въ рукѣ протянутой Петра
Запляшетъ факельное пламя

Зажгутся нити фонарей,
Блеснутъ витрины и троттуары.
Въ мерцаньи тусклыхъ площадей
Потянутся рядами пары

Плащами всѣхъ укроетъ мгла
Потонетъ взглядъ въ манящемъ взглядѣ
Пускай невинность изъ угла
Протяжно молитъ о пощадѣ

Тамъ, на скалѣ, веселый царь
Взмахнулъ зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящiй облачила!

Бѣгите всѣ на зовъ, на ловъ,
На перекрестки улицъ лунныхъ!
Весь городъ полонъ голосовъ,
Мужскихъ—крикливыхъ, женскихъ—струнныхъ

Онъ будетъ городъ свой беречь
И, заалѣвъ передъ денницей
Въ рукѣ простертой вспыхнетъ мечъ
Надъ затихающей столицей

[Альм Бѣлыя Ночи СПБ 1907 стр 9 сл]

Я нарочно выбралъ это прозрачное стихотворенie Оно никого не смутитъ ни педантизмомъ, ни тайнописью Но чтобы пьеска понравилась, надо все-же отказаться, читая ее, отъ непосредственныхъ аналогiй съ дѣйствительностью

,Веселый царь взмахиваетъ зловонное кадило'—какъ образъ, т е отраженie реальности, это, конечно, нелѣпо Но вспомните наше опредѣленie Мысль и жизнь скрестились А мы такъ привыкли, чтобы Петръ на Сенатской пло щади и точно царилъ, что мысль о томъ, что всѣ эти смѣны нашихъ же пе тербургскихъ освѣщенiй и шумовъ зависятъ тоже отъ него, отъ его указующей и властной руки,—ну, право же поэтъ просто не могъ не выдѣлить эту мысль изъ перекрестныхъ мельканiй воспрiятiя и отраженiя Подчинитесь хоть на минуту этой смѣнѣ,—вѣдь васъ же ничто не дразнитъ, не дурачитъ, не оскорбляетъ,—дайте немножко, чуть чуть себя загипнотизировать Да и нельзя иначе Этого требуетъ самая плавность и музыка строфъ Все стихотворенie состоитъ изъ ,четвертыхъ пэоновъ, т е всплескиваетъ равномѣрно каждая четвертая волна Только въ заключительныхъ стихахъ всѣхъ строфъ, кромѣ послѣдней [ея послѣднiй стихъ долженъ замыкать и всю пьесу, со отвѣтствуя, такимъ образомъ, первому стиху первой строфы], всплески двоятся и четвертый даже чуть чуть уступаетъ второму въ начальныхъ пэонахъ

Протяжно молитъ
Фонарь манящiй.

Хорошо—но зачѣмъ же свиститъ змѣй? Вѣдь змѣй изъ мѣди не можетъ свистать! Вѣрно,—но не менѣе вѣрно и то, что этотъ свистѣлъ пользуясь за катной дремотой всадника Все дѣло въ томъ что свистъ здѣсь—символъ придавленной жизни Оттуда же и это желанie ,глядѣться сквозь туманъ Свистомъ змѣй подаетъ знакъ союзникамъ, ихъ же и высматриваетъ онъ, еще плѣнен ный, изъ подъ ноги коня

Змѣй и царь не кончили исконной борьбы И въ розовомъ заволакивающемъ вечерѣ тѣмъ неизбѣжнѣе чувствуется измѣна и высматриванie. Но вотъ змѣй выростаетъ Змѣй воспользовался глухотой сторожа, который сошелъ съ вышки, на смѣну дремлющему Петру и онъ—,расклубился' надъ домами Это—и его жизнь теперь, и не его Вспыхнувшее пламя между тѣмъ открываетъ одну руку Петра А змѣй снизу изъ-подъ копыта, гдѣ остается часть его раздавленности, все еще продолжаетъ творить Вотъ отчего

Невинность изъ угла
Протяжно молитъ о пощадѣ

Но появившаяся луна наполнила улицы и площади Петербурга новой жизнью, и теперь кажется, что весь городъ сталъ еще болѣе призрачнымъ, что онъ сталъ однимъ слитieмъ и разлитieмъ ночныхъ голосовъ Зато все заправ

даннее, все бытное ушло въ одного мощнаго хранителя гранитовъ, что самая заря, когда она смѣнитъ наконецъ ночь, покажется поэту лишь вспыхнувшимъ мечомъ во все той же, неизмѣнно приковавшей къ себѣ утомленные глаза его, рукѣ мѣднаго всадника.

. . . . . .

Перехожу къ портретамъ.

Валерій Брюсовъ—москвичъ, печатается съ 1892 года. Основной сборникъ, куда вошло и все, что этотъ поэтъ сохраняетъ отъ прежней своей поэзіи, называется ‚Пути и перепутья' [два тома, второй вышелъ въ 1908 г.]—туда напр. почти цѣликомъ вошелъ Urbi et Orbi [1903 г.] и Stephanos. Послѣдняя книга стиховъ (много новаго) вышла въ 1909 г. и называется ‚Всѣ напѣвы'. Она даетъ нынѣшняго, а значитъ скорѣе всего и будущаго Брюсова, потому-то мы ею и будемъ главнымъ образомъ пользоваться въ этомъ очеркѣ.

Поэзія Брюсова облечена въ парнасскія ризы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она вся полна пробъ, искусовъ и достиженій,—и только небрежный чтецъ не увидитъ, какъ часто бывали всѣ эти исканья болѣзненны, трудны для поэта и даже мучительны.

Не таково творчество Брюсова, чтобы мы стали искать въ немъ (какъ у Пушкина, Гейне или Стеккетти) его—все равно, реальныхъ или фантастическихъ—но личныхъ, жизненныхъ переживаній. Нѣтъ, поэзія Брюсова это лѣтопись непрерывнаго ученичества и самопровѣрки, а не событій,—труда, а не жизни. Или ужъ такъ въ ней все личное тщательно затушевано?

Впрочемъ, не все-ли равно, какъ жилъ Валерій Брюсовъ.

Воды Мелара или англійскій кипсекъ, свиданіе съ женщиной или дѣтское воспоминаніе — все это для Брюсова только тѣни, все—лишь этапы будущаго творчества—сначала, оцѣнки и дистилляціи—потомъ. Цвѣта и вкусы, свое и чужое, внезапно вспыхнувшую нѣжность и самую усталость отъ пристальной работы Валерій Брюсовъ копитъ и цѣдитъ въ мысли, чтобы ихъ—если пригодятся—облечь потомъ метафорой и музыкой стиха въ тишинѣ своей лабораторіи,—тамъ, гдѣ проходитъ его поэзія и творится настоящая жизнь.

Никто не умѣетъ лучше Валерія Брюсова показать сквозь холодную красоту словъ и чуткія, часто тревожныя, волны ритмовъ всей *отвратительной ненужности жизни*, всей пытки требовательныхъ страстей.

Вотъ Брюсовъ въ свои тихія, свои отвлеченныя минуты —

Мнѣ хорошо подъ буйство бури,
При кроткомъ блескѣ ночника,
На тщательной миніятюрѣ
Чертить узоры лепестка.

[‚Всѣ напѣвы', стр. 81].

Или, можетъ быть, автопортретъ вышелъ еще лучше въ ,русалкѣ' [ibid)?

А въ день осеннихъ водосвятій,
Изъ подъ воды едва видна,
Какъ рѣчь таинственныхъ заклятій,
Молитвы слушала она

Тутъ все его, Брюсовское—подводность, и жадное, по своему радостное, по тому что цѣлесообразное, воспріятіе, и даже обыденность даже ритуальность оффиціальной молитвы, претворяемая въ заклятіе, въ чару и переводимая имъ на свой и волшебный языкъ

А все-таки приходится идти и туда Или хотя бы вообразить себѣ это пы точное тамъ Лабораторная логика требуетъ отъ него ,сонаты'

Но почему темно? Горятъ безсильно свѣчи
Пустой громадный залъ чуть озаренъ Тѣхъ нѣтъ
Ихъ смолкли хохоты, ихъ отзвучали рѣчи,
Но насъ съ тобой связалъ мучительный обѣтъ

Идемъ творить обрядъ Но въ сладкой дѣтской дрожи,
Но съ ужасомъ въ зрачкахъ, извивы губъ сливать,
И стынутъ, чуть дыша, на нежеланномъ ложѣ,
И ждать, что страсть придетъ, незванная, какъ тать

Какъ милостыню я приму покорно тѣло,
Вручаемое мнѣ, какъ жертва палачу,
Я всѣхъ святынь коснусь безжалостно и смѣло
Въ отвѣтъ запретныхъ словъ спрошу—и получу

Но жертва—кто изъ насъ? Ты брошена на плахи?
Иль осужденный—я, по правому суду?
Не знаю Все равно Чу! Красныхъ крыльевъ взмахи
Голгоѳа кончилась Свершилось Мы въ аду

Кто скажетъ, что лучше въ этомъ замѣчательномъ стихотвореніи поэзія или сладостная Брюсовская реторика? Какое искусство и какая тайна даетъ мель кать призраку барельефа среди чуткой текучести символовъ?

Но въ этой пьесѣ останавливаетъ на себѣ особое вниманіе вовсе не строи ность, а нѣчто другое, именно — стихъ

Въ отвѣтъ запретныхъ словъ спрошу и получу

Я выписываю этотъ стихъ вовсе не затѣмъ, конечно, чтобы укорять поэта за его будто бы цинизмъ Поэтъ не отвѣчаетъ за нашъ грубый переводъ его символовъ такъ какъ онъ самъ предлагаетъ совсѣмъ другой ихъ переводъ, стихотворный

Во всякомъ случаѣ, если для физiолога является установленнымъ фактомъ близость центровъ рѣчи и полового чувства, то эти стихи Брюсова, благодаря интуицiи поэта, получаютъ для насъ новый и глубокiй смыслъ. Прежде всего что такое неприличное, т е запретное слово по существу? ἄρρητον (ἀπόρρητον) значитъ—несказанное запретное [не смѣшивайте съ ἄφατον тоже несказанное, но уже потому, что оно ищетъ символа,—который, можетъ быть, забытъ]

Оба они и ἄρρητον и ἄφατον, и суть слова по преимуществу, т. е звуко сочетанiя, дѣйствительно сознающiя себя таковыми, а не дающiя забыть, за обыденностью жеста, о томъ, что они—слова

Не здѣсь ли ключъ къ эротикѣ Брюсова, которая освѣщаетъ намъ не столько половую любовь, сколько процессъ творчества т е священную игру словами Я не люблю эротики Брюсова, и мнѣ досадно, что она меня за хватываетъ Я хотѣлъ бы понять ее иначе .. чтобы въ ней было больше настоящаго Брюсова:

Какъ сладостно на голосъ Красоты,
Закрывъ глаза, стремиться въ безнадежность,
И бросить жизнь въ кипящую мятежность
Какъ сладостно сгорѣть въ огнѣ мечты,
Въ безумномъ снѣ, гдѣ слиты я' и ,ты',
Гдѣ ранитъ на смерть лезвеями нѣжность

[,Всѣ напѣвы', стр 39]

Любовь, какъ пытка, любовь среди палачей, костровъ, смертей—такова эротика Брюсова, и никто лучше этого поэта не открылъ намъ страшный смыслъ умирающаго костра —

Бушуетъ вьюга и взметаетъ
Вихрь надъ слабѣющимъ костромъ,
Холодный снѣгъ давно не таетъ,
Ложась вокругъ огня кольцомъ

Но мы прикованные взглядомъ
Къ послѣдней черной головнѣ
На ложе смерти никнемъ рядомъ,
Какъ вь нѣжномь и счастливомъ снѣ.

Пусть молкнутъ зовы безъ отвѣта,
Пусть торжествуетъ ночь и ледъ,—
Во снѣ мы помнимъ праздникъ свѣта,
Да искръ безумныхъ хороводъ!

Ликуетъ вьюга, давитъ тупо
Намъ грудь фатой изъ серебра
И къ утру будемъ мы два трупа
У заметеннаго костра

[„Всѣ напѣвы стр 55]

Пришлось бы потратить очень немного остроумія, если хотите, чтобы открыть въ эротикѣ Брюсова красоту флагеллаціи и мазохизма
Тамъ такъ часто униженно молятъ о прощеніи и поклоняются грѣху съ раболѣпіемъ и проклиная Но вглядитесь пристальнѣе Развѣ эта эротика не одна сплошная, то цвѣтистая, то музыкальная, метафора то сладостныхъ, то пыточныхъ исканій, достиженій, недающихся искусовъ, возвратовъ и одолѣній художника?
Да Валерій Брюсовъ больше любитъ прекрасный призракъ жизни, мечту, украшенную метафорами, чѣмъ самую жизнь. Я говорю о художникѣ, конечно Мнѣ нѣтъ дѣла до такой детали Брюсова-поэта, какъ Брюсовъ человѣкъ

Въ вѣнцѣ изъ терній дни мои, межъ нихъ
Одинъ лишь часъ въ уборѣ изъ сирени,
Какъ Суламиѳи домъ, гдѣ спитъ женихъ,
Какъ Александру дверь въ покой Елены,
Такъ были сладостны для губъ моихъ
Ея колѣни

Иногда онъ любитъ даже не мечту — и она тогда слишкомъ для него груба и назойлива Нѣтъ, просто—грусть

Но не длить мечту застѣнчивую
Въ старый паркъ пришла я вновь
Тихой грустью я увѣнчиваю
Опочившую любовь

Жизнь Валерій Брюсовъ охотнѣе всего облекаетъ или въ застылость города, старой легенды, сѣвернаго пейзажа, — или обращаетъ въ призракъ, чтобы она ни о чемъ не спрашивала, а, напротивъ ее можно было разглядывать, и, не успѣвъ вовлечь насъ съ собой въ сутолоку, жизнь покорно оставалась съ нами на лабораторномъ экранѣ

Вотъ городъ—

Царя властительно надъ доломъ,
Огни вонзая въ небосклонъ
Ты трубъ фабричныхъ частоколомъ
Неумолимо окруженъ
Стальной, кирпичный и стеклянный,

Сѣтями проволокъ обвитъ,
Ты—чарователь неустанный,
Ты—неслабѣющій магнитъ
Дракономъ хищнымъ и безкрылымъ
Засѣвъ, ты стережешь года
А по твоимъ желѣзнымъ жиламъ
Струится газъ, бѣжитъ вода

[Всѣ напѣвы стр 100 сл]

А вотъ призракъ дѣвушки—

Мы были рядомъ на мгновенье,
И встрѣчи жизнь не повторитъ
Кто ты? Откуда? Съ кѣмъ таилась
Въ наемной комнатѣ вдвоемъ?
Куда подъ утро торопилась
Съ своимъ стыдливымъ узелкомъ?

Но характернѣе для поэта его ,Уличная' [,Всѣ напѣвы', стр 103], съ удивительной смѣной неполно отзвучныхъ риѳмъ, которыя точно для того и предназначены, чтобы живое казалось призракомъ выдумкой уличныхъ фонарей или начинающимся бредомъ Риѳмы —главное, слѣдите за нечетными риѳмами!

Свищетъ въ полъ голоса аріи,
Блескомъ и шумомъ полна,
Здѣсь на ночномъ тротуарѣ
Вольная птица она

Дѣтски балуется съ локономъ
Вьющимся дерзко къ глазамъ,
То вдругъ наклонится къ окнамъ
Смотритъ на радужный хламъ

Вотъ улыбнулась знакомому
Всѣмъ ожерельемъ зубовъ!
Вотъ подмигнувъ молодому
Бросила нѣсколько словъ

Кто то кивнулъ необдуманно,
Къ ней наклонился,—и вотъ
Вмѣстѣ смѣется онъ шумно
Рядомъ, волнуясь, идетъ

Словно громадное зеркало
Ихъ отразило окно,
И отраженье померкло,
Канувъ на темное дно

Но вы ошиблись бы, принявъ здѣсь творчество за импрессіонизмъ Ничего подобнаго нѣтъ! Это самъ поэтъ претворилъ въ цвѣтовое пятно, въ волну уличной жизни то, что въ дѣйствительности можетъ быть и даже навѣрное пребольно вцѣпилось въ него, занятаго въ данную минуту какими нибудь выкладками въ своей походной лабораторіи Пришлось сдѣлать надъ собой усиліе. Жизнь груба и надменна Развѣ легко повѣнчать ее съ призракомъ?
Но иногда и Валерію Брюсову это не въ мочь Двойная жизнь вѣчнымъ перебоемъ своихъ неслитостей совсѣмъ истомила поэта, и вотъ онъ восклицаетъ

Мы не споримъ, не ревнуемъ,
Припадая въ тишинѣ
Истомленнымъ поцѣлуемъ
Къ обнажившейся спинѣ

Я нарочно остановился долѣе на анализѣ поэтическихъ воспріятій Брюсова Его мучительныя пробы кажутся мнѣ исполненными недовѣрія не только къ своимъ силамъ, но и къ тому, что вообще онъ дѣлаетъ, хочетъ дѣлать и любить дѣлать Это скептикъ, даже болѣе—иронистъ
Еще въ началѣ девятисотыхъ годовъ поэтъ говорилъ

Я старый пепелъ не тревожу
Здѣсь былъ огонь и вотъ остылъ
Какъ змѣй на сброшенную кожу
Смотрю на то, чѣмъ прежде былъ

Лучей зрачки горятъ на росахъ,
Какъ серебромъ все залито...
Ты ждешь меня у двери, посохъ!
Иду! иду! со мной—никто!

[У себя Пути и перепутья II 5 сл]

И не разъ потомъ то слышался ему призывъ къ работѣ, и поэтъ понукалъ свою мечту ,какъ вѣрнаго вола', то видѣлъ онъ себя случайнымъ путешественникомъ; нить Аріадны выпадала у него изъ рукъ, погасшій факелъ обжигалъ пальцы, и лабиринтъ, гдѣ ,въ бездонномъ мракѣ нѣтъ дорогъ', мстилъ ему, потому что онъ былъ здѣсь только пришельцемъ только однимъ изъ тѣхъ, кому не выдаются тайны.
Наконецъ, уже совсѣмъ недавно Валерій Брюсовъ снова видитъ себя столь же далекимъ, какъ и въ юности, отъ грезившейся цѣли Поэтъ не нашелъ аз долгіе и трудовые годы того ,немыслимаго знанья, которое было его первой и тайной любовью, [Пути и перепутья' II 4] и вотъ какое мы слыщимъ признанье—

Я сѣятеля трудъ упорно и сурово
Свершилъ въ краю пустомъ,
И всколосилась рожь на нивахъ время снова
Мнѣ стать ученикомъ

Я не знаю, смѣется ли когда нибудь Валерій Брюсовъ Я видалъ его—въ стихахъ (въ натурѣ совсѣмъ его не видѣлъ) серьезнымъ и размѣреннымъ Онъ почти всегда строго строфиченъ, а блеску его чужды тревожныя сверканія Лишь изрѣдка матовый и нѣжный, этотъ блескъ чаще переходитъ въ широкое и ровно-лучистое сіяніе Поэтъ любитъ выдавать себя за коллекціонера, эклектика и порою отъ интригуетъ насъ страннымъ сходствомъ съ Жуковскимъ Но антологія Брюсова и точно сродни Майковской

Эллада ничего не сказала бы Валерію Брюсову Его Ахиллесъ у алтаря [,Stephanos 165] хочетъ умереть ,приникнувъ къ устамь Поликсены', и я не нахожу, чтобы очертаніе этого героя существенно разнилось не только отъ силуэта тріумвира, который промѣнялъ свой пурпуръ на поцѣлуй Клеопатры [,Stephanos, 168], но и отъ фигуры праотца, когда тотъ соблазняетъ нашу праматерь: различны ситуаціи, но колоритъ одинъ—пепельный и не намѣренно-ли академическій? Что будетъ съ Валеріемъ Брюсовымъ, когда минуютъ годы ,ученичества' и даже завтра если онъ захочетъ бросить свою прихотливую аскезу?
Я боюсь воскрешать слова изъ предисловія къ ,Orbi et urbi'—ихъ уже нѣтъ передъ стихами 2-го тома ,Путей и перепутій' Но тогда Валерій Брюсовъ еще мыслилъ стихъ отдѣльно отъ поэзіи
Для отдаленнаго будущаго [я не особенно вѣрю, чтобы для поэта какое нибудь будущее точно казалось отдаленнымъ] онъ провидѣлъ стихъ въ качествѣ совершеннѣйшей формы рѣчи' смѣщающимъ прозу ,прежде всего въ философіи

Если до сихъ поръ онъ ,въ тѣхъ же мысляхъ', это многое разъясняетъ, конечно, во ,Всѣхъ напѣвахъ', и даже на заглавіе сборника бросаетъ свѣтъ А ученичество, декадентство и педантизмъ Валерія Брюсова пріурочиваются для насъ такимъ образомъ къ данной ступени его міропониманія. Послушайте, Брюсовъ, но развѣ стихъ можетъ быть рѣчью, т е. обыденностью?
Потому что смѣшно же, въ самомъ дѣлѣ, проектировать въ будущемъ какой то гіератизмъ стилей, съ академіей въ Чебоксарахъ
Каждая область знанія точно ищетъ освободиться отъ путъ метафоры, отъ миѳологическихъ сѣтей рѣчи—но ужъ конечно, не для изысканности стиля а чтобы уйти въ терминологію, въ беззвучность, въ письмо въ алфавитъ на аппаратѣ Морзе Что же будетъ она дѣлать—скажите—со стихомъ этимъ пѣвучимъ геніемъ миѳа, увѣряющимъ ее въ вѣчности Протея и безсмертіи непрестанно творимой легенды?

И кому нужна будетъ философія безъ системы, а тѣмъ болѣе стихъ, отказавшійся быть личнымъ, ирраціональнымъ, божественно-неожиданнымъ? Впрочемъ, тутъ, конечно, легче гадать, чѣмъ судить, и критика, пожалуй, еще апріорнѣе утвержденія. Я протестую въ словахъ Брюсова противъ одного— ,несомнѣнно , и хорошо что онъ написалъ его шесть лѣтъ тому назадъ, а теперь, можетъ быть, ужъ и забылъ!

Во всякомъ случаѣ стихъ не даромъ носилъ когда-то не только философскую мечту, но и философскую доктрину Наша элегія до сихъ поръ склонна къ ,философичности'

Да и нельзя толочься десятками лѣтъ среди такихъ соблазнительныхъ сосѣдствъ, какъ мертво и ничего жизни и тризнѣ, безъ цѣли—качели смерть и твердь [есть, положимъ, еще верть' и жердь — но онѣ скромно отодвигаются въ сторону, чувствуя всю свою обидную не антологичность] и не настраиваться время отъ времени метафизически

Есть однако въ Россіи поэты, для которыхъ философичность стала какъ бы интегральной частью ихъ существа Поэзію ихъ нельзя назвать, конечно, ихъ философіей Это и не философская поэзія Сюлли Прюдома Атмосфера, въ которой родятся искры этой поэзіи, необходимая творчеству такихъ поэтовъ — густо насыщена мистическимъ туманомъ: въ ней носятся частицы и теософическаго кокса этого буржуазнѣйшаго изъ Антисмертиновъ, въ ней можно открыть, пожалуй, и паръ отъ хлыстовскаго радѣнія,—сквозь нее мелькнетъ отсырѣвшая страница Шопенгауера, желтая обложка ,Свѣта Азіи ,—Заратустра бредилъ въ этомъ туманѣ Апокалипсисомъ

О, я далекъ отъ желанія писать карикатуру Я говорю о нашей душѣ, о больной и чуткой душѣ нашихъ дней

И вы уже угадали, что рѣчь идетъ о поэтѣ и романистѣ, которому было бы довольно ,Мелкаго бѣса' и ,Опечаленной невѣсты', чтобы имя его осталось безсмертнымъ выраженіемъ времени, которое мы, какъ всякое другое поколѣніе, склонны, за неимѣніемъ къ оному перспективы, считать безвременьемъ

Ѳедоръ Сологубъ — петербуржецъ

На послѣдней изъ извѣстныхъ мнѣ книгъ его стиховъ написано, что она 8 ая [издана въ 1908 году, 202 стр Москва. Изд Золотое Руно]

Двѣ вещи наиболѣе чужды поэзіи Сологуба, насколько я успѣлъ ее изучить Во первыхъ, непосредственность (хотя гдѣ-же они и вообще у насъ, Франсисы Жаммы? ужъ не лукавый ли Блокъ?)

К. БОГАЕВСКІЙ.
ПЕЙЗАЖЪ

Во вторыхъ неумѣнье или нежеланье стоять внѣ своихъ стиховъ Въ этомъ отношенiи это — разительный контрастъ съ Валерiемъ Брюсовымъ, который не умѣетъ—и не знаю, хочетъ ли когда—оставаться внутри своихъ стиховъ, а также съ Вячеславомъ Ивановымъ, который даже будто кичится тѣмъ, что умѣетъ уходить отъ своихъ созданiй, на какое хочетъ разстоянiе (Найдите, напр., попробуйте, Вячеслава Иванова въ ,Танталѣ' Нѣтъ, и не ищите лучше, онъ тамъ и не бывалъ никогда).

Сологубъ, какъ это ни странно, для меня лучше всего характеризуется именно объединенностью этихъ двухъ отрицательно формулированныхъ свойствъ Какъ поэтъ, онъ можетъ дышать только въ своей атмосферѣ, но самые стихи его кристаллизуются сами, онъ ихъ не строитъ

Вотъ примѣръ

Мы — плѣненные звѣри,
Голосимъ какъ умѣемъ
Глухо заперты двери,
Мы открыть ихъ не смѣемъ

Если сердце преданiямъ вѣрно,
Утѣшаяся лаемъ, мы лаемъ
Что въ звѣринцѣ зловонно и скверно
Мы забыли давно, мы не знаемъ

Къ повторенiямъ сердце привычно, —
Однозвучно и скучно кукуемъ
Все въ звѣринцѣ безлично, обычно
Мы о волѣ давно не тоскуемъ

Мы плѣненные звѣри,
Голосимъ, какъ умѣемъ
Глухо заперты двери
Мы открыть ихъ не смѣемъ

Прежде всего — слышите-ли вы, видите ли вы, какъ я вижу и слышу что̀ мельнуло, что̀ смутно пропѣло въ душѣ поэта, когда онъ впервые почувствовалъ возможность основной строфы этой пьесы?
Первой обозначившейся строчкой была третья въ напечатанномъ стихотворенiи;
— Глухо, заперты двери—Вы узнаете ее конечно?

,Тихо заперъ я двери' —

Вѣдь это была тоже **третья строчка** въ стихотвореніи Пушкина ‚Пью за здравіе Мэри

Данная пьеска Корнуэлла, и по имени Мэри и по эпохѣ Пушкинскаго вдохновенія [1830 г], нераздѣльно сочетается для насъ, и для Сологуба тоже, конечно,—съ ‚Пиромъ во время чумы' Уильсона Пушкина Я не говорю уже о томъ, что самый ‚Пиръ' теперь для читателя невольно пріобрѣтаетъ именно Сологубовскій колоритъ

Контрасты Пушкина сгладились, мы ихъ больше не чувствуемъ—что же дѣлать? Осталось нѣчто грубо хохочущее, нѣчто по своему добродушно-застращивающее, осталась какая то кладбищенская веселость, только совсѣмъ новая, отнюдь болѣе не Шекспировская форма юмора

За **дверями**, пришли къ Сологубу и **звѣри**. Но они пришли не спроста О, это — звѣри особенные У нихъ своя исторія Метафора? Отнюдь нѣтъ Здѣсь пережитость, даже болѣе — здѣсь постулатъ утраченной вѣры въ будущее *) Сложная вещь это Сологубовская метэмпсихоза Иногда ему хочется на нее махнуть рукою, а иногда онъ развалится возлѣ въ креслѣ [какъ въ предисловіи къ ‚Пламенному кругу', напр] вотъ, молъ, и у насъ своя теософія,—а вы себѣ тамъ какъ хотите!

Помните ‚собаку сѣдого короля', эту великолѣпную собаку

Ну вотъ живу я паки,
Но тошенъ бѣлый свѣтъ
Во мнѣ душа собаки
Чутья же вовсе нѣтъ

[‚Пламенный кругъ', стр 25]

Вы думаете **чутья же вовсе нѣтъ** это тоже аллегорія? Ничуть не бывало Лирическій Сологубъ **любитъ принюхиваться**, и это не капризъ его, и не идіосинкразія—это глубже связано съ его болѣзненнымъ желаніемъ вѣрить въ переселеніе душъ Сологубу подлинно, органически чужда непосредственность,—которая была въ немъ когда то, была не въ немъ — Сологубѣ, а въ немъ—собакѣ И какъ дивно обогатилась наша лирика благодаря этому кошмару юродиваго

Высока луна Господня
Тяжко мнѣ
Истомилась я сегодня
Въ тишинѣ

---

*) Вы помните это страшное ‚Въ день Воскресенія Христова'

Томительно молитъ могила,
Раскрытъ напрасно смрадный склепъ,
И мертвый ликъ Эммануила
Опять ужасенъ и нелѣпъ

Ни одна вокругъ не лаетъ
Изъ подругъ
Скучно страшно замираетъ
Все вокругъ
Въ ясныхъ улицахъ такъ пусто,
Такъ мертво,
Не слыхать шаговъ, ни хруста—
Ничего
Землю нюхая въ тревогѣ,
Жду я бѣдъ
Слабо пахнетъ по дорогѣ
Чей-то слѣдъ
Никого нигдѣ не будитъ
Быстрый шагъ
Жданный путникъ, кто жъ онъ будетъ
Другъ иль врагъ?
Подъ холодною луною
Я одна
Нѣтъ, не въ мочь мнѣ — я завою
У окна
Высока луна Господня
Высока,
Грусть томитъ меня сегодня
И тоска
Просыпайтесь нарушайте
Тишину
Сестры, сестры! войте, лайте
На луну

Я не потому выписалъ здѣсь это стихотворение что оно должно сдѣлаться классическимъ — что Геката всегда будетъ и будетъ всегда женщиной — что меня и въ этомъ не только увѣрила, но доказала мнѣ это данная пьеса Нѣтъ, я выписалъ стихи—какъ комментарій къ первымъ—,отчего и когда мы голосимъ' и ,зачѣмъ и по какому праву мы—поэты' Здѣсь всѣ отвѣты
Я сказалъ также что Сологубъ принюхивается Да—въ запахахъ для него и точно начало иныхъ поэмъ·

Порой повѣетъ запахъ странный,
Его причины не понять,—
Давно померкшій день туманный
Переживается опять

и т д [ibid стр 34]

Но никнутъ гробы въ тьмѣ всесильной
Своихъ покойниковъ храня,
И воздымаютъ смрадъ могильный
Въ святыню праздничнаго дня

[стр 68]

Дышу дыханьемъ раннихъ росъ,
Зарею ландышей невинныхъ
Вдыхаю влажный запахъ длинныхъ
Русалочьихъ волосъ

[стр 111]

или И влажнымъ запахомъ пустыннымъ
Русалочьихъ волосъ

[стр 112]

Я, конечно, пропускаю всѣ строки объ ароматахъ—гдѣ скучно было бы отличать элементы псевдо лирическаго, реторики, или просто на просто клише отъ подлиннаго, новаго, нутряного лиризма Я говорю только о запахѣ, о нюханьѣ, т е о болѣзненной тоскѣ человѣка, который осмыслилъ въ себѣ бывшаго звѣря, и хочетъ и боится имъ быть, и знаетъ, что не можетъ не быть
Послѣ всего сказаннаго вы не ждете, конечно, что я займусь еще подыскиваніемъ для нашей кардинальной пьесы

Мы плѣненные звѣри

какихъ-нибудь аллегорій

Хотите—пусть это будутъ люди, хотите—поэты, хотите мы передъ революціей Для меня это просто звѣри, и выстраданные звѣри
Я говорилъ выше о философичности Сологуба и о невозможности для него быть непосредственнымъ, но читатель не заподозритъ меня, я думаю, въ томъ, чтобы я хотѣлъ навязать его поэтической индивидуальности разсудочность интеллектуальность
Напротивъ, Сологубъ эмоціоналенъ, даже болѣе—онъ сенсуаленъ, только его сенсуальность осложнена и какъ бы даже пригнетена его мистической мечтой—самая мечта его лирики преступна это— Іокаста, оплодотворенная ею же рожденнымъ Эдипомъ
Любовь Сологуба похотлива и нѣжна, но въ ней чувствуется что то гіэнье, что то почти Карамазовское, какая-то всегдашняя близость преступленія Гдѣ-то высоко караулитъ Смерть и все равно Ей—колыбельку или брачное ложе

Отчетливо и тонко
Я вижу каждый волосокъ,
Я слышу звонкій голосокъ,
Погибшаго ребенка

Она стонала надъ водой,
К о г д а е е л ю б о в н и к ъ б р о с и л ъ,
Ея любовникъ молодой
На шею камень ей повѣсилъ [стр 111]

Кто съ ними былъ хоть разъ,
Тотъ ихъ не станетъ трогать
Сверкнетъ зеленый глазъ,
Царапнетъ быстрый коготь
Прикинется котомъ
Испуганная нежить,
А что она потомъ
Затѣетъ? Мучить? Нѣжить? [стр 137]

Помните вы эту тихую колыбельную? [стр 37 сл.] —Вся изъ хореевъ усѣченныхъ на концѣ нѣжно открытой риѳмой На л и, ю, д у, н а, д а изрѣдка динькающей—д е н ь—т ѣ н ь, с о н ъ—л е н ъ или узкой шепотной—с в ѣ т ъ — н ѣ т ъ

Сколько въ этой элегіи чего-то истомленнаго, придушеннаго, еле-шепчущаго, жутко невыразимо-луннаго

— Сонъ, т ы г д ѣ б ы л ъ? За горой
Что ты видѣлъ? Лунный свѣтъ
— Съ кѣмъ ты былъ? Съ моей сестрой
— А сестра пришла къ намъ?—Нѣтъ
Я тихонько пою
Баю баюшки баю

Тяжело мнѣ, я больна,
Помоги мнѣ, милый братъ

Я косила цѣлый день
Я устала Я больна
За окномъ шатнулась тѣнь
Притаилась у окна
Я пою пою пою
Баю-баюшки баю [стр 37 сл]

Нѣтъ, я не вѣрю материнству желанія, когда оно поетъ у того же Сологуба

Я на ротикъ розъ раскрытыхъ росы тихія стряхну,
Глазки свѣтнки-цвѣточки пѣсней тихою сомкну
[стр 36]

А какая страшная нѣжность въ этой реторикѣ, среди лубочныхъ волхвованій

Любовью легкою играя,
Мы обрѣли блаженный край
Вкусили мы блаженства рая,
Сладчайшаго, чѣмъ Божій рай [стр 167]

И вдругъ откуда то брызнули и полились стеклянные звоны, и чьи то губы тянутся, дышатъ, улыбаются, чьи-то розовыя губы обѣщаютъ въ васъ всю свою сладость перелить Разберите только, гдѣ здѣсь слова, а гдѣ только лилы и качанія

Лила, лила, лила качала
Два тѣльно-алыя стекла,
Бѣлѣй лилей, алѣе лала
Бѣла была ты и ала

А та—Желтолицая уже здѣсь, возлѣ немножко лубочная, но что изъ этого?

И въ звонахъ ласково-кристальныхъ
Отраву сладкую тая,
Была милѣе дѣвъ лобзальныхъ
Ты, смерть отрадная моя! [стр. 168]

Воспреемнику Недотыкомки не зачѣмъ, кажется, были бы стихи, чтобы томить и долить насъ новымъ страхомъ, новымъ не только послѣ Вія, но и послѣ пробужденія Раскольникова Но лирикѣ нашей точно нуженъ Сологубовскій единственный страхъ—

Не трогай въ темнотѣ
Того, что незнакомо,—
Быть можетъ это—тѣ,
Кому привольно дома

Куда ты ни пойдешь,
Возникнутъ пусторосли

[т. е что то глупо-кошмарно-дико-разросшееся, вродѣ назойливо—*не* сказанныхъ и цѣпкихъ словъ, изъ которыхъ иной разъ напрасно ищешь выдраться въ истомѣ ночного ужаса]

Измаешься, заснешь
Но что-же будетъ послѣ?
Прозрачною щекой
Прильнетъ къ тебѣ сожитель

[неотступная близость темноты, уже привычной, странно-обыденной даже]

Онъ сѣрою тоской
Твою затмитъ обитель
И будетъ жуткій страхъ
Такъ близко, такъ знакомо,—
Стоять во всѣхъ углахъ
Тоскующаго дома

Мы не прочь вѣрить иногда Сологубу, что наше общее ‚я' было раньше и Фриной [стр 17 сл] Но намъ ближе въ словахъ его другая Прекрасная Дама, та—нежить, которая пришла соблазнять его въ бѣлой рубахѣ

Упала бѣлая рубаха
И предо мной, обнажена
Дрожа отъ страсти и отъ страха
Стоитъ она

Только вы не разбирайте здѣсь словъ Я боюсь даже, что вы найдете ихъ сочетанія банальными —А вотъ лучше сосчитайте-ка, сколько здѣсь *а* и полу *а*—посмотрите, какъ человѣкъ воздуху набираетъ отъ того, что увидѣлъ, какъ у вѣдьмы упала бѣлая рубаха? Кто разберетъ, гдѣ тутъ соблазнъ? гдѣ безсиліе? гдѣ ужасъ?

Сологубъ прихотливый поэтъ и капризный, хоть нисколько не педантъ эрудитъ Въ немъ чаще бываетъ даже нѣчто обнаженно педагогически ясное
Но есть и у Сологуба слова-тики и, уснащая его стихи, они придаютъ имъ индивидуальный колоритъ, въ родѣ того какъ разныя винтели и слѣдовательно отмѣчаютъ говорку большинства изъ насъ
У Анри де Ренье недавно констатировали такіе точно тики-слова or и mort
Сологубъ злоупотребляетъ словами больной и злой Все у него больное: дѣти, лиліи, сны и даже долины Затѣмъ у Сологуба лирика есть и странности въ воспріятіяхъ Босыя женскія ноги, напримѣръ, въ его стихахъ кажутся чѣмъ то особенно и умилительнымъ, и грѣшнымъ—а главное какъ-то безмѣрно тѣлеснымъ
Иногда Сологуба тѣшатъ и звуки Но это не Вячеславъ Ивановъ, этотъ визіонеръ средневѣковья, пережившій потомъ и Возрожденіе, чтобы стать однимъ изъ самыхъ чуткихъ нашихъ современниковъ Когда Вячеславъ Ивановъ цѣдитъ, кромсаетъ и прессуетъ слова для той фаянсовой ступки, гдѣ онъ будетъ готовить—алхимикъ—свое слѣпительное Да, онъ прежде всего возбуждаетъ въ васъ интеллектуальное чувство, интересъ, даже трепетъ, пожалуй, передъ его знаніемъ и искусствомъ

Не то Сологубъ—

Ты поди некошною дорогою
Ты нарви мнѣ ереснаго зелія

Ты приди ко мнѣ съ шальной пошавою
Страшенъ навій слѣдъ
Горекъ омегъ твой

[стр 133]

Я перерылъ бы всѣ энциклопедіи, гоняясь за Вячеславомъ Ивановымъ если бы этотъ голубоглазый мистикъ вздумалъ когда нибудь прокатиться на Брокенъ Но мнѣ рѣшительно неинтересно знать, что тамъ такое бормочетъ этотъ шаманъ Сологубъ, молясь своей вѣдьмѣ Да знаетъ ли еще онъ это и самъ, старый елкичъ!

,Елисавета—Елисавета

Цѣлая поэма изъ этого звукосочетанія, и какая поэма! Она захлебывается отъ слезъ, можетъ быть, сусальныхъ, но не все ли равно?—когда читая ее вамъ тоже хочется плакать.

Елисавета, Елисавета
Приди ко мнѣ!
Я умираю, Елисавета,
Я весь въ огнѣ
Но нѣтъ отвѣта, мнѣ нѣтъ отвѣта
На страшный зовъ
Въ странѣ далекой Елисавета,
Въ странѣ отцовъ
и т д.

[стр 191 сл]

Въ заключеніе о Сологубѣ—хорошо бы было сказать мнѣ и о томъ, какъ онъ переводитъ Но лучше, пожалуй, не надо Пусть себѣ переводитъ стихи Верлена; это дѣлаетъ не Сологубъ-поэтъ, а другой—внимательный и искусный переводчикъ А того, лирика-Сологуба,—и самого нельзя перевести Развѣ передашь на какомъ-нибудь языкѣ хотя бы прелесть этихъ ритмическихъ вздыманій и паденій Сологубовски-безрадостнаго утренняго сна—

Я спалъ отъ печали
Тягостнымъ сномъ
Чайки кричали
Надъ моимъ окномъ

Заря возопила
— Встрѣчай со мной царя

Я небеса разбудила,
Разбудила горя.

И вѣтеръ, пылая
Вѣчной тоской,
Звалъ меня, пролетая
Надъ моею рѣкой

Но въ тяжелой печали
Я безрадостно спалъ
О, веселыя дали,
Я васъ не видалъ! [стр 89]

Я впрочемъ радъ, что Сологубъ прилежно читалъ Верлена Если я не ошибаюсь, одна изъ лучшихъ его пьесъ, Чертовы Качели [стр 73 сл] навѣяна какъ разъ строфою изъ ,Romances sans paroles [T 1, p 155]

O mourir de cette mort seulette
Que s'en vont, cher amour qui t epeures
Balançant jeunes et veielles heures!
O mourir de cette escarpolette!

Сологубъ перевелъ его плохо, а я самъ позорно Не буду и пытаться переводить еще разъ это четверостишіе Лучше постараюсь объяснить вамъ Верленовскіе стихи, въ ихъ такъ сказать динамикѣ Представьте себѣ фарфоровые севрскіе часы, и на нихъ выжжено красками, какъ Горы качаютъ Амура Горы—молодыя, но самые часы старинные И вотъ поэтъ подъ ритмъ этого одинокаго ухожденія часовъ задумался на одну изъ своихъ любимыхъ темъ о смерти, т е конечно своей смерти Мягко монотонное чередованіе женскихъ риѳмъ никогда бы, кажется, не кончилось, но эту манію разрѣшаетъ формула рисунка: ,Вотъ отъ такихъ бы качелей умереть'
Чтобы скрыть отъ насъ картину, породившую его стихи, Верленъ заинтриговалъ насъ, вмѣсто миѳологическихъ Горъ поставивъ слово часы съ маленькой буквы, и вмѣсто Амура—написавъ любовь, какъ чувство
Не то у Сологуба. Его качели—самыя настоящія качели Это—скрипъ, это—дерзкое перетираніе конопли, это—ситцевая юбка шаромъ, и ухъ—ты! Но здѣсь уже дѣло не въ самомъ Сологубѣ, а въ свойствѣ того языка, на которомъ была когда-то написана и геніальная Пушкинская ,Телѣга'
Вотъ качели Сологуба въ выдержкѣ

Надъ верхомъ темной ели
Хохочетъ голубой:
— Попался на качели,
Качайся, чортъ съ тобой

Въ тѣни косматой ели
Визжатъ, кружась гурьбой
— Попался на качели
Качайся, чортъ съ тобой!

Замѣтьте, ни малѣйшей грубости, никакой фамильярности даже въ этомъ чортъ съ тобой—оно лукаво, вотъ и все

Вѣдь качаетъ то дѣйствительно чортъ А эти повторяющіяся эти качальныя эти стонущія риѳмы! Нѣтъ Сологубъ—не переводчикъ. Онъ слишкомъ самъ въ своихъ, имъ же самимъ и созданныхъ превращеніяхъ А главное—его даже и нельзя отравить чужимъ, потому что онъ мудро иммунировался

Продѣлала эту прививку на свой ладъ, конечно, вѣдьма И продѣлала жестоко

— Будутъ боли, вопли, корчи,
Но не бойся, не умрешь,
Не оставитъ даже порчи
Изнурительная дрожь

— Встанешь съ пола худъ и зеленъ
Подъ конецъ другого дня
Въ путь пойдешь, который велѣнъ
Духомъ скрытаго огня

— Кое что умретъ, конечно,
У тебя внутри—такъ чтожъ?
Что имѣешь, ты навѣчно,
Все равно, не сбережешь

[стр 139]

Вотъ каково можетъ быть было посвященіе Сологуба въ пророки Исаія, какъ видите, ужъ ровно не при чемъ!

Рядомъ съ литературными портретами Брюсова и Сологуба я опускаю портретъ Вячеслава Иванова [выступилъ въ 1897 г —,Кормчія звѣзды', потомъ, ,Прозрачность' 1904 г.], т к. тотъ сборникъ на основаніи котораго портретъ могъ бы, кажется, быть сдѣланъ (,Cor ardens), еще не вышелъ Но, говоря далѣе объ искусствѣ, я многое еще скажу о поэзіи Вячеслава Иванова

(Продолженіе слѣдуетъ)

АРХАИЗМЪ ВЪ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ

(РЕРИХЪ БОГАЕВСКІЙ И БАКСТЪ)

АМЕНЬ становится растеніемъ, растеніе звѣремъ, звѣрь—человѣкомъ, человѣкъ—демономъ, демонъ—Богомъ—говорится въ Каббалѣ

Камень, дерево, человѣкъ Вотъ символы Рериха, Богаевскаго и Бакста—трехъ художниковъ, которые при всемъ внѣшнемъ несходствѣ тѣсно связаны въ русскомъ искусствѣ своимъ устремленіемъ черезъ историческое къ архаическому

Цѣли, средства, языкъ, духъ, темпераментъ—все различно въ нихъ Но основная линія направленія ихъ искусства одна и та же их лица обращены въ одну сторону

Каменный и глыбистый Рерихъ Скорбный, утонченный и замкнутый Богаевскій. Бакстъ—изысканный и любопытный собиратель художественно-историческихъ рѣдкостей.

Рерихъ—являющійся непосредственнымъ продолжателемъ тѣхъ мастеровъ каменнаго вѣка, которые кремень умѣли заострить въ лезвіе ножа, а на кускѣ кости рыбьей начертить иглой вѣтвистыя рога оленя и косматый профиль мамонта

Богаевскій—выросшій въ печальной землѣ Киммеріанъ, и въ развалинахъ скиѳскихъ, греческихъ и генуэзскихъ колоній прозрѣвшій музыкально-стройныя видѣнія Лоррена

Бакстъ—ученый, элегантный, многоликій и столь переимчивый, что для того, чтобы найти ему подобнаго въ этомъ всецѣломъ усвоеніи чужого, надо дойти до Филиппино Липпи

Всѣ трое связаны одной мечтой объ архаическомъ

Мечта объ архаическомъ—послѣдняя и самая завѣтная мечта искусства нашего времени, которое съ такою пытливостью вглядывалось во всѣ историческія эпохи, ища въ нихъ рѣдкаго, пряннаго и съ собою тайно схожаго

Точно многогранное зеркало, художники и поэты поворачивали всемірную исторію, чтобы въ каждой грани ея увидать фрагментъ своего собственнаго лица

Любовь къ архаическому была создана откровенiями археологическихъ раскопокъ конца девятнадцатаго вѣка

Когда героическая мечта тридцати вѣковъ — Троя, стала вдругъ осязаемой и вещественной, благодаря раскопкамъ въ Гиссарликѣ, когда раскрылись гробницы микенскихъ царей и живой рукой мы смогли ощупать прахъ Эсхиловыхъ героевъ, вложить наши пальцы невѣрующаго Ѳомы въ раны Агамемнона, тогда нѣчто новое разверзлось въ нашей душѣ

Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто грезилъ во снѣ, и, проснувшись, печалится объ отлетѣвшемъ сновидѣнiи, но вдругъ ощущаетъ въ сжатой рукѣ цвѣтокъ или предметъ принесенный имъ изъ сонного мiра, и тогда всею своею плотью, требующей осязательныхъ доказательствъ, начинаетъ вѣрить въ земную реальность того, что до тѣхъ поръ было лишь неуловимымъ касанiемъ духа И когда мы проснулись отъ торжественнаго сна Илiады, держа въ рукѣ ожерелье, которое обнимало шею Елены Греческой, то весь ликъ античнаго мiра измѣнился для насъ! Фигуры, уже ставшiя условными знаками, вновь сдѣлались вещественны

‚День исторiи'—говоритъ Вячеславъ Ивановъ—смѣняется ночью, и кажется, что ночи ея длиннѣе дней Такъ средневѣковье было долгою ночью,—не въ томъ смыслѣ, въ какомъ утверждается ночная природа этой эпохи мыслителями, видящими въ ней только мракъ варварства,—но въ иномъ смыслѣ, открытомъ тому, кто знаетъ, какъ зналъ Тютчевъ, ночную душу Но уже въ XIV вѣкѣ кончается четвертая стража ночи, и въ XV солнце стоитъ высоко Притинъ солнечный перейденъ къ XVII столѣтiю, а въ XIX мъ вѣетъ вѣщей прохладой сумерекъ Первыя звѣзды зажглись надъ нами. Яснѣе слышатся первыя откровенiя вновь объемлющей свой мiръ души ночной'

Начало девятнадцаго вѣка знало древнiй мiръ только, какъ разсвѣтъ всемiрной исторiи, въ концѣ же вѣка мы увидѣли въ архаической древности глубокую звѣздную ночь, предшествовавшую той средневѣковой ночи, о которой говоритъ Вячеславъ Ивановъ Но съ тѣхъ поръ кирка археолога подняла пласты земли еще болѣе древней, чѣмъ холмы Илiона

XX вѣку, первый годъ котораго совпалъ съ началомъ раскопокъ Эванса на Критѣ, кажется суждено переступить послѣднiя грани нашего замкнутаго круга исторiи, заглянуть уже по ту сторону звѣздной архаической ночи и увидѣть багровый закатъ Атлантиды Съ той минуты, когда глазъ европейца увидѣлъ на стѣнѣ Кноссоскаго дворца изображенiе царя Миноса въ видѣ краснокожаго и въ коронѣ изъ птичьихъ перьевъ напоминающей головные уборы Сѣверо

РИС К БОГАЕВСКІЙ

Американскихъ индѣйцевъ, первая связь между сокровеннымъ преданіемъ и историческою достовѣрностью положена, первая осязаемость о существованіи Атлантиды зажата въ нашей рукѣ

Но не научная доказательность важна была для искусства въ этихъ археологическихъ открытіяхъ: они создали новые разбѣги для мечты и для догадки

То, что было наидено въ предѣлахъ Архипелага, имѣло значенie не только въ области пониманія классичесской древности—оно отозвалось по всей землѣ и каждая пядь ее почувствовалась осѣмененной новыми возможностями, вся земля стала какъ кладбище, на которомъ мертвые уже шевелятся въ могилахъ, готовые воскреснуть

И Богаевскій и особенно Рерихъ чужды классической археологіи Но едва ли могли бы они возникнуть какъ явленія въ искусствѣ, если бы путь имъ не былъ подготовленъ новымъ пониманіемъ архаическои Греціи, не былъ имъ указанъ древнимъ духомъ, вѣющимъ на поэзіи
И Рерихъ и Богаевскій органически связаны корнями своей души каждый со своею областью Рерихъ съ сѣверомъ Богаевскій съ югомъ И для того и для другого сѣверъ и югъ не являются какой нибудь опредѣленной сѣверной или южной страной и, изъ какой бы опредѣленной страны ни исходили они, они провидятъ въ ней всегда идею юга или идею сѣвера Но югъ ли иль сѣверъ—основной ихъ темой остается та же великая земля, одинаково суровая, про стая и трагичная
Связь ихъ съ землей глубока и безысходна Обоимъ имъ суждено быть ея голосомъ, ея преображеніемъ
Бакстъ въ противуположность имъ оторванъ отъ земли и не связанъ ни съ какою опредѣленною областью Любовь къ архаическому не обусловлена для него всѣмъ безсознательнымъ существомъ его души Въ его архаизмѣ нѣтъ той неизбѣжности которая есть для Богаевскаго и Рериха
Бакстъ всегда напоминаетъ любезнаго археолога, который въ залѣ ‚College de France передъ великосвѣтской аудиторіей толкуетъ тайны женскаго туалета древнихъ вавилонянокъ и карѳагенянокъ Для него самымъ важнымъ оста ются человѣческія позы, украшенія и одежды, а вовсе не земля
Поэтому съ одинаковымъ искусствомъ онъ пишетъ портретъ свѣтской дамы въ современномъ платьѣ, рисуетъ декоративную обложку для книги со всѣмъ четкимъ изяществомъ восемнадцатаго вѣка, возсоздаетъ въ балетѣ петербург скіе костюмы николаевскаго времени компонируетъ декораціи къ ‚Ипполиту‘ и въ широкой панорамѣ изображетъ гибель Атлантиды
И всюду онъ остается блестящимъ живописцемъ, сквозь вещи и искусство эпохи видящимъ внѣшнія формы и лики жизни Онъ археологъ потому, что онъ образованный и любопытный человѣкъ, потому, что его вкусъ петербуржца влечетъ ко всему рѣдкому, терпкому, острому и стильному, потому, что онъ вдохновляется музеями, книгами и новыми открытіями Необычайная

его гибкость и переимчивость создаетъ то, что сокровища принесенныя имъ изъ другихъ эпохъ, становятся наглядными, общедоступными и сохранными, какъ черепки тысячелѣтнихъ сосудовъ подъ зеркальными витринами музеевъ какъ захлебывающіеся вопли іудейскихъ пророковъ подъ прозрачнымъ, нето ропливымъ и элегантнымъ стилемъ Ренана

Баксту ближе всего не ночь архаизма, мерцающая золотомъ въ Троѣ, въ Микенахъ, въ Тиринѳѣ а закатъ предшествовавшаго дня, догорѣвшій въ Критской культурѣ Какая иная древность могла бы быть Баксту милѣе, чѣмъ эта, когда архаическія царевны, по библейской хронологіи—современницы сотворенія міра Еговой, носили корсеты, юбки съ воланами, жакетки съ открытою грудью съ длинными рукавами жиго, съ небольшими фалдочками полуфрака сзади, а волосы немного подвитыми на лбу, спущенными по спинѣ и перевязанными широкими бантами?
Въ этой Критской культурѣ есть та изысканность формъ и сознаніе сладости бытія, которыя роднятъ ее съ французскимъ восемнадцатымъ вѣкомъ Когда смотришь на изображенія, откопанныя Эвансомъ, то анахронично вспоминаются слова Талейрана: ‚Кто не жилъ въ томъ десятилѣтіи, которое предшествовало Великой Революціи, тотъ никогда не познаетъ истинной сладости жизни Этотъ закатъ до историческаго дня пріоткрываетъ краешекъ какого то, быть можетъ только мѣстнаго, Золотого Вѣка страны, уже столѣтія жившей въ затишьи глубокаго мира забывшей о существованіи войнъ и оружія, потому что въ изображеніяхъ Крита нигдѣ нѣтъ никакого намека на воиновъ и на вооруженіе Но всюду, на всѣхъ вещахъ Критскаго вѣка проходитъ одна орнаментальная линія напоминающая объ Атлантидѣ Это завитокъ морской волны, который въ тѣхъ или иныхъ извивахъ широкими полосами обвиваетъ критскія вазы Это тотъ орнаментъ, которымъ Бакстъ обрамилъ сдѣланный имъ рисунокъ на обложкѣ ‚Аполлона‘ Онъ выдержанъ въ томъ же тонѣ, что подлинные орнаменты критскихъ вазъ архаическій Аполлонъ (франтисписа) держащій въ рукахъ киѳару изъ бычьихъ роговъ, одѣтъ тѣмъ же странной формы поясомъ, который встрѣчается на всѣхъ изображеніяхъ критскихъ царей, а колонны съужающіяся книзу, въ пролетахъ которыхъ видны убѣгающіе передъ лицомъ Бога сатиры, находятся въ залахъ Кноссоскаго дворца царя Миноса
Кноссосъ погибъ отъ военной катастрофы, разрушенный первою волною Пелазговъ и эта катастрофа, судя по слѣдамъ ея была такъ же внезапна, какъ и космическая катастрофа, повлекшая за собою гибель Атлантиды, одной изъ уцѣлѣвшихъ колоній которой являлся, вѣроятно, Критъ

Къ этой древнѣйшей катастрофѣ къ гибели великаго материка затопленнаго въ одну ночь волнами океана за десять тысячъ лѣтъ до нашей эры, какъ по вѣствуется въ Платоновомъ ,Тимеѣ', обратилась невольно мысль Бакста отъ критскихъ раскопокъ

Кромѣ свидѣтельства Платона и эзотерическихъ преданій, мы не имѣемъ ни какихъ доказательствъ существованія и гибели Атлантиды, символически изображенной на картинѣ Бакста—,Terror Antiqus' Но если вѣрить доказательству Плонжеона, изслѣдователя памятниковъ Мексиканскихъ Майевъ, то нѣтъ ни одного образованнаго европейца, который бы не зналъ наизусть и не по вторялъ разсказа о гибели Атлантиды, не зная и не понимая въ то же время смысла звуковъ, имъ произносимыхъ

Плонжеонъ доказываетъ, что имена буквъ греческаго алфавита въ ихъ послѣ довательномъ порядкѣ составляютъ майскую надпись, повѣствующую о гибели Атлантиды. Онъ даетъ точный переводъ этой надписи Другими словами надо предположить, что буквамъ греческаго алфавита были даны имена согласно тому же методу, по которому, на исторической памяти европейца, семь зву ковъ музыкальной гаммы, получили, какъ имена, первые семь слоговъ католическаго гимна Здѣсь же, въ видѣ алфавита, былъ запечатлѣнъ краткій разсказъ о міровой катастрофѣ, и криптограмма ,древняго ужаса' была кинута въ грядущія тысячелѣтія, болѣе чѣмъ каменными скрижалями и папирусными свит ками, охраненная этими, знакомыми каждому слогами альфа, бэта, гамма, дельта

Вячеславъ Ивановъ въ величественной статьѣ, посвященной ,Древнему Ужасу' описалъ и истолковалъ эту архаическую Афродиту Бакста, спокойно стоящую съ голубемъ въ рукахъ надъ взолновавшейся кремнистой чешуей планеты, но, какъ поэтъ, филологъ и мыслитель, онъ влилъ свое собственное чисто литера турное содержаніе въ декоративный и живописный замыселъ художника и колоссально расширилъ рамки живописно возможнаго Но если на минуту забыть этотъ образъ Афродиты—Мойры отнынѣ нерасторжимо связанный съ картиною Бакста, отрѣшиться отъ того громаднаго историческаго символа, въ который преобразилъ ее Вячеславъ Ивановъ, и вглядѣться только глазомъ, а не умомъ, въ живописный смыслъ линій, то прежде всего бросится въ глаза женская изысканность платья и уборовъ богини, выписанныхъ съ такою сосре доточенною любовностью, и сходство ея лица съ лицомъ самого Бакста, ко торое сквозитъ въ ней такъ же естественно, какъ лицо Дюрера сквозитъ въ его Христахъ

Когда же мы переведемъ глаза съ этого апоѳеоза архаическаго туалета, тор-

жествующаго надъ мiровой катастрофой, на зрѣлище самого катаклизма, то, вмѣстѣ съ безконечной ловкостью разрѣшенiя труднѣйшихъ перспективныхъ задачъ пейзажа, насъ поразитъ глубокая безопасность совершающагося, точно мы смотримъ сквозь толстое зеркальное стекло подземнаго акварiума. Да! Ото всего, что пишетъ Бакстъ, мы отдѣлены всегда зеркальной витриной музея

РИС К БОГАЕВСКАГО

Для него архаическое это только самая обширная зала въ музеѣ рѣдкостей, имъ собранныхъ, тогда какъ для Рериха и Богаевскаго это та атмосфера, внѣ которой они не могутъ существовать

Съ суроваго, древняго сѣвера принесъ свое искусство Рерихъ Оно такое же тяжелое, жесткое и непривѣтное, какъ его земля

Исторія Юга граничится переселеніями народовъ, великими войнами, разрушеніями древнихъ городовъ, она дѣлится на столѣтія и года Исторія же Сѣвера измѣряется лишь геологическими эпохами, пластами рѣчныхъ наносовъ и костяками ископаемыхъ Нельзя опредѣлить, какими тысячелѣтіями отдѣлена отъ насъ эта земля Рериха, земля, съ которой только что сошла мертвая толща вѣчныхъ льдовъ, земля, хранящая на себѣ только свѣжіе слѣды глубокихъ царапинъ и бороздъ, оставленныхъ древними ледниками

На ней еще нѣтъ ни кустовъ, ни деревьевъ одни лишь мхи, темные какъ письмо древнихъ иконъ, покрываютъ влажныя, солнцемъ еще не согрѣтыя, не обласканныя воздухомъ скалы Лишь изрѣдка среди этихъ пустынь встаютъ рѣдкія заросли низкорослыхъ сосенъ, черныхъ, узлистыхъ, съ тощей хвоей Земля хранитъ еще свои первобытные—глухіе, темные и глубокіе тона, подъ угрюмымъ и тяжкимъ небомъ

Растительное царство загадочно чуждо творчеству Рериха

Деревья на его картинахъ встрѣчаются лишь въ формѣ грубо обтесанныхъ бревенъ, изъ которыхъ сложены срубы городищъ и построены остроконечные частоколы, похожіе на оскаленные зубы, или въ формѣ тяжеловѣсныхъ богато и грубо раскрашенныхъ кораблей, напоминающихъ хищныхъ земноводныхъ

На землѣ Рериха такъ много камней и такъ мало почвы, что дереву негдѣ тамъ вырасти

Онъ, дѣйствительно, художникъ каменнаго вѣка, и не потому, что онъ стремится иногда изобразить людей и постройки этой эпохи а потому, что изъ четырехъ стихій міра онъ позналъ только землю, а въ землѣ лишь костистую основу ея—камень Не минералъ, не кристалъ, отдающій солнцу его свѣтъ и пламя, а тяжелый, твердый и непрозрачный камень эратическихъ глыбъ

Передъ его картинами невольно вспоминаются всѣ кельтскія преданія о злыхъ камняхъ, живущихъ колдовской жизнью о менгирахъ и долменахъ о поляхъ Карнака, о камняхъ, въ толщѣ своей хранящихъ воронкообразное подобіе рта, которое произноситъ слова изъ которыхъ слышатся иногда глухіе звуки, которое таитъ въ себѣ эхо какой то чужой всему живому жизни; о камняхъ, по ночамъ покидающихъ свое мѣсто и рыскающихъ, подобно крылатымъ ящерамъ, въ низкомъ болотномъ воздухѣ, приходятъ на умъ качающіяся скалы, невѣдомыми руками утвержденныя на точкѣ равновѣсія столь вѣрно найденной, что ничто въ теченіе тысячелѣтій не можетъ нарушить той математической гармоніи, которая при слабомъ прикосновеніи оживляетъ движеніемъ и трепетомъ тысячепудовыя глыбы мертваго вещества

И во всемъ остальномъ растущемъ, поющемъ сіяющемъ и глаголящемъ мірѣ

Рерихъ видитъ лишь то, что есть въ немъ слѣпого, нѣмого, глухого и каменнаго Небо для него становится непрозрачнымъ камнемъ до красна иногда во время закатовъ накаленнымъ и подъ тускло багровымъ сводомъ онъ мечетъ тяжкія каменныя облака Его ,Бой напоминаетъ первыя строфы Леконтъ де Лилева ,Каина
И люди, и животныя видимы для него лишь съ точки зрѣнія камня Поэтому у его людей нѣтъ лица.
Такъ бываетъ, когда проходишь по музею оружія среди кованныхъ доспѣховъ, хранящихъ подобіе человѣка, и даже отмѣчающихъ его характеръ въ своихъ сдержанныхъ позахъ и жестахъ Но за опущеннымъ забраломъ нѣтъ ни лица, ни взгляда, въ чешуйчатыхъ стальныхъ пальцахъ сжимающихъ крестообразныя рукояти мечей, нѣтъ живой руки Таковы же бываютъ каменные панцыри съ изгибами и линіями мощныхъ торсовъ окруженные пучками копій и знаменъ на декоративныхъ фозахъ арсеналовъ и экзерциргаузовъ Ужасъ зіяющей пустоты есть въ этомъ отсутствіи лика
У Рериха нѣтъ людеи — есть лишь ризы доспѣхи, звѣриныя шкуры рубахи, порты, высѣченные изъ камня, и всѣ они ходятъ и дѣйствуютъ сами по себѣ
И не только воздухъ, деревья, человѣка и текучее море видитъ Рерихъ каменными, – даже огонь становится у него ѣдкими зубцами желтаго камня, какъ въ его проэктѣ декораціи къ ,Валькиріи
Поэтому мозаика является самымъ вѣрнымъ матеріаломъ, въ которомъ онъ можетъ воплощать свои замыслы и структура его картинъ, написанныхъ масляными красками, неизбѣжно приближается къ мозаикѣ

Если духъ Рериха такъ исключительно близокъ царству камня то духъ Богаевскаго не менѣе близокъ къ царству растенія Это не сразу бросается въ глаза. Въ началѣ онъ много лѣтъ писалъ землю юга только опустошенную и страшную вь своей трагической наготѣ Эта пустыня не напоминала пустынности Рериха
На землѣ есть двѣ пустыни одна — первобытная, еще не завоеванная человѣкомъ рериховски суровая на сѣверѣ, поросшая дѣвственными лѣсами на югѣ другая — уже познавшая власть человѣка, испытавщая его плугъ и кирку его мечъ и огонь, обласканная его заботами и попранная его жестокостью Это та пустыня, которая отдѣляетъ одну отъ другой шесть Шлимановскихъ Трой изъ которыхъ каждая выростала на мѣстѣ разрушенной и ничего не знала о своихъ предшественницахъ Эта пустыня, какъ саванъ періодически окутываетъ извѣстныя долины земли передъ новымъ ихъ воскресеніемъ Есть такія области

юга, насквозь пропитанныя человѣческимъ ядомъ и обожженныя человѣческой мыслью Онѣ до глубочайшихъ пластовъ засѣяны сѣменами древнихъ фундаментовъ, могилъ, золотыхъ украшеній и черепками глиняныхъ сосудовъ Туда уходили пророки для духовныхъ изступленій Туда стремятся археологи для своихъ кротиныхъ изысканій У такой земли есть свое законченное, почти человѣческое лицо Въ ней есть великій паѳосъ и трагическій жестъ, невѣдомый угрюмымъ и простымъ пустынямъ сѣвера.

Пустыня юга создаетъ ту насыщенность и то уединеніе, которыя заставляютъ обращать взоръ къ ночному небу, къ другимъ уединеннымъ и тоскующимъ Солнцамъ Это чувство планетнаго одиночества земли неотступно преслѣдуетъ Богаевскаго Трагическому лику Земли онъ стремится противопоставить такой же трагическій ликъ Солнца, потеряннаго среди темныхъ пространствъ Онъ видитъ его иногда превратившимся въ какую-то бродячую комету и мертвеннымъ свѣтомъ, озаряющимъ нашу безлюдную землю

Но онъ не могъ оставить ее въ такомъ порывѣ всемірнаго отчаянія Послѣдніе годы въ его творчество влилась новая воля Онъ захотѣлъ преобразить свою землю Не людьми, а деревьями, величавыми и одинокими, населилъ онъ свою пустыню и измѣнился ликъ міра его

Духовные предки Богаевскаго — Пуссенъ и Клодъ Лоррэнъ смягчали трагическій паѳосъ юга человѣческими фигурами Крылатые гости небесъ, бесѣдующіе съ пастухами, чуть мерцаютъ неземнымъ свѣтомъ въ глубинѣ темно зеленыхъ кущъ Лоррэна А нимфы и гамадріады у Пуссена, и фавны красные тѣломъ и Панъ на вершинѣ скалы, играющій на флейтѣ, говорятъ о природѣ суровымъ и нѣжнымъ человѣческимъ языкомъ Природа же Богаевскаго замкнута въ своемъ великомъ и торжественномъ безлюдіи Строгость ея не смягчена ни пастухами, ни ангелами ни гамадріадами

По широкимъ долинамъ, на скатахъ холмовъ, по берегамъ озеръ у него растутъ большія молчаливыя деревья, которыя одни живутъ, мыслятъ и молятся Властные и цѣлящіе токи идутъ отъ этихъ деревьевъ, токами еще болѣе глухими и тайными овѣваютъ душу алтари его торжественныхъ горъ, и зеркала горныхъ озеръ колдуютъ небо

Онъ возсоздалъ на своей страстной землѣ тотъ рай, который существовалъ до сотворенія человѣка, когда она была населена одними стройными и мыслящими растеніями Въ идеѣ дерева нашло свое примиреніе и преображеніе скорбное и сдержанное творчество Богаевскаго

Такъ на пути къ архаическому Рерихъ, Богаевскій и Бакстъ раздѣлили между собой камень, растеніе и человѣка

Изъ всѣхъ трехъ самый мощный, слѣпой, смѣлый, самый глухо вѣщій—Рерихъ, рожденный отъ камня

Богаевскій, познавшій душу дерева,—самый стройный, самый музыкальный, самый проникновенный

А самый разнообразный, богатый, изящный и поверхностный — Бакстъ, который никогда и нигдѣ не можетъ забыть человѣка

Такъ камень становится растеніемъ, растеніе — звѣремъ, звѣрь — человѣкомъ, человѣкъ — демономъ

РИС К БОГАЕВСКАГО

ЕВГЕНІЙ БРАУДО

МУЗЫКА ПОСЛѢ ВАГНЕРА

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

СЛИ бросить бѣглый взглядъ на темы, которыя вдохновляютъ творчество современныхъ композиторовъ, на тѣ формы въ которыя вылилась ихъ музыка, то получится впечатлѣніе совершеннаго хаоса. Тутъ и глубокомысленныя поэмы изъ области современныхъ философскихъ исканій, рядомъ съ ними примитивная романтика и соціальная драма, тонкіе импрессіонистскіе наброски и строгая, чистая, въ смыслѣ стиля, камерная музыка, музыка на соціалистическія темы и догматическія религіозныя композиціи Но стоитъ только глубже намъ всмотрѣться въ это пестрое многообразіе явленій современной музыкальной жизни, и мы безъ труда замѣтимъ одну общую черту, свойственную всѣмъ жизнеспособнымъ музыкальнымъ произведеніямъ нашихъ дней Современная музыка окончательно утратила свой былой характеръ праздной забавы Музыкальное творчество нашихъ дней одухотворено раньше всего сознаніемъ, что музыка есть выраженіе душевной жизни человѣка Поэтому современный музыкантъ старается чутко прислушаться къ вѣяніямъ новыхъ идей, къ нарастанію новыхъ психологическихъ интересовъ Мы живемъ въ эпоху глубокаго перелома въ жизни человѣчества Вся философская мысль, вся общественная жизнь современной Европы проникнуты мыслью о новомъ человѣкѣ, ощутившемъ и познавшемъ свою внутреннюю идеальную сущность Критическій идеализмъ вошелъ въ плоть и кровь каждаго интеллигентнаго человѣка, и въ свѣтѣ новаго мышленія выросъ новый идеалъ человѣка, цѣльнаго, вѣрнаго своимъ кореннымъ инстинктамъ, своей настоящей природѣ И новой музыкѣ дано сыграть большую роль въ этомъ новомъ движеніи Она раскрываетъ передъ нами реальную картину чувствованій новаго будущаго человѣка и какъ-бы пріобщаетъ насъ, среди прозаическихъ условій современной жизни, къ духовной жизни будущаго Такова та религіозно-культурная

задача, которую ставитъ себѣ — вольно или невольно — современная музыка Вовлеченное въ потокъ новой идеалистической мысли, музыкальное творчество нашихъ дней совершенно выходитъ изъ прежней эгоистической замкнутости, изъ собственнаго міра ,самозаконченной игры чистыхъ музыкальныхъ формъ' Законченныя музыкальныя формы, сами по себѣ взятыя, безжизненны Эти традиціонныя классическія формы сдѣлались такимъ же тяжелымъ препятствіемъ для развитія свободнаго творчества музыки, какимъ, напримѣръ, старая церковная догматика является на пути къ новой религіи человѣческаго духа

Итакъ то, что главнымъ образомъ характеризуетъ современную музыку въ отличіе отъ музыки прежней эпохи, это, во-первыхъ—культурная роль, которую она играетъ въ развитіи современной духовной жизни человѣчества, и, во вторыхъ, та свобода отъ мертваго балласта формализма, то стремленіе къ новымъ, интеллектуальнымъ формамъ творчества, которое и съ внѣшней стороны отдѣляетъ ее отъ старомодной и классической музыки

I

Двѣ основныя тенденціи современной музыки являются лейтмотивами эстетики и художественнаго творчества главы и вдохновителя современной музыкальной жизни, Рихарда Вагнера Вагнеръ глубоко вѣрилъ въ грядущую великую европейскую революцію духа, которая должна была смести съ лица земли ветхихъ людей и создать вмѣсто нихъ новый міръ людей гармоничныхъ Новому историческому человѣку посвящены драмы Вагнера, ему онъ посвящаетъ свою философію искусства. Только то искусство прекрасно и жизнеспособно—такъ учитъ Вагнеръ—которое является откровеніемъ развивающагося духа времени и, въ единеніи съ дѣйственными силами исторіи, проникнуто нравственной волей къ осуществленію величайшей задачи жизни, духовнаго возрожденія человѣчества. Въ гармоничномъ произведеніи искусства будущаго, музыка выразительница міра чувствъ человѣка, должна подчиниться слову, носителю его интеллектуальныхъ процессовъ ,Das Wort steht über dem Ton' Таковъ основной принципъ музыкальной драмы Вагнера Какъ теоретикъ искусства, Вагнеръ далеко выходитъ за предѣлы узкихъ рамокъ музыкальной эстетики, и потому музыкальные патріоты любятъ композитора Вагнера противоставлять Вагнеру мыслителю А между тѣмъ, вся музыка Вагнера находится въ самой глубокой и неразрывной связи съ его философіей искусства, представляющей идейную разработку мотивовъ его художественнаго твор-

чества Чтобы понять партитуры Вагнера, надо сродниться съ его религіозным мировоззрѣніемъ, его любовью къ дальнему, къ человѣку будущаго Стилю Вагнера подражаютъ почти всѣ композиторы нашихъ дней, но проникнуть въ міръ идей, которымъ живетъ и дышитъ его художественное творчество, дано очень немногимъ изъ нихъ, и только избранные могутъ сказать про себя, что они являются истыми продолжателями художественной реформы байрейтскаго генія Несомнѣнно, что стиль и техника Вагнера содержатъ въ себѣ элементы, безъ которыхъ немыслимо дальнѣйшее развитіе музыки Вагнеровскій принципъ безконечной мелодіи, не стѣсненной никакими ограниченными законами симметріи, отражающей въ музыкѣ безпредѣльный полетъ человѣческой мысли, его геніальное использованіе оркестра для раскрытія психической жизни человѣка, его дивная инструментовка, одухотворенная пониманіемъ индивидуальной жизни каждаго отдѣльнаго инструмента, новое царство хроматики и неизвѣданныхъ еще гармоническихъ сочетаній—всѣ эти завоеванія музыкальнаго генія Вагнера несомнѣнно создали ту атмосферу, въ которой только и можетъ расти современная музыка Но зато Вагнеровскій стиль, кромѣ этихъ общихъ завоеваній музыкальныхъ идей и музыкальной техники, содержитъ въ себѣ также богатое выраженіе его чисто индивидуальныхъ замысловъ Въ техникѣ Вагнера есть много странностей и преувеличеній, есть много старомодныхъ элементовъ, которые можно понять, лишь вдумавшись въ ту историческую обстановку, среди которой ему пришлось выступить Не надо забывать, что каждый реформаторъ болѣе, чѣмъ кто-либо, связанъ съ условіями своей эпохи, и что стремленіе найти практическую почву для осуществленія своихъ плановъ заставляетъ его вносить въ свою реформу элементы, имѣющіе лишь временный смыслъ и значеніе Таковъ законъ всякой реформы, въ томъ числѣ и художественной Современные же намъ вагнеріанцы, копируя цѣликомъ произведенія своего учителя, совершенно не умѣютъ отдѣлять все случайное и уже ненужное для нашихъ дней въ музыкальныхъ драмахъ Вагнера отъ вѣчной художествнннной и духовной правды, которая сіяетъ сквозь внѣшнюю оболочку его твореній Это слѣпое подражаніе паѳосу оркестра Вагнера, это нагроможденіе сложныхъ гармоническихъ оборотовъ и тяжеловѣсной хроматики тамъ, гдѣ она совсѣмъ не требуется ходомъ пьесы или драмы, это безсмысленное повтореніе сюжетовъ, взятыхъ непремѣнно изъ области сѣверной миѳологіи — все это производитъ впечатлѣніе такого же убожества какъ, напримѣръ, антисемитизмъ и антививекціонизмъ ортодоксальныхъ сыновъ байрейтской церкви Такое неумѣніе отдѣлить тѣло Вагнеровской драмы отъ ея души говоритъ о томъ, что завоеванія компози

торской реформы Вагнера еще не вошли въ плоть и кровь музыкальнаго творчества нашей эпохи И только тогда, когда художественное творчество современности сроднится съ основными элементами техники Вагнера, оно сможетъ воспринять и идейное содержанiе его музыкальной драмы

Рядомъ съ тѣмъ влiянiемъ, которое оказало на современную музыку творчество Рихарда Вагнера, надо поставить и влiянiе другого великаго музыкальнаго реформатора нашего вѣка, Франца Листа Въ своей эстетической философiи Рихардъ Вагнеръ сдѣлалъ одну крупную ошибку Онъ думалъ, что музыка является лишь выраженiемъ внутренней жизни человѣка, совершенно непохожей на жизнь реальнаго мiра, выраженiемъ непосредственнаго воспрiятiя метафизическаго начала вселенной, и что только слово можетъ придать ея порывамъ конкретный характеръ Предоставленная сама себѣ музыка, даже въ высшихъ своихъ вдохновенiяхъ, не можетъ идти дальше выраженiя смутнаго томленiя о новомъ мiрѣ, болѣе совершенномъ, болѣе гармоничномъ, чѣмъ тотъ, въ которомъ мы живемъ Вагнеръ вѣрилъ, что ‚абсолютная' музыка тѣсно связана съ традицiонной формой симфонiи, которая и на самомъ дѣлѣ не могла выразить ничего, кромѣ этой именно сферы человѣческихъ чувствъ И Вагнеръ видѣлъ главную задачу музыки въ соединенiи симфонiи съ духовнымъ элементомъ жизни, со словомъ, какъ ея выраженiемъ Музыка является носительницей моральной воли человѣчества и, соединенная со словомъ, она открываетъ божественное содержанiе въ каждомъ отдѣльномъ явленiи Въ своихъ разсужденiяхъ о музыкѣ Вагнеръ совершенно упускаетъ возможность единенiя музыки съ дѣйствительной жизнью, отраженной въ человѣческой фантазiи, этой посредницей между идеальнымъ и реальнымъ мiромъ человѣка

Путемъ оплодотворенiя часто музыкальнаго творчества,— именно видѣнiями фантазiи поэта,—пошелъ въ своихъ симфоническихъ поэмахъ Францъ Листъ Слѣдуя въ области симфоническаго творчества исключительно законамъ внутренняго зрѣнiя, Листъ въ каждой картинѣ, которую онъ находилъ у поэта, открываетъ ту форму, которая служитъ ему базисомъ для музыкальнаго творчества и, дѣйствительно, имѣетъ также чисто музыкальную цѣнность Его музыка не расплывалась въ море звуковъ, а основой оставалась вѣрна опредѣленной поэтической идеѣ

Симфоническая музыка, слѣдовавшая прежде сонатной формѣ, въ основѣ которой лежали элементы марша и танца, элементы внѣшняго зрѣнiя—подражанiе внѣшнимъ движенiямъ человѣка—въ поэмахъ Листа возвысилась до внутренняго зрѣнiя поэтическаго, одухотвореннаго

II

Рихардъ Вагнеръ считалъ симфоническую поэму мертворожденнымъ родомъ музыкальнаго творчества Жизнь, въ этомъ случаѣ, не оправдала его предсказаній: Фр Листъ является главой богатой талантами школы симфонистовъ поэтовъ, жизнеспособность которой могутъ отрицать только самые близорукіе музыкальные педанты. Наиболѣе яркимъ представителемъ этого направленія въ современной музыкѣ является Рихардъ Штраусъ Въ своемъ творчествѣ онъ достигъ высшей точки, доступной для нашего времени, на томъ пути, который проходитъ въ своемъ историческомъ развитіи музыка и который ведетъ ее отъ подражанія простымъ движеніямъ танца къ художественной символикѣ психологическаго характера Среди современныхъ музыкантовъ Штраусъ является величайшимъ мастеромъ въ этомъ направленіи Его музыка зоветъ насъ не къ радостному эгоизму танца не къ опьяняющему экстазу чувства, она хочетъ заставить своего слушателя мыслить въ музыкальныхъ образахъ Тѣмъ обиднѣе для насъ то, что умственные горизонты Штрауса не особенно широки и что его огромный музыкальный талантъ и совершенная музыкальная техника скованы служеніемъ уже умирающему міровоззрѣнію

Въ своей наиболѣе интересной, глубокой и удачной поэмѣ ‚Такъ сказалъ Заратустра‘, содержащей въ себѣ музыкальное воплощеніе его завѣтныхъ мыслей, Штраусъ выступаетъ какъ-бы завороженнымъ настроеніями современнаго ницшеанскаго Діониса Въ ‚Заратустрѣ‘ Штраусъ старается выявить въ звукахъ пантеистическій, жизнеутверждающій, радостный элементъ загадочной книги Ницше ‚Человѣчество тщетно ищетъ разрѣшенія загадки жизни сначала въ церковной догмѣ, потомъ въ наукѣ—только въ ритмахъ космическаго энтузіазма человѣкъ обрѣтетъ божественную легкость и царственную силу чтобы покорить себѣ тайну бытія и въ пѣснѣ танца онъ перейдетъ въ изступленную радость небытія‘... Такъ комбинируетъ Штраусъ въ стройное цѣлое своей поэмы элементы философіи Ницше. Въ музыкальномъ отношеніи ‚Заратустра‘ является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ его твореній Темы ‚Заратустры‘ смѣлы, чрезвычайно пластичны и прозрачно чисты Онѣ комбинируются въ самыхъ смѣлыхъ контрапунктахъ Контрапунктика Штрауса свидѣтельствуетъ о его изумительномъ мастерствѣ и знаніяхъ Особенно интересна широкая волна пѣсни танца‘, гдѣ на фонѣ нервирующаго ритма сливаются всѣ темы симфонической поэмы Инструментовка ‚Заратустры‘, очень сложная, все же захватываетъ слушателя съ стихійной силой (какъ, напримѣръ, во вступительныхъ тактахъ поэмы, гдѣ изъ очень простой темы разворачи

вается надъ органнымъ пунктомъ C величавая картина лучезарной красоты природы, или въ таинственной безднѣ ночной пѣсни въ концѣ),—силой, дѣйствующей такъ же могущественно, какъ, напримѣръ, наиболѣе вдохновенныя мѣста изъ Берліоза Къ ‚Заратустрѣ', по своей концепціи, примыкаетъ и другая большая симфоническая поэма Штрауса: ‚Жизнь героя' Въ ней Штраусъ пытается дать конкретный образъ ницшевскаго сверхъ-человѣка, героя нашего времени Но, несмотря на геніальное выполненіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей, вся поэма производитъ гораздо болѣе слабое впечатлѣніе, чѣмъ ‚Такъ сказалъ Заратустра' Въ ея музыкѣ чувствуется какая-то хвастливая преднамѣренность, желаніе сказать нѣчто значительное и глубокомысленное Штраусовская Жизнь героя' раздѣлила, въ этомъ отношеніи, судьбу большинства современныхъ художественныхъ произведеній, посвященныхъ изображенію жизненныхъ путей сверхъ человѣка Въ примѣненіи къ жизни аморальный идеалъ Ницше далъ въ концѣ-концовъ только картину нравственнаго безсилія и не слишкомъ умнаго нагроможденія большихъ жестовъ...

Если въ ‚Заратустрѣ' и ‚Жизни героя' мы видѣли попытку Штрауса дать въ музыкальныхъ образахъ выраженіе своего міросозерцанія, то въ партитурахъ ‚Донъ Кихота' и ‚Эйленшпигеля' мы знакомимся съ другой стороной художественнаго творчества Штрауса, съ его виртуознымъ умѣніемъ передавать тончайшіе оттѣнки настроеній, съ его глубокимъ знаніемъ традиціонныхъ музыкальныхъ формъ, такъ какъ обѣ эти поэмы написаны съ соблюденіемъ придворныхъ этикетовъ ‚абсолютной' музыки ‚Донъ-Кихотъ' представляетъ собой варіаціи на тему, которая, по глубинѣ своихъ психологическихъ прозрѣній, является музыкальнымъ чудомъ духовидящаго реализма Картина психической ненормальности ‚Донъ-Кихота' передана съ почти патологической точностью въ туманныхъ очертаніяхъ партіи струнныхъ инструментовъ, въ заключительныхъ аккордахъ темы ея, такъ называемыми, ‚ложными послѣдовательностями' За ней идетъ цѣлый рядъ варіацій, рисующихъ различные эпизоды романа Сервантеса, исполненныхъ мягкаго, человѣческаго сострадaнія и любви къ несчастному рыцарю печальнаго образа Въ этомъ произведеніи Штраусъ является однакожъ не иллюстраторомъ произведенія Сервантеса, онъ углубляетъ свою тему и раскрываетъ передъ нами общечеловѣческія черты трагедіи идеалиста, и потому его варіаціи пріобрѣтаютъ болѣе глубокій интересъ Къ сожалѣнію, прекрасная основная идея этихъ варіацій заслоняется нагроможденіемъ совершенно ненужныхъ реалистическихъ подробностей романа Въ инструментовкѣ Штраусъ часто прибѣгаетъ къ довольно грубымъ уловкамъ, направленнымъ къ тому, чтобы вызвать въ во-

ображеніи слушателя чисто зрительныя впечатлѣнія ,Зрѣніе ушами' есть одно изъ наиболѣе непріятныхъ заблужденій въ пониманіи идеи программной музыки Царство музыки есть внутренній міръ человѣка, и стремленіе къ чисто внѣшнему, зрительному реализму совершенно можно

,Тилль Эйленшпигель' написанъ въ формѣ рондо, выдержанномъ впрочемъ, только въ тематическомъ смыслѣ этого слова И какой живой искрящейся веселостью загораются подъ вѣяніемъ музыкальнаго творчества Штрауса неуклюжія очертанія ,der alten Schelmenweise', послужившей для него канвой поэмы. ,Эйленшпигель', пародія, мальчишеская шутка, сатира, нѣсколько тяжеловѣсная, хотя и ѣдкая въ своемъ оригинальномъ юморѣ Она вся дрожитъ и извивается въ смѣлыхъ и своеобразныхъ ритмическихъ оборотахъ, на которые, вообще говоря, Штраусъ великій мастеръ Каждый отдѣльный инструментъ живетъ въ этой поэмѣ юмора своей жизнью, жизнью беззаботнаго нахала, не знающаго никакихъ приличій Вся партитура, и по вертикальной и по горизонтальной линіи, дышетъ веселіемъ и остроуміемъ, и страницы ея представляютъ собой цѣлое сокровище смѣлыхъ оркестровыхъ эффектовъ

Размѣры настоящей моей статьи не позволяютъ мнѣ сдѣлать хотя бы краткій обзоръ другихъ симфоническихъ поэмъ (,Донъ-Жуанъ, ,Смерть и Просвѣтленіе', ,Domestica' и т д) Штрауса Лишь въ самыхъ краткихъ словахъ придется мнѣ поговорить о лирикѣ Рихарда Штрауса Въ лирикѣ этой особенно цѣненъ тотъ идейный переворотъ, который Штраусъ совершаетъ своимъ выборомъ текстовъ для пѣсней, въ современной музыкальной литературѣ Въ своихъ пѣсняхъ онъ проявляетъ себя несомнѣнно, какъ композиторъ, наиболѣе всѣхъ чуткій къ идейнымъ и, если хотите, даже общественнымъ исканіямъ современности Макай, Демель, Генкель, Бирбаумъ являются его любимыми поэтами Это одухотворенное пониманіе современныхъ мечтаній высоко возноситъ его надъ другими музыкальными ,лириками' современности, еще и понынѣ благополучно перебирающими пожелтѣвшіе и обезцвѣтившіеся сборники старинныхъ романтическихъ стихотвореній Среди пѣсней Штрауса есть жемчужины, которыя никогда не затеряются въ мірѣ музыкальныхъ твореній, большинство изъ нихъ поражаютъ богатствомъ своей музыкальной мысли, прекрасной мелодикой, но все же, для лирика, Штраусу недостаетъ той душевной мягкости и сердечности, которыя трогаютъ до слезъ и заставляютъ слушателя совершенно забывать о себѣ Его пѣсни производятъ большее впечатлѣніе въ драматической обстановкѣ оркестроваго аккомпанимента, чѣмъ въ интимномъ сопровожденіи рояля

Послѣдніе годы своего музыкальнаго творчества Рихардъ Штраусъ посвя

тилъ исключительно музыкальной драмѣ Въ этомъ направленіи Штраусъ работалъ и раньше (его первая опера ,Гунтрамъ' написана въ 1899 году), но первыя попытки Штрауса овладѣть оперными подмостками, несмотря на все благородство ,Гунтрама' и яркую эротику ,Feuersnot', не захватываютъ слушателя Штраусу нужны были иные тексты, которые дали бы ему возможность развернуть все сказочное богатство красокъ своего оркестра всю свою изысканную артистичность въ передачѣ самыхъ сложныхъ и самыхъ необыкновенныхъ настроеній. Такой текстъ онъ нашелъ въ Уайльдовской ,Саломеѣ', и, дѣйствительно, Штраусу удалось написать не менѣе прекрасную музыку, чѣмъ слова англійскаго драматурга Въ ,Саломеѣ' Штраусъ раньше всего разрабатываетъ психологическія детали въ жизни дѣйствующихъ лицъ, и его оркестръ какъ бы покрываетъ сложной, тяжелой тканью ту основную идею трагизма красоты, ту мрачную бездну гибели міра, гибели античной культуры, которая такъ глубоко захватываетъ насъ въ драмѣ Уайльда По своимъ художественнымъ настроеніямъ Штраусъ близко подходитъ къ Уайльду То, что есть ,декадентскаго' въ творчествѣ Уайльда, это желаніе жить настроеніемъ только ради настроенія, эти неожиданныя вспышки афористической мысли, все это находитъ очень яркое воплощеніе и въ музыкѣ Штрауса Но его творческой мысли не дано той силы вдохновенія, котоdая могла бы слѣдовать за Уайльдомъ въ его идеалистическихъ прозрѣніяхъ, въ сверхъ-личномъ элементѣ его трагической концепціи Уайльдъ написалъ прекрасную поэтическую трагедію, Штраусъ же только драматургъ: въ его музыкѣ нѣтъ той безконечной мелодіи, которая могла бы одухотворить музыкальныя воспріятія слушателя идеальной свободой полета мысли

Быть можетъ, самъ Штраусъ, работая надъ композиціей ,Саломеи', почувствовалъ эту дисгармонію между своимъ творчествомъ и размахомъ творчества у драматурга. Поэтому онъ старался, вѣроятно, углубить религіозный элементъ драмы Уайльда При помощи мендельсоніадъ и сусальнаго золота онъ хотѣлъ придать благочестивый и внушительный характеръ партіи Іоканаана Но вмѣсто религіозной глубины получились тирады на эту тему, столь же убѣдительныя, какъ піэтетныя размышленія какой нибудь буржуазно добродѣтельной ,Gartenlaube' Есть весьма прозорливые критики (напр М Шопъ), которые утверждаютъ, что Штраусъ хотѣлъ въ заключительной музыкѣ дать образъ искупленной вѣрой въ грядущаго Спасителя міра Саломеи Можетъ быть, это и такъ, но тогда музыка Штрауса говоритъ на совершенно иномъ языкѣ, чѣмъ драма Уайльда Впрочемъ, трудно предположить, что Штраусъ, въ угоду вкусамъ сентиментальной нѣмецкой публики, допустилъ сознательно

такого рода тривіальность Но какъ бы тамъ ни было, все удачное и неудачное въ музыкальной драмѣ Штрауса облечено въ такое чудо оркестровыхъ одѣяній, что трудно себѣ представить что нибудь болѣе законченное, чѣмъ партитура ‚Саломеи Старикъ Сенъ Сансъ присутствовавшій на представленіи ‚Саломеи', пришелъ въ ужасъ отъ инструментовки Штрауса ‚Этотъ оркестръ дрожитъ шепчетъ, кричитъ, какъ годовалый младенецъ, щебечетъ, лаетъ, воетъ, топчетъ ногами отъ вспышекъ гнѣва, потомъ успокоивается, потомъ поетъ, кашляетъ, чихаетъ То онъ какъ шелкъ, который рвется съ трескомъ, то онъ какъ стекло, ломающееся со звономъ; или вотъ, какъ вѣтеръ, который свиститъ въ полѣ, или же какъ дерево, жалобно скрипящее подъ напоромъ бури, или опять передъ вами рѣка, мирно катящая свои волны ...

Корректный и прекраснодушный музыкантъ въ своемъ выраженіи неодобренія совершенно вѣрно характеризовалъ оркестръ Штрауса Въ немъ больше ста человѣкъ, а между тѣмъ онъ является необыкновенно гибкимъ и точнымъ орудіемъ въ передачѣ самыхъ разнообразныхъ тоновъ въ большой скалѣ человѣческихъ страстей. Онъ весь переливается яркими красками, и простыми, и смѣшанными, полученными отъ сопоставленія тембровъ нѣсколькихъ инструментовъ Въ Электрѣ', своей новѣйшей оперѣ, Штраусъ, повидимому (насколько, вообще, можно судить по чтенію аусцуга), покидаетъ пути ‚декадентствующей' музыки ‚Саломеи' и возвращается къ широкимъ формамъ симфоническаго оркестра Рихардъ Штраусъ вообще глубоко чувствуетъ архитектурное начало музыки. ‚Электра, это любимое дитя художественнаго творчества Штрауса (оказывается, что онъ задумалъ написать музыкальную драму на эту тему чуть ли еще не въ гимназіи и всю жизнь носился съ этой мыслью), можетъ быть, явится исходной точкой для новаго музыкально драматическаго синтеза, сліянія драмы съ симфонической поэмой Но куда ведутъ звуковыя экстравагантности Штрауса, эти какофоніи одновременнаго сочетанія двухъ (или даже больше) тональностей, которыя въ ‚Электрѣ даютъ себя еще сильнѣе чувствовать, чѣмъ въ прежнихъ его композиціяхъ?

Вокругъ Штрауса группируется въ настоящее время цѣлая плеяда молодыхъ композиторовъ, не блещущихъ, правда, особыми талантами, но зато беззавѣтно преданныхъ идеѣ музыкальнаго прогресса, которую они понимаютъ только въ смыслѣ нагроможденія все новыхъ и новыхъ техническихъ ухищреній и усложненій въ своихъ симфоническихъ поэмахъ Назову нѣсколькихъ изъ нихъ Гаузеггеръ (‚Барбаросса' и Кузнецъ Виландъ') Шейнпфлугъ отчасти и Шиллингсъ о которомъ рѣчь будетъ еще ниже, Бишофъ (‚Панъ)

Характерной чертой нашего вѣка является спеціализація, результатъ огромнаго

развитія техники въ XIX столѣтіи Эта специализація проникла также и въ область музыкальнаго творчества Характерный примѣръ — Рихардъ Штраусъ Какъ ни интересны сами по себѣ его музыкальныя драмы и его лирика,—наиболѣе сильно его талантъ все же проявляется въ области симфонической поэмы Другой геніальный музыкантъ нашего времени, Гуго Вольфъ, тоже пробовалъ свои силы и въ музыкальной драмѣ, и въ симфонической поэмѣ, и въ области лирики, но значеніе его для музыкальной жизни современности всецѣло ограничивается его пѣснями, являющимися такими же шедеврами въ области лирики, какъ симфоническія поэмы Штрауса въ области оркестровой литературы Вагнеріанецъ чистой крови, Гуго Вольфъ, какъ бы унаслѣдовалъ отъ своего учителя его способность находить въ музыкѣ конкретное выраженіе для каждой мысли, гармонично сочетать содержаніе поэтической рѣчи съ музыкой Въ этомъ смыслѣ Гуго Вольфъ можетъ быть названъ Вагнеромъ современной лирики Вольфъ такъ удивительно умѣлъ передавать всѣ индивидуальныя особенности тѣхъ поэтическихъ произведеній которыя служили текстами для его пѣсенъ, что временами кажется, будто каждая изъ нихъ является результатомъ творчества другого художественнаго я Съ одинаковой яркостью онъ умѣлъ передавать въ своихъ пѣсняхъ и сладкую опьяняющую романтику Mörecke, и ясную глубину и величавый покой философскихъ стихотвореній Гете, и мрачную трагику сонетовъ Микель Анджело и драматизмъ итальянской пѣсни, и тонкую гамму красокъ испанскихъ романсовъ Вмѣстѣ съ тѣмъ Гуго Вольфъ умѣлъ такъ чутко соединять свои пѣсни въ отдѣльные циклы по ихъ авторамъ, что получалась цѣльная картина творчества поэта
Гуго Вольфъ раскрылъ передъ современной публикой все очарованіе романтической поэзіи Möricke, который до появленія ,Morickezyclus Вольфа былъ очень мало популяренъ даже на своей родинѣ Любимое сравненіе Вагнера,—что музыка — женское начало жизни, которое оплодотворяется мужскимъ началомъ словомъ,—всецѣло подходитъ къ характеру творчества Гуго Вольфа Въ высшихъ своихъ вдохновеніяхъ онъ всецѣло растворяется въ творчествѣ своего поэта Этимъ вовсе не сказано, что его индивидуальность совершенно не проявляется на ряду съ личностью тѣхъ поэтовъ, стихотворенія которыхъ онъ перелагалъ на музыку Личный элементъ въ его творчествѣ ярко выражается въ томъ что, сохраняя индивидуальность поэта, онъ извлекаетъ изъ него тѣ мотивы, которые больше всего отвѣчаютъ его собственнымъ настроеніямъ Это настоящій женственный типъ творчества въ современной музыкѣ Гуго Вольфъ писалъ свои прекрасныя пѣсни исключительно для

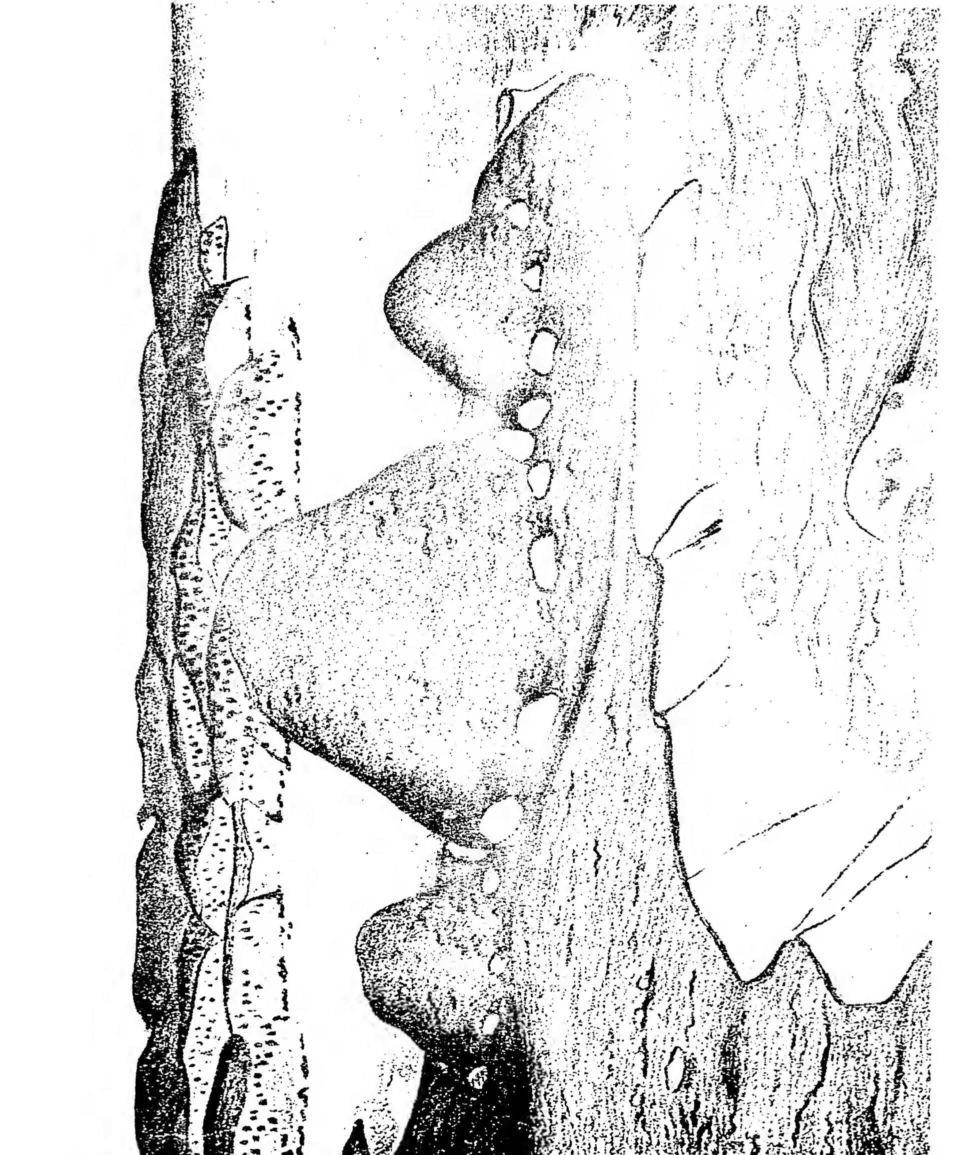
пѣнія въ сопровожденіи рояля Его аккомпанементы—исключительно красивыя произведенія современной рояльной литературы Одинъ изъ самыхъ чуткихъ поэтовъ рояля, онъ выдѣляется какъ тонкій знатокъ его инструментовки Въ рояльномъ сопровожденіи пѣсенъ Вольфа передъ піанистомъ открывается такое богатство красокъ и оттѣнковъ, которое мы едва ли знали до него Вольфъ на роялѣ умѣлъ воспроизвести рѣшительно всю жизнь: и жуткое молчаніе смерти (въ сонетахъ Микель Анджело), какъ и благоуханныя мечты фіалки и мягкую игру скрипки, и рѣзкіе крики и шумъ Въ какой-то особенно нѣжной полифоніи сочетаются между собою отдѣльные музыкальные мотивы въ пѣсняхъ Вольфа Это не грубая полифонія оркестра, а гармоничное соединеніе настроеній, вся красота иароматъ которыхъ пропадаютъ при оркестровкѣ Вольфовскихъ пѣсенъ Самъ Вольфъ не любилъ оркестра и не владѣлъ техникой сложной инструментовки Его симфоническая поэма ‚Пентезилея‘ и опера ‚Коррегидоръ‘, законченная имъ незадолго до его трагической смерти, оставляютъ, несмотря на отдѣльныя дивныя страницы партитуры, тяжелое, скомканное впечатлѣніе

III

Когда Господь раздѣлилъ царство современнои музыки и каждую часть отдалъ своему властелину, онъ область симфонической поэмы отдалъ Штраусу, область лирики Гуго Вольфу, область симфоніи въ руки Антона Брукнера Созерцательное погруженіе въ религіозный міръ, непосредственное ощущеніе жизни природы, близость къ стихійнымъ началамъ въ душѣ человѣка составляютъ тѣ элементы, изъ которыхъ слагается храмъ классической симфоніи Все міровоззрѣніе Брукнера, его дѣтски чистая вѣра, его близость къ крестьянской жизни, къ жизни непосредственнаго общенія съ природой, такъ гармонируетъ съ тѣмъ идеальнымъ содержаніемъ на которомъ зиждется музыкальная форма симфоніи, что Антонъ Брукнеръ никогда и не задумывался надъ иными возможностями музыкальнаго творчества *) Есть что то глубоко спокойное и возвышенно пророческое нѣчто бетховенское въ музыкѣ Брукнера Даже проявленія человѣческихъ страстей и горестей пріобрѣтаютъ въ его передачѣ какой-то особый характеръ сверхъ-индивидуальной, стихійной мощи И рядомъ съ этимъ въ душѣ Брукнера жило какое-то дѣвственно-наивное начало, трогательное въ своей чистотѣ и безпомощности

Эти противоположенія ясно выступаютъ въ главной и побочной темѣ перваго

*) Кромѣ 9 симфоній, Брукнеръ написалъ очень мало нѣсколько мессъ, реквіевъ, двѣ три небольшія вещички для рояля и квинтетъ



аллегро почти каждой изъ его симфоній Вторая основная сила, которая находитъ свое отраженіе въ симфоніи, близость къ природѣ и чуткое пониманіе ея жизни, также составляетъ счастливую особенность таланта Брукнера Съ трогательной свѣжестью онъ рисуетъ намъ солнечное утро, таинственный шепотъ родного лѣса, свистъ вѣтра и жалобный плачъ дождевыхъ потоковъ (IX симфонія) Картины природы Брукнеръ передаетъ совершенно объективно, онъ забываетъ и себя, и свои страданія и въ глубокомъ созерцаніи находитъ полное успокоеніе отъ всѣхъ болей и горя жизни Въ нихъ живетъ своей жизнью отдѣльной жизнью каждый лепестокъ, каждая травинка каждый оттѣнокъ краски (адажіо IV симф) Прекрасно знаетъ онъ жизнь простого, близкаго къ природѣ, австрійскаго крестьянина. Его скерцо говорятъ на чистѣйшемъ штирійскомъ діалектѣ Въ дни своей юности Брукнеръ принужденъ былъ жить на гроши, которые онъ получалъ за игру на свадьбахъ, на народныхъ празднествахъ Игралъ онъ съ увлеченіемъ и это вы часто услышите въ его скерцо, жизнерадостныхъ, полныхъ силы и движенія, идеализованныхъ народныхъ танцахъ (‚a'G stampfter‘, какъ говорятъ на родинѣ Брукнера). Въ адажіо Брукнеръ подобно Шуману, даетъ наиболѣе глубокія вдохновенія своего творчества Въ нихъ онъ всецѣло отдается своему религіозному воображенію и рисуетъ намъ картины, напоминающія поэзію средневѣковыхъ мистиковъ Брукнеръ проникнутъ церковной фантастикой но онъ далекъ отъ ея холодной догматики Своего Бога онъ видитъ въ живомъ сіяніи лучей солнца, падающихъ сквозь цвѣтныя окна церкви на мануалы органа, за которымъ онъ сидѣлъ, въ дивныхъ каменныхъ поэмахъ, какими представлялись ему готическія церкви Въ его адажіо часто вливаются звуки глубокихъ горестей (напр въ адажіо VII симфоніи), трагическихъ сомнѣній Брукнеръ глубоко страдалъ въ жизни, и были минуты, когда онъ добровольно хотѣлъ разстаться съ ней

Наиболѣе слабыя части въ его симфоніяхъ это ихъ аллегро Брукнеръ не умѣетъ слѣдовать за догматами чистой симфонической музыки Онъ отдается своимъ мыслямъ, какъ бы не считаясь съ архитектурной основой сонатной формы Его аллегро носятъ всегда неспокойный, отрывочный характеръ Здѣсь въ этомъ стремленіи расширить по своему традиціонныя формы симфоніи сказалось то благоговѣйное преклоненіе, которое питалъ скромный народный учитель къ музыкальному генію Вагнера, то живое начало современной жизни, которое ведетъ насъ къ конкретному выраженію нашихъ чувствъ въ музыкѣ. Брукнеръ хотѣлъ слить въ новой симфоніи во-едино міръ интеллектуальнаго созерцанія Бетховена съ переживаніями Вагнеровской музыкаль-

ной драмы и ея завоеванiями въ области гармонiи и лейтмотивнаго контра пункта Симфонiи его остались грандiозными торсами какихъ то новыхъ архитектурныхъ построенiй въ музыкѣ Инструментовка Брукнера носитъ такой своеобразный характеръ и такъ связана съ личными судьбами ея автора, что для ея пониманiя необходимо знакомство съ его бiографiей Всю свою жизнь Брукнеръ былъ органистомъ и насколько онъ любилъ органъ, можно видѣть изъ того, что въ своемъ завѣщанiи онъ просилъ похоронить себя въ монастырѣ, на такомъ мѣстѣ, куда будутъ доноситься звуки большого органа Поэтому вся полифонiя, богатѣйшая гармонизацiя и инструментовка возрожденной симфонiи Брукнера, какъ справедливо замѣчаетъ его бiографъ д-ръ Графъ, проникнуты не столько духомъ оркестра сколько особенностями игры на органѣ ‚Не симфонистъ Брукнеръ а скромный органистъ св Флорiана распредѣляетъ регистры оркестра, когда послѣ чуть слышнаго пiаниссимо высо кихъ нотъ деревянныхъ духовыхъ инструментовъ вдругъ сразу раскрываются всѣ его шлюзы, или когда надъ мрачной бассовой педалью нѣжные голоса струнныхъ или деревянныхъ инструментовъ спускаются въ оркестръ съ небес ныхъ высотъ или когда повторяется главная тема симфонiи, сопровождаемая лишь отдѣльными фигурацiями флейты‘ (Графъ) Эти интересныя уподобленiя могутъ быть отнесены всецѣло однакоже, только къ первому перiоду твор чества Брукнера Въ послѣднихъ своихъ симфонiяхъ онъ проявляетъ уже такое чуткое отношенiе къ оркестровымъ краскамъ, что какъ иструментаторъ онъ можетъ быть поставленъ рядомъ съ Листомъ, съ музыкой котораго у него, вообще, много общаго Глубокая серiозность музыки Брукнера мѣшаетъ ей сразу проникнуть въ широкiе круги публики Брамсъ сказалъ когда то Брукнеру

— ‚Вы величайшiй симфонистъ послѣ Бетховена‘ Можетъ быть, слова эти предрѣшаютъ и тотъ тернистый путь, который суждено пройти симфонiямъ Брукнера, пока онѣ завоюютъ себѣ всеобщее признанiе?

Если вся жизнь Брукнера представляетъ собой цѣльную картину стремленiя слить идеальный паѳосъ Бетховенской симфонiи съ конкретной выразительностью Вагнеровскаго искусства, то въ композицiяхъ Регера, второго великаго ‚абсолютнаго музыканта нашихъ дней нашло свое яркое воплощенiе то харак терное движенiе нашихъ дней, которое можно-бы назвать ‚ренессансомъ Баха‘ Года три тому назадъ наиболѣе распространенный нѣмецкiй музыкальный журналъ ‚Die Musik‘ предпринялъ анкету среди самыхъ выдающихся композито ровъ нашихъ дней на тему. ‚Каково Ваше отношенiе къ творчеству I С Баха и каково, по Вашему мнѣнiю, его влiянiе на современную музыку нашихъ

дней?‘ Отвѣты музыкантовъ самыхъ разнообразныхъ направленій носили трогательно единодушный характеръ Общая мысль такова. ‚современный реализмъ въ музыкѣ грозитъ совершенно поглотить ея идеальный элементъ Музыка все больше и больше теряетъ свой прежній возвышенный характеръ и потому возвратъ къ міру музыкальныхъ вдохновеній Баха вновь раскрылъ бы передъ музыкой утерянный рай чистыхъ религіозныхъ умиленій и мистическаго полета мысли Изъ всѣхъ современныхъ музыкантовъ Максъ Регеръ глубже всего почувствовалъ въ душѣ своей мистическій голосъ послѣднихъ правдъ жизни и естественно, что онъ обратилъ глаза свои къ міру Баховскаго искусства, этому наиболѣе законченному храму религіозной мысли въ музыкѣ Но въ характерѣ Регера нѣтъ божественнаго покоя и созерцательности, которымъ живетъ творчество его учителя Регеръ человѣкъ волевыхъ импульсовъ Его тянетъ къ чувственнымъ радостямъ жизни И вотъ въ борьбѣ двухъ началъ, эмоціональнаго, полнаго экстазовъ, и идеальнаго, воодушевленнаго исканіемъ послѣдней міровой истины, выковываются лучшія произведенія Регера Анатомическій ножъ критики могъ бы разсѣчь все тѣло его музыкальнаго творчества на двѣ части композиціи законченныя по своей формѣ, примыкающія по своему душевному содержанію къ традиціоннымъ формамъ классической музыки Въ этихъ вещахъ Регеръ является чаще всего продолжателемъ стиля Брамса, безпечнымъ разсказчикомъ наблюденій изъ народной жизни (нѣсколько номеровъ ‚Aus meinem Tagebuch‘, его сонатины, отчасти и симфоніетта, цѣлый рядъ мелкихъ піэсъ для рояля и т д.) академически спокойнымъ музыкальнымъ архитекторомъ Второй рядъ его піэсъ это могучія поэмы, повѣствующія о борьбѣ между божественной и земной любовью въ душѣ автора, о его страданіяхъ и надеждахъ Сюда раньше всего, нужно отнести его органныя фантазіи, его сонату для скрипки и рояля op 72, его Dmoll ный квартетъ, послѣднее тріо (op 99, если не ошибаюсь), его грандіозныя варіаціи для рояля на темы Баха и Бетховена и цѣлый рядъ пѣсенъ Въ этихъ вещахъ Регеръ далеко выходитъ за предѣлы установленныхъ традиціей композиторскихъ нормъ, онъ ищетъ новыя формы, возможностей новыхъ пріемовъ музыкальной выразительности (въ хроматикѣ, въ новой системѣ модуляцій, въ освобожденіи отъ тональности), и въ нихъ дѣйствительно находитъ свое выраженіе творческій духъ нашего времени, открывающій музыкѣ новыя цѣли и новыя художественныя средства Глубже всего душа Регера раскрывается передъ нами въ органныхъ композиціяхъ Тутъ Регеръ всецѣло примыкаетъ къ геніальнымъ органнымъ фантазіямъ Баха, расширяя однако органную технику и органную инструментовку до невѣроятнаго богатства и размѣровъ Симфони-

ческая фантазія ор 57 и большая фантазія и фуга на тему В—А—С—Н представляютъ собой очень значительное явленіе въ новой исторіи музыки, на ряду съ которымъ можно поставить лишь нѣсколько изъ наиболѣе удачныхъ вещей Босси, Гюильмана, этихъ корифеевъ современной органной литературы На тему В—А—С—Н написанъ цѣлый рядъ фантазій и фугъ величайшими композиторами нашего вѣка Шуманомъ, Листомъ и др Достаточно сказать, что регеровская фантазія превосходитъ по силѣ своего вдохновенія все то, что было написано на эту тему Симфоническая фантазія и фуга ор 57 написаны Регеромъ подъ впечатлѣніемъ Дантовскаго ‚Ада' Цѣлое взбаламученное море модуляцій и мрачныхъ аккордовъ погружаетъ насъ въ глубины отчаянія и страданій, и грандіозная фуга послѣдней части производитъ впечатлѣніе гимна любви и небеснаго прощенія Въ его органныхъ композиціяхъ выступаетъ законченный обликъ ихъ творца Что-же касается его камерныхъ композицій то въ нихъ Регеръ во многомъ является еще совершенно загадочнымъ талантомъ На широкую публику онѣ производятъ тяжелое впечатлѣніе какой то скучной тайнописи Критика упрекаетъ Регера въ отсутствіи мелодичности ясно понятыхъ задачъ и стремленій Дѣйствительно, Регеръ въ своихъ камерныхъ композиціяхъ весь въ будущемъ Въ лабораторіи его творчества выковывается какой то новый камерный стиль, во многомъ непохожій на тотъ, въ которомъ писали до сихъ поръ камерную музыку Онъ разрабатываетъ идею Вагнеровской безконечной мелодіи, его аллегро скорѣе напоминаютъ собою мелодическій речитативъ, чѣмъ архитектурное цѣлое И наряду съ этимъ Регеръ ищетъ для своего стиля и новой гармонизаціи построенной на широкомъ использованіи хроматическихъ возможностей, новой модуляціи, полной самыхъ неожиданныхъ и быстрыхъ переходовъ, такъ сказать музыкальныхъ парадоксовъ и неожиданностей Это модуляціонное остроуміе, въ которомъ большую роль играютъ энгармонизмы, особенно ярко сказывается въ скрипичной сонатѣ ор 72 и въ его послѣднемъ тріо C—dur'ная соната Регера также глубока по своему содержанію, какъ интересна съ точки зрѣнія чистой музыкальности Это исповѣдь изстрадавшейся души, полной презрѣнія къ житейской пошлости и исполненной героической жажды борьбы и побѣды Рядомъ съ этимъ прекраснымъ произведеніемъ Регера можно поставить Dmoll'ный квартетъ, который, однако, въ своей тонкой тематической работѣ и стройной архитектурѣ всецѣло примыкаетъ къ Брамсу Особое мѣсто въ твореніяхъ Регера занимаютъ его піэсы для рояля Богатая полифонія его звучнаго рояльнаго стиля нашло свое лучшее воплощеніе въ варіаціяхъ Онѣ, пожалуй, являются наиболѣе цѣнными композиціями Регера для рояля и могутъ быть

смѣло поставлены рядомъ съ симфоническими этюдами Шумана, варіаціями ,на тему Генделя' Брамса Чрезвычайно сложный рисунокъ этихъ пьэсъ проникнутъ такой глубокой сердечной теплотой и интересной душевной жизнью, что изумляешься, какъ старыя схемы загораются новой жизнью въ рукахъ великаго мастера Но развѣ классическіе пріемы Клингера не раскрываютъ передъ современной графикой новыхъ надеждъ и перспективъ? Регеръ еще весь въ будущемъ есть области музыки, въ которыхъ онъ не успѣлъ еще сказать своего слова Онъ родился въ 1873 году Его годы позволяютъ намъ ждать отъ его музы новыхъ и неожиданныхъ откровеній

Штраусъ, Вольфъ, Брукнеръ, Регеръ—это тотъ глубоко цѣнный вкладъ, который нѣмцы внесли въ духовную культуру нашихъ дней. Но въ симфонической и камерной музыкѣ только одна сторона музыкальнаго творчества Творчество симфонистовъ — это творчество аристократовъ, обращающихся исключительно къ избраннымъ, музыкально развитымъ слушателямъ. Композиторъ симфонистъ менѣе связанъ въ своихъ вдохновеніяхъ мыслью о публикѣ, ибо онъ обращается исключительно къ внутреннему міру слушателя, къ его воспоминаніямъ о наиболѣе глубокихъ переживаніяхъ жизни. И въ области ,аристократической' музыки нѣмцы, дѣйствительно, дали прекрасныя, гармоничныя творенія Но, какъ плоска и безцвѣтна нѣмецкая музыка, тамъ, гдѣ она обращается непосредственно къ народу, когда она пытается сдѣлаться выразительницей его мечтаній, когда она становится демократичной Этотъ антипатичный тонъ современной нѣмецкой оперной музыки не искупается даже такими интересными талантами, какъ Пфицнеръ, Шиллингсъ, Вольфъ Феррари и Д Альберъ И какъ въ общественной жизни нѣмецкая интеллигенція живетъ теперь только воспоминаніями о яркой эпохѣ ,весны народовъ', такъ и въ области музыкальной драмы единственнымъ живымъ элементомъ являются теперь постановки музыкальныхъ драмъ Вагнера

О ТЕАТРѢ

ОГДА народъ, занятый устроительствомъ жизни, кладетъ въ основу своихъ дѣйствій силу, тогда возникаетъ про блема — Революція и Театръ Теоретически про блему эту пытался разрѣшить Р Вагнеръ перваго періода [1]), но, мнѣ кажется, ее уже давно разрѣшила сама жизнь Во Франціи въ концѣ XVIII вѣка театръ превратился въ каѳедру проповѣдей, переставъ быть Домомъ Искусствъ, путемъ сцены драматурги проводили въ публику то, чего нельзя было сообщить ей кнuгой брошюрой или журнальной статьей и только самое ограниченное меньшинство писателей пробовало бороться съ тенденціей сценическаго обсужденія политическихъ идей и событій

Когда же страна пытается выковать ликъ новаго общества путемъ спокойнаго культурнаго созиданія, тогда встаетъ передъ нами другая проблема—Театръ, какъ Празднество Тогда Домъ Искусствъ перестаетъ быть средствомъ и становится цѣлью

Если и религіозныя исканія современныхъ русскихъ поэтовъ и философовъ, и настойчивость сектантскихъ броженій, и тяготѣніе двухъ трехъ ‚непризнан ныхъ' изъ нашихъ драматурговъ ‚къ пышному расцвѣту высокой драмы съ большими страстями, съ чрезвычайнымъ дѣйствіемъ, съ глубокимъ потокомъ идей' [2]) —счесть явленіями знаменательными, то ‚народу' [3]), проламывающему

---

[1]) R Wagner. ‚Die Kunst und die Revolution' Gesammelte Schriften und Dichtungen, B III (R Linnemann, Leipzig, 1907 4 Auflage)

[2]) А. Блокъ. О театрѣ' (‚Золотое Руно, 1908 № 5, стр 55)

[3]) Двѣ общественныя группы не хотятъ знать современнаго театра: одной театръ не до ступенъ по цѣнѣ; другая не хочетъ, чтобы со сцены ее поучали и просвѣщали прововѣдью (‚Nicht Wissen, sondern Geschmack, nicht kritische Dialektik sondern machtbewusstes Handeln sind die Masstäbe unserer Lebensführung', говоритъ она, вмѣстѣ съ G Fuchs'омъ (Revolution des Theaters, München und Leipzig, bei G Müller, 1909)

себѣ путь къ новой культурѣ киркой, а не динамитомъ, не нуженъ театръ, угождающій партеру, какъ было въ то время, когда послѣдній являлся почти ,организованнымъ политическимъ собраніемъ, своего рода нижней палатой, съ опредѣленной программой дѣйствій' [1])

Поставить въ связь судьбы Дома Искусствъ съ судьбами общественныхъ переживаній—задача историка культуры и искусства Мнѣ хочется лишь отмѣтить, что характерной чертой кризиса нашего театра является то, что драматургъ сдѣлался прислужникомъ общества Общество, переживающее время соціально-политическаго устроительства привыкаетъ смотрѣть на театръ не какъ на цѣль, а какъ на средство развѣ не средствомъ пропаганды былъ театръ въ ,дни свободы', развѣ не средствомъ развлеченія былъ онъ въ дни политическаго утомленія? И только двухъ мотивовъ ждетъ по привычкѣ ,интеллигенція' отъ сцены либо тенденціи, либо развлеченія. А драматурги—пусть за меня скажетъ одинъ изъ моихъ любимыхъ поэтовъ—они ,низошли въ наши будни разучились будить... высокія чувства охладѣли къ театральному дѣйствію и углубились въ безысходную психологію' (А Блокъ) Театръ русскій упалъ То, что въ наши дни представляется на сценахъ, за небольшимъ исключеніемъ,—антиискусство, быть можетъ, ,литература', но не искусство! Появился особый родъ пьесъ, о которомъ говорятъ ,литературная драма' Какъ не повторить восклицаніе Вагнера ,сдѣлалось возможнымъ неслыханное стали создаваться драмы—для чтенія'

. . . . . .

Драматургъ и публика всегда въ борьбѣ за позицію вліянія Тамъ, гдѣ побѣждаетъ публика, культурная община эпохи—Городъ—имѣетъ тотъ театръ, какого она, публика, хочетъ

Но бываетъ и наоборотъ И тогда какой нибудь Вагнеръ своей гигантской энергіей побѣждаетъ косность общественныхъ вкусовъ, и возникаетъ театръ Байрейта Такъ же и въ наши дни, причемъ геній одного часто замѣняется усиліемъ цѣлаго поколѣнія Только оттого, что десятками лѣтъ наслаивалась культурность Мюнхена, благодаря вліянію передовыхъ художниковъ и поэтовъ, могъ возникнуть мюнхенскій Kunstlertheater, настоящій Домъ Искусствъ, со сцены котораго зазвучали стихи гетевскаго ,Фауста'

---

[1]) Ив Ивановъ Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII вѣка' Москва, 1895 г

Но что было у насъ? ,Культурное меньшинство', группировавшееся около ,Міра Искусства ,Новаго Пути' (потомъ ,Вопросовъ Жизни' и ,Факеловъ'), не воспитало массы, не создало въ ней повышенныхъ потребностей, и потому въ сущности нѣтъ у насъ театра, современнаго театра—ни театра изысканнаго вкуса, ни театра дѣйствій и страстей Не завладѣлъ позиціей вліянія драматургъ Позиціей вліянія завладѣла публика Она сама создала себѣ свой театръ, вѣрнѣе—столько театровъ, сколько разныхъ общественныхъ группъ И когда, такимъ образомъ, театръ сталъ въ подчиненіе къ публикѣ, драматургъ сдѣлался прислужникомъ своего господина Современная драматическая литература, смотря по необходимости,—то пьесы à thèse, то психологическая жвачка, то соціальныя драмы, имѣющія въ виду пропаганду или агитацію то комедіи, расчитанныя на то, чтобы насмѣшить зрителя курьезными положеніями дѣйствующихъ лицъ, то изслѣдованія психопатологіи въ драматической формѣ, то такія бытовыя пьесы, которыя граничатъ съ этнографіей Театръ нашъ—такой, какой нуженъ улицѣ. пестрый, безвкусный, какъ вывѣски и плакаты
И потомъ, есть-ли что нибудь въ современномъ русскомъ театрѣ самобытнаго? Нѣтъ. Онъ весь сотканъ изъ заимствованій. И этотъ интернаціонализмъ вовсе не есть пріобщеніе къ европейской драматургіи вовсе не устремленіе къ всечеловѣчеству Это интернаціонализмъ котелка попадающаго на головы людей всего земного шара Носятъ всѣ, носимъ и мы Но на головахъ, съ еще не стертыми національно бытовыми чертами, на типической русской головѣ все таки противенъ котелокъ Такъ противны всѣ эти русскія драмы подъ Ибсена, Пшибышевскаго, Матерлинка
И даже въ горсточкѣ самостоятельныхъ явленій современной сцены такъ много изъяновъ когда ужъ миновала пора русской жизни создавшая Чехова, являются драматурги, пытающіеся писать пріемами Чехова не понимая, что чеховскій тонъ неразрывно связанъ съ общественными переживаніями 80-хъ и 90-хъ годовъ, что театръ настроенія' для насъ уже—прошлое и что созданіями этого театра мы можемъ любоваться лишь въ исторической перспективѣ Подлиннаго театра, нашего театра современности у насъ нѣтъ!
Сдѣлали попытку три-четыре голоса заговорить языкомъ самобытнаго искусства, но они остаются пока только парадоксальными дерзаніями Пусть произведенія этихъ драматурговъ далеки отъ совершенства, ихъ драмы и комедіи имѣютъ въ виду ,Театръ, какъ Празднество' и ,Домъ Искусствъ', т е тотъ театръ, за которымъ должна итти публика, а не тотъ, что находится у последней на откупу Большая пропасть легла между этими ,новыми' и театральной публикой

‚Интеллигентная театральная публика нашихъ дней‘ и ея драматургъ-слуга, драматургъ, которому вмѣнили въ обязанность забавлять своего господина,— одно теченіе Тѣ изъ актеровъ, режиссеровъ, художниковъ, которые въ союзѣ съ непризнанными драматургами пытаются вырвать театръ у зрителя, взявшаго его на откупъ,—другое теченіе Кризисъ русскаго театра—водоворотъ, который образовался на мѣстѣ касанія этихъ двухъ теченій.

Есть обстоятельство, еще болѣе усиливающее кризисъ, это то, что между нашими режиссерами, художниками и актерами идетъ борьба изъ за всевозможныхъ эстетическихъ проблемъ Но объ этомъ въ особой статьѣ (Вообще, считаю нужнымъ оговориться: этотъ набросокъ — лишь введеніе къ ряду статей о театрѣ, намѣченныхъ, какъ опытъ эстетическихъ и техническихъ обобщеній—въ предвидѣніи будущаго театра)

. . . . . .

У современнаго театра нѣтъ единой аудиторіи Театръ нашъ дошелъ до послѣдней степени дифференціаціи. Будто большая машина, собиравшаяся вѣками, которая вдругъ остановилась и ее разобрали, раздавъ части въ разныя мѣста для различныхъ починокъ

Но если предчувствіе не обманываетъ насъ, наступитъ же наконецъ время, когда театръ изъ раздробленнаго снова сдѣлается цѣльнымъ! Только съ этой надеждой, съ надеждой на то, что въ теперешнихъ дифференцированныхъ театрахъ мы создаемъ основы будущаго Единаго Театра—стоитъ работать на театральномъ поприщѣ Не знать этого, значитъ быть лакеями публики и только Какъ отдѣльный мастеръ, участвующій въ созданіи большой машины, получаетъ отъ инженера всѣ указанія и чертежи, такъ необходимо и каждому изъ отдѣльныхъ частичныхъ театровъ твердо знать, какою частью Театра будущаго онъ владѣетъ, какую область Театра будущаго онъ совершенствуетъ Только съ этой точки зрѣнія современныя сцены имѣютъ право на существованіе Это кузницы, въ которыхъ выковываются стройныя части будущаго гиганта—Всенароднаго Театра

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ

БОРОЗДЫ И МЕЖИ

I О ПРОБЛЕМѢ ТЕАТРА

1

Ъ темѣ о возможностяхъ театра (или, какъ мы привыкли говорить· ,о театрѣ будущаго) есть какая-то магическая сила· въ такой мѣрѣ подчиняетъ она вниманіе, устремленія, надежды — не художниковъ и критиковъ только, но и значительной части общества Со временъ Рихарда Вагнера мы, повидимому, не можемъ ни довольствоваться прежними формами сцены, ни успокоиться на какой-либо изъ найденныхъ новыхъ Это явленіе само по себѣ — если только оно установлено безошибочнымъ наблюденіемъ — должно быть учтено историкомъ философомъ какъ симптомъ переживаемаго нами культурнаго кризиса Легко можетъ быть наблюдено, вмѣстѣ съ тѣмъ,—что въ тревогѣ этихъ исканій сравнительно спокойными остаются именно творцы драмъ, драматурги Имъ нужно одно воплотить свои поэтическія видѣнія; и они дѣлаютъ это, какъ умѣютъ и хотятъ Если грани преемственныхъ формъ кажутся имъ тѣсными, они свободно раздвигаютъ ихъ, не боясь осужденія за допущенныя видоизмѣненія ибо новизна на сценѣ почти всегда желанна зрителямъ Но эти новшества почти всегда и остаются только видоизмѣненіями толпа радикальнѣе поэтовъ въ своихъ смутныхъ чаяніяхъ иного театра И нетерпѣливо ждутъ обновленія, вмѣстѣ съ толпой, художники сцены, ,ремесленники Діонисовы', ,техники священнаго лицедѣйства'.

Чего же всѣ ждутъ? И почему не удовлетворяются ни старымъ, ни предлагаемымъ новымъ? Эта психологія ожиданія, нетерпѣнія, глухой, еще не осознанной до конца неутоленности—психологія предреволюціонная Тема о возможностяхъ новаго театра—тема о наступающей культурно-исторической революціи, очагомъ которой является борьба за сцену Мы переживаемъ броженіе массъ, подготовляющее переворотъ, — ,переворотъ снизу', — между тѣмъ какъ поэты, истинные правители въ странѣ искусствъ, или утверждаютъ своимъ

законодательствомъ старый укладъ, или ограничиваются случайными и умѣренными реформами Одни изъ нихъ консервативны, какъ Ибсенъ, другіе либеральны, какъ Матерлинкъ, и никто не популяренъ Ибо революція ищетъ формъ жизни, они же всю дерзость своихъ упрежденій грядущаго вѣка и новозданнаго человѣка замыкаютъ въ формы традиціоннаго зрѣлища
И все же либерализмъ формъ—только либерализмъ—не отвѣчаетъ ожиданіямъ, скорѣе—обманываетъ ожиданія, и болѣе благодарна толпа охранителямъ старо давняго преданія формы, если провидитъ за ней вѣяніе животворящаго духа Невѣрно оцѣниваютъ положеніе тѣ, кто думаютъ, что художники и ремесленники музы сценической борются за новый идеалъ, а толпа коснѣетъ въ ста рыхъ предразсудкахъ Народъ, общество — всегда заказчикъ Этотъ заказчикъ давно уже своенравно ворчливъ, непонятно требователенъ, но не хочетъ или не умѣетъ сказать, чего ему нужно Въ вопросѣ о возможностяхъ театра воля, инстинктъ или потребность заказчика опережаютъ ремесло ремесленниковъ, исполнителей заказа Кажется, что онъ вовсе не хочетъ болѣе зрѣлища—только зрѣлища, и утомленъ иллюзіей кажется, что онъ хочетъ дѣйствія, и притомъ дѣйствія во истину, а не отраженій дѣйствія

2

Прежде стеченіе людей въ театральной залѣ – вспомнимъ хотя бы описаніе театра въ первой главѣ ‚Евгенія Онѣгина‘ — было нарядныимъ собраніемъ, гдѣ зрѣлище служило оправданіемъ съѣзда, объединяющимъ моментомъ сборища, и поглощало лишь часть вниманія присутствующихъ, отдавая другую часть свѣтскому общенію Два луча одной праздничности,—одинъ—преломившійся чрезъ искусство сцены, другой — чрезъ искусство жизни,—дробились и играли въ сверкающихъ граняхъ двуединаго theatrum elegantiarum Антрактъ былъ желателенъ не только какъ отдыхъ, — и цѣлесообразно оживлялся музыкой Зала сіяла ложи были маленькими, отовсюду видными, показными салонами въ одномъ большомъ, общемъ салонѣ Въ какой-то тріумфальной славѣ царилъ нѣкогда надъ этимъ салономъ Король Солнце какъ царили потомъ великіе и малые эпигоны его блеска Только ‚раекъ‚ слишкомъ далекій отъ изысканнаго круга, столпившагося внизу, ‚нетерпѣливо плескалъ‘, ища, за отсутствіемъ другихъ рессурсовъ и мотивовъ, — зрѣлища, только зрѣлища, — ‚circenses‘—какъ издревле выла чернь
Но вотъ, зала померкла, раекъ сталъ утонченнѣе и избалованнѣе, демократизовался вѣкъ,—и сдѣлавшееся блистательнымъ до чрезвычайности зрѣлище перестало чаровать и восхищать, какъ чаровало и восхищало прежде иное

зрѣлище, несравненно болѣе простодушное и менѣе притязательное: ибо, очевидно, толпа устала быть пассивной, какъ ослѣпленный новизною ребенокъ и только воспріимчивой къ зрѣлищу

Дѣло въ томъ, что теоретическое допущенiе, будто дѣйствiе въ театрѣ едино,— и именно то дѣйствiе, что создаетъ на сценѣ иллюзiю совершающагося истиннаго событiя, — толпа же созерцающихъ событiе должна быть загипнотизованной созерцанiемъ, почему и лучше ей (какъ тираннически приказалъ Вагнеръ) окружиться полумракомъ, чтобы зритель могъ всецѣло уйти взоромъ и душой на сцену и, по возможности, забыть и себя самого и своихъ сосѣдей,— это допущенiе есть чистая фикцiя и не только не соотвѣтствуетъ дѣйствительной психологiи театральнаго коллектива, но и содержитъ въ себѣ эстетически ложное требованiе: нормальнымъ предполагаетъ оно подавленiе живыхъ силъ присутствующаго множества, и желательнымъ—раздѣленiе уже объединеннаго общимъ интересомъ собирательнаго сознанiя на сознанiя индивидуальныя, исключительно воспріимчивыя и наглухо закрытыя отъ взаимодѣйствiя интерпсихическихъ влiянiй Достаточно, однако, публикѣ надѣть маски, чтобы ощутить себя дѣйствующей силой и если мы вообразимъ маскарадъ въ партерѣ, со свойственнымъ маскараду настроенiемъ, и свободный доступъ на подмостки изъ партера, то едва ли ошибемся, предвидя неизбѣжное смѣшенiе обоихъ коллективныхъ тѣлъ, составляющихъ вмѣстѣ двойственную жизнь театра вторженiе масокъ изъ публики въ область масокъ сцены и хаотическiя осложненiя предположеннаго дѣйствiя Мы имѣли бы въ этомъ опытѣ то же двуединое дѣйствiе стараго театра салона, но не въ его iерархической упорядоченности, а въ анархическомъ высвобожденiи присущихъ ему энергiй

3

Новѣйшiя притязанiя сцены ‚развоплотить‘ (слово на отвѣтственности теософовъ!) толпу и какъ бы поглотить ее въ иллюзiи единаго дѣйствiя—послѣднiй шагъ въ эволюцiи зрѣлища и закономѣрно вызываютъ протестъ живыхъ энергiй театральнаго коллектива Еще одна ступень въ напряженiи этого магизма—и наступитъ ‚Zusammenbruch‘, или же—истерика

Въ настоящее время одностороннему и утопическому стремленiю слить сознанiе зрителя съ сознанiемъ героя—или героевъ—сцены, доведя его сочувствованiе до полноты идеальнаго переживанiя съ героемъ или въ героѣ всей его участи еще противостоитъ духъ критики, ограждающiй въ зрителѣ его *я*, но разрушающiй цѣльность сочувствованiя, поскольку сознанiе его раздѣлено между воспрiятiемъ и реакцiями на воспрiятiе Логическiй выводъ означеннаго

стремленія есть постулатъ умерщвленія всякой личной реакціи, полное обезличеніе воспринимающаго

Художникъ и зритель въ театрѣ борются, и художникъ ищетъ подчинить себѣ зрителя, въ этомъ подчиненіи полагаетъ художникъ свою побѣду если же онъ не побѣдитъ, напраснымъ было его художество. И поистинѣ почти напраснымъ оказывалось понынѣ современное сценическое художество Зритель остается лишь наполовину занятымъ участью героя сцены, на половину же развлеченнымъ, т -е иначе занятымъ—если не жизнью салона партера какъ нѣкогда разсѣянный къ сценѣ Онѣгинъ, то, какъ большинство театральной публики въ наши дни критикой, только критикой самой драмы и ея сценическаго осуществленія Не только эстетически нуженъ выходъ изъ этого противорѣчія между повышенными притязаніями внутренне измѣнившейся сцены и психикой зрителя, но и невыносимо это переходное состояніе театра психологически Оно давитъ какъ душное предчувствіе грозы и если освободительной грозы не будетъ, оно станетъ общественной опасностью

Въ самомъ дѣлѣ, театръ, какимъ былъ онъ отъ Шекспира до нашихъ дней, задуманъ по плану психической ткани токовъ, протягивающихся нитями изъ отдѣльныхъ сознаній къ одному средоточію—событію сцены Каково же это средоточіе? Оно было объективнымъ въ двухъ смыслахъ какъ объектъ общаго созерцательнаго устремленія и какъ результатъ творчества, полагающаго жизнь объектомъ своей изобразительной дѣятельности—творчества объективнаго Въ наши дни, на ряду съ описаннымъ объективнымъ центромъ, стягивающимъ воедино сочувственные токи театральнаго коллектива, возникаетъ и утверждается на сценѣ энергетическій центръ иного типа—центръ субъективный

Объективная драма уступаетъ мѣсто субъективной ея личины становятся масками ея творца, ея предметомъ служитъ его личность, его душевная судьба. Онъ думаетъ (какъ Л Андреевъ), что являетъ намъ лики жизни и смерти, міра и рока, но въ дѣйствительности говоритъ намъ о своемъ отношеніи къ этимъ ликамъ въ немъ самомъ объ антиноміяхъ своего *я*, о себѣ, не о всѣхъ Тогда измѣняется направленіе токовъ, связывающихъ сцену съ индивидуальными сознаніями присутствующихъ, и психическая энергія не созерцательно экстеріоризуется по нимъ къ центру, но изъ центра налагательно излучается въ личныя сознанія Побѣда художника въ этихъ условіяхъ становится успѣхомъ предпринимаемаго имъ внушенія Достаточно назвать это взаимоотношеніе, чтобъ опредѣлить имъ грозящую намъ опасность Прибавимъ, что такое искаженіе цѣлей и путей театра не имѣетъ ничего общаго съ его эстетическимъ назначеніемъ На

этой грани кончается искусство, имманентно религіозная природа котораго божественно выявляется лишь въ свободѣ и умираетъ, какъ только искусство оказывается однимъ изъ видовъ принужденія Въ средство порабощенія душъ извращается театръ, который эллины право величали святилищемъ бога-Освободителя

4

Итакъ, театръ или не достигаетъ полноты своего дѣйствія, или достигаетъ ея извращеніемъ своей эстетической и нравственной сущности Единственный исходъ видимъ мы въ томъ, чтобы зритель пересталъ быть только восприни мающимъ зрителемъ и дѣйствовалъ самъ въ планѣ идеальнаго дѣйствія сцены. Театральный коллективъ цѣликомъ долженъ умѣститься, не утрачивая своей самостоятельной жизни, въ рамкахъ изображаемаго событія Дѣйствующій и дѣйственный коллективъ можно назвать условно ,хоромъ', не предрѣшая этимъ формъ его дѣйствія Ибо иначе, какъ согласно дѣйствующимъ, мыслить его и нельзя, поскольку все дѣйствіе въ цѣломъ должно представлять собою нѣкое единство

При какихъ же условіяхъ возможенъ хоръ, въ смыслѣ свободно и согласно дѣйствующаго коллектива, обставшаго и какъ бы выдѣлившаго изъ своей среды личность героя (,протагониста') съ его ближайшимъ окруженіемъ? Ясно, что ни критика драмы по существу, ни разномысліе о ея предметѣ не ужи ваются съ хоромъ Итакъ, содержаніе драмы не можетъ быть, при живомъ участіи истиннаго хора, только ,серьезнымъ и величавымъ', какъ требовалъ Аристотель,—оно должно быть еще безусловнымъ Только нѣчто безусловное, т е не подлежащее ни произвольной оцѣнкѣ, ни сомнѣнію и отрицанію, способно слить театральный коллективъ въ хоровое сознаніе и дѣйствіе

Но и это одно условіе недостаточно Коллективное дѣйствіе впервые утверждается хоромъ какъ истинное, а не фиктивное—только если оно отвѣтственно для всѣхъ совмѣстно дѣйствующихъ

Таковы два условія, осуществленіе коихъ необходимо для радикальнаго рѣ шенія проблемы театра,—которая именно потому, что не допускаетъ иного рѣшенія — рѣшенія посредствомъ искусства только и въ предѣлахъ только искусства,—поистинѣ является центральнымъ очагомъ культурно исторической революціи, нами переживаемой

Искусство безсильно создать хоръ, но жизнь можетъ Эта постановка вопроса проводитъ межу, раздѣляющую мѣсто свято' въ области театральной проблемы, какъ момента культурно исторической революціи, отъ чисто эстетическихъ исканій реформы театра

[Скучный разговоръ профессоръ, философъ, журналистъ, художникъ, любитель литературы, молодой композиторъ, скептическая дама, поэтъ]

Проф (немного торжественно) Итакъ, вы согласны? У этого Аполлона нѣтъ жрецовъ и не будетъ святилища Съ него довольно неба и смертныхъ Здѣсь именемъ бога освящается только портикъ, гдѣ просвѣты открыты всѣмъ лу чамъ, и еще—мастерскія, куда пусть свободно входитъ всякій, кто желаетъ и умѣетъ работать на Аполлона. Іерархія? Да, но она будетъ опредѣляться мнѣніемъ мастерской о качествѣ работы, и только Далеко съ портала четкія видны мнѣ слова ,Аполлонъ улыбается не гордости лауреата, а рвенію ученика'

Скепт дама Вѣчное ученичество! А намъ, бѣднымъ, чтеніе классныхъ тетрадокъ

Проф Что дѣлать! Право мечтать о мастерствѣ пріобрѣтается только въ званіи подмастерья Надо, чтобы такъ было

Журн Особенно въ Россіи Слишкомъ ужъ привыкли мы вѣрить въ ,наитіе свыше', забывая, что искусство прежде всего,—вдохновенное и веселое ре месло

Любит литер Да, для русскаго писателя перо все еще—только орудіе освобожденія отъ муки собственныхъ недоумѣній;—потому, вѣроятно, что пытка сострадающаго читателя—наиболѣе доступное ему утѣшеніе

Поэтъ Но за послѣдніе годы мастерство стиха, именно мастерство

Журн Я говорю о прозѣ У современнаго прозаика понятіе о стилѣ, обыкновенно, совпадаетъ съ понятіемъ грамотности

Любит литер Къ счастью для него, русская публика еще плохо отличаетъ безграмотность отъ ,отсутствія стиля'

Художн Меня заинтересовалъ стиль' того портика, о которомъ сказалъ профессоръ Портикъ, никуда не ведущій похоже на тріумфальную арку

Проф Нѣтъ Это очень широкій портикъ — для прогулокъ ,Аѳинской школы' Все дѣло въ томъ, чтобы собирались подъ его колоннадой поэты, художники, музыканты, философы, а надъ ними проходили облака, напоминая о Сократѣ и Бодлэрѣ..

Скепт дама Какъ хорошо! Что-то вродѣ павильона на островѣ, въ лѣсу

Любит литер Ну я предпочелъ бы обстановку менѣе идиллическую зато болѣе комфортабельную

Поэтъ А гдѣ же въ такомъ свѣтскомъ портикѣ пріютъ для молитвы и тайны?

Скепт дама Тайны съ большой буквы?

Проф Хотя бы Но ей довольно мѣста на остріѣ пера Да какъ бы и тамъ еще ей не пришлось иногда покориться ироніи,—тайнѣ

Поэтъ Я подымаю голосъ въ защиту тайны. Тайны и тайнодѣйствія Нужны молитвы Боги сходятъ на землю для того, чтобы ихъ распинали и молились

Любит лит Искусство остается искусствомъ

Проф Не будемъ отклоняться къ Діонису

Филос Аполлонъ и Діонисъ нераздѣлимы Нельзя мыслить объ одномъ, забывъ другого Дельфійское жречество утвердило двуединую религію нераздѣльныхъ и несліянныхъ боговъ Вспомните, что Дельфійскій Аполлонъ самъ въ теченіе вѣковъ насаждалъ культъ Діониса въ отдаленныхъ земляхъ Корни аполлоническаго искусства въ Діонисѣ Дантъ проходилъ сквозь selva oscura, и не написалъ бы ,Рая', не увидавъ ,Ада Вотъ—образъ жизни, ликъ Діониса Но разсѣивается ночь, и въ утреннемъ туманѣ четко отражаются въ застыв-

шемъ озерѣ металлически чеканные лавры и золотое небо — Аполлонъ Это строго священное видѣніе встаетъ, однако, уже за предѣлами жизни. Бѣлый ликъ Аполлона мнѣ рисуется, какъ ликъ смерти Я не вижу, куда можетъ вести Аполлонъ въ жизни.

Любит литер Вы забыли объ оракулахъ? Аполлонъ вмѣшивался въ жизнь и давалъ житейскіе совѣты Обращали ли вы вниманіе на то, что оракулы ни когда не являлись пророчествами? Они всегда ставили на пути si, si!—no, no!, два конечныхъ противорѣчія, представляющія свободу выбрать направленіе.

Филос Не спорю Я только хотѣлъ уяснить братство Аполлона и Діониса и то, что нельзя достичь ступеней Аполлонова храма, не пройдя черезъ Лю бовь и Смерть

Любит литер Если я не ошибаюсь, профессоръ произнесъ имя свѣтлаго бога, имѣя въ виду искусство, художество—и ничего другого

Проф Разумѣется Для меня Аполлонъ — символъ культуры Богъ строя, мѣры, ясности, котораго такъ недостаетъ въ наши дни смятеннаго хаоса Я привѣтствую его возвращеніе на землю Человѣчество забыло о немъ, забыло почти такъ же глубоко, какъ въ средніе вѣка хотя по иному

Художн Вы правы Мы только что пережили эпоху увлеченія Діонисомъ И въ средніе вѣка онъ тоже не былъ забытъ Не онъ ли устраивалъ шабаши и велъ экстатическіе танцы—истинныя пляски смерти?

Поэтъ А легенда о св Георгіи?

Проф Вы ошибаетесь Св Георгій—не Аполлонъ И Драконъ Георгія—водяной змѣй, а Пиѳонъ—чудовище хтоническое, порожденное землей Средневѣковый сіяющій рыцарь скорѣе сродни Персею, который, кстати, по одному миѳу, отрубаетъ голову Діонису

Филос Положимъ, есть вѣдь и другой Пиѳонъ, олицетворяющій мужское на чало, и Персей

Скепт дама Ахъ, какъ интересны эти филологическія тонкости! Но я плохо понимаю

Журн Оставимъ лучше филологію и тонкости и всѣхъ боговъ Греціи Аполлонъ современный, грядущій къ намъ, взалкавшимъ его новаго царства, такъ далекъ отъ Дельфійскаго бога... Неужели вы не чувствуете? Умираетъ старый міръ' и въ мукахъ рождается новый, совсѣмъ новый, безконечно-чуждый про-

шлымъ столѣтiямъ Съ небывалой дерзостью утверждаетъ себя человѣкъ, побѣдившiй землю и воздухъ Господа, когда я вижу чудовищные города Америки или гигантскiе ‚Цеппелины‘, я говорю—начинается свѣтопреставленiе

Скепт. дама Вы, кажется, ждете очень ‚современнаго‘ Аполлона?

Журн Если хотите Аполлонъ, парящiй надъ современнымъ городомъ, живописно-уродливымъ, съ фабриками, машинами и sky-scratchers ами,—Аполлонъ, который не гнушается нашей жизнью, великой, трагичной, пошлой, исковерканной,—Аполлонъ, раскрывающiй передъ новымъ человѣкомъ небывалый кругозоръ

Художн. Эстетическiй

Журн. Называйте, какъ хотите Важно одно впередъ—къ открытiямъ, къ завоеванiямъ, къ небу, къ солнцу!

Проф (послѣ паузы) Господа! Справедливость требуетъ, чтобы мы хотя упомянули еще объ одномъ ликѣ Аполлона Это ликъ малютки борца, который еще въ колыбели душитъ Змѣя

Скепт дама (нѣсколько позабывшись) Et le celeste amoureux L'Apollon d'Ovide?

Проф On y viendra, Madame A chacun son tour Laissez nous d abord caser le lutteur, s il vous plait

Журн. Если позволите.. Мнѣ кажется, что я уже отвѣтилъ Миѳъ получаетъ иногда въ глазахъ мистиковъ особенно пророческiй смыслъ Но, по-моему, въ миѳѣ скорѣе есть нѣчто вѣчное и неизмѣнное, какъ въ элементарной формѣ, какъ въ сокровенной основѣ мысли Аполлонъ—не только богъ культуры· это символъ нашего труднаго, даже болѣзненнаго, но все же неуклоннаго прогрессированiя и, слѣдовательно, нашей борьбы, нашихъ завоеванiй

Филос Прогрессъ состоитъ въ передвиженiи нормъ и цѣнностей Дiонисъ разрушаетъ нормы Аполлонъ утверждаетъ новыя Прогрессъ—равнодѣйствующая обѣихъ силъ

Художн Какъ бы то ни было, Аполлонъ не только побѣждаетъ и торжествуетъ, но изобрѣтаетъ казни для своихъ враговъ Судьба Марсiя

Молод композ Я радъ, что, наконецъ, хотя косвенно, вспомнили о Киѳаредѣ Музыка должна замѣнить остальныя искусства Всѣ стремленiя къ царству преображеннаго человѣчества сольются въ полифонической гармонiи Ду

ховная культура сдѣлается симфонической Въ этомъ—символъ Аполлона, предводителя Музъ

Художн Конечно, новый человѣкъ научится снова пѣть и плясать Онъ такъ преступно забылъ объ этомъ! Онъ снова проникнется религіозной любовью къ своему тѣлу и на площадяхъ, въ ритуальныхъ процессіяхъ возродитъ прекрасный танецъ-молитву передъ ковчегомъ бога

Любит литер Я боюсь только, что не будетъ красиво, если, по примѣру греческихъ эфебовъ во время этихъ обрядовъ онъ сниметъ съ себя одежды

Художн Вы шутите съ очень серьезнымъ вопросомъ

Любит литер А развѣ стоитъ шутить съ несерьезнымъ?

Скепт дама Какая декадентская утопія! Модернизмъ

Художн Вотъ—некрасивое слово И, пожалуй, выражающее еще меньше, чѣмъ кличка декадентства

Скепт дама (обращаясь къ поэту) Какъ недавно вы, поэты, гордились этой кличкой

Поэтъ Помилуйте, декадентство—то, отъ чего мы открещиваемся рынокъ!

Скепт дама А какого вы мнѣнія, профессоръ?

Проф Декадентствомъ я называю внесеніе въ литературу не принадлежащаго ей элемента, случайнаго, личнаго, чисто-формальнаго или интимнаго Техническія соревнованія, обмѣнъ акростихами, выдумываніе новыхъ риѳмъ только для щегольства, всякіе профессіональные упражненія и фокусы

Поэтъ Значитъ декадентствомъ грѣшили почти всѣ великіе—и Ронсаръ, и Эредіа и Пушкинъ!?

Проф Да вѣдь декадентство и не грѣхъ

Филос Декадентство—искусство конквистадоровъ новооткрытой области ощущеній и переживаній Экспериментъ можетъ быть красивъ, но не прекрасенъ, потому что красота—не теорема, подлежащая доказательству Форсированный вкусъ не есть хорошій вкусъ Декадентство—апоѳеозъ метода Методъ для метода—non sens, такъ же, какъ ‚искусство для искусства'—формула, отъ которой не отвращается Аполлонъ, блюститель опредѣленныхъ граней Результатомъ декадентскаго метода былъ иллюзіонизмъ, и потому можно надѣяться, что

декадентство превзойдено Аполлонъ убиваетъ экспериментаторовъ, у которыхъ, быть можетъ, самъ учится. Намъ не нужны болѣе вкусовыя раздраженія ‚à rebours' ..

Любит литер Если такъ, тѣмъ болѣе немного декадентства—необходимая приправа вкуснаго литературнаго блюда Какъ ядъ горькаго миндаля—смертельный въ рукахъ неосторожнаго повара

Скепт дама Должно быть поэтому я чувствую себя отравленной

Любит литер Нашей скучной бесѣдой?

Журн Нѣтъ, примемъ ее скорѣе, какъ противоядіе противъ удивительнаго отсутствія вкуса въ современной журналистикѣ.

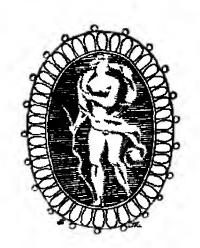
Любит литер Отсутствіе вкуса! Это говоритъ такъ много тому, у кого онъ есть

Филос Но куда вы дѣваете истину?

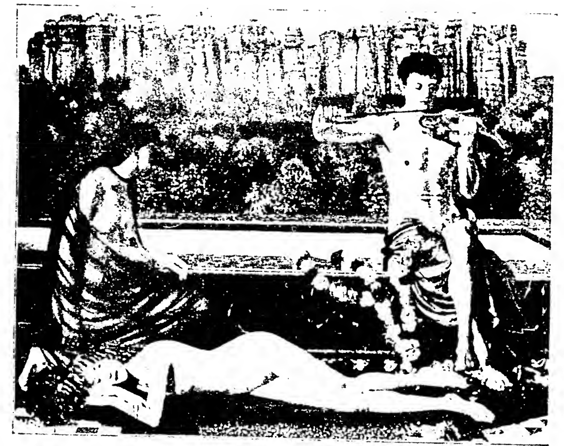
Любит литер Ахъ, истина! Будемъ лучше говорить объ ‚истинахъ' Разговаривать—значитъ обмѣниваться непохожими мыслями.

Проф А спорить?

Любит литер Оскорблять свою мысль, навязывая ее другимъ Четко выразить точку зрѣнія—можемъ ли мы требовать большаго отъ человѣка, не посягая на его умственную благовоспитанность? Убѣдить своего собесѣдника—развѣ не значитъ заставить его поглупѣть еще на одну чужую истину?

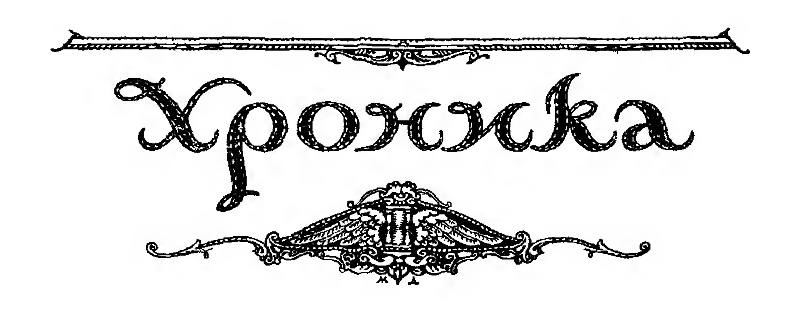


Берлинская Выставка. О. Швингеръ. — Моя дочь.



О. Цвингчеръ. „Мелодія“.

О. Цвингчеръ. „Въ цвѣтахъ“.



ЕВРОПЕЙСКІЯ ВЫСТАВКИ ЛѢТОМЪ

(путевыя замѣтки)

Въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій (періодъ очень недолгій для исторіи) ,новое искусство достигнувъ быстро состоянія расцвѣта и широкаго признанія и вызвавъ надежды на яркое будущее къ сожалѣнію, какъ будто успѣло уже вступить въ періодъ постепеннаго мельчанія, если судить не по отдѣльнымъ выдающимся мастерамъ, а по общему тону современной художественной жизни Съ каждымъ годомъ передовыя выставки все болѣе и болѣе теряютъ какой-то плѣнительный ароматъ боевого задора, становятся приличнѣе скучнѣе обыкновеннѣе, — за очень рѣдкими исключеніями... Чувствуешь: что то кончается И должно начаться, уже начинается—другое не столь дерзко индивидуалистическое, болѣе закономѣрное, болѣе оглядывающееся назадъ преемственное... Теперь осматриваясь уже ретроспективно на всю эту маленькую эпоху побѣдоноснаго модернизма можно сдѣлать нѣсколько выводовъ.

Настоящій художественный моментъ представляется въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ·

Въ странахъ германскихъ народовъ живопись, первою вступивъ въ жизнь на ,поле битвы'—на выставкахъ и на ,поле брани'—въ журналахъ гдѣ апологеты новыхъ вѣяній поясняли и иллюстрировали свои взгляды — медленно, но постепенно отходитъ на второй планъ, сыгравъ большую роль въ дѣлѣ эстетическаго воспитанія толпы послѣ тяжелаго безвременія 50—80 годовъ Зато успѣхи художественной индустріи, отразившей эти новыя вѣянія' становятся все несомнѣннѣе

Зодчество, подобно живописи, перетерпѣвъ эпоху безпокойнаго исканія новой формы, новой красочности и орнаментаціи и убѣдившись въ невозможности для яркихъ достиженій безъ соотвѣтствія съ новыми же конструктивными пріемами и матеріалами, устыдилось своей нераціональности — и опять восхищенно повторяетъ или беретъ какъ основу, старые національные образцы — въ ожиданіи рѣшающихъ откровеній еще не нашедшей своей прекрасной формы желѣзной архитектуры.

Ваяніе, поскольку оно соприкасается съ декоративными задачами съ архитектурными ensembles, за послѣдніе годы (особенно въ Вѣнѣ и Гамбургѣ) выходитъ на путь серьезной монументальности въ особенности, когда оно пользуется классическими и даже архаическими первоисточниками (Ледереръ Метцнеръ).

Въ странахъ романскихъ народовъ, быть можетъ, вслѣдствіе слабѣе выражающейся общей культурной эволюціи зодчество и художественная промышленность стоятъ дальше отъ тѣхъ новыхъ этетическихъ теченій, которыя такъ блестяще проявились въ живописи и скульптурѣ Франціи (Также на высокомъ уровнѣ скульптура и въ Бельгіи въ общемъ произведенія такихъ мастеровъ какъ Родэнъ Майоль, Менье, Минне до сихъ поръ сосредоточиваютъ взгляды скульпторовъ всѣхъ національностей)

Нѣсколько хорошихъ живописцевъ разныхъ оттѣнковъ въ Испаніи и Бельгіи примыкаютъ къ французскимъ школамъ (несмотря на національный акцентъ). Въ Италіи же—полное отсутствіе самостоятельнаго характера

Въ странѣ англо саксовъ новое движеніе вылившись въ формы изысканныя и солидныя, какъ бы застыло въ своемъ чопорномъ благородствѣ Тамъ медленно претворяются въ жизнь (иногда очень интересно) все тѣ же завѣты Рескина и Морриса зодчество—ограничивается разработкой типа cottage основанной на національныхъ первоисточникахъ скульптуры, попрежнему—никакой

Въ странахъ славянъ—,новое искусство взявъ безусловно многое въ техникѣ и общихъ взглядахъ у Запада, успѣло все же проявить столько самобытной фантазіи и проникновенія въ историческія эпохи въ интимныя и національныя переживанія, что живопись России Польши (характеризующаяся строго народной чертой — страданіемъ и политически-душевнымъ лиризмомъ) и Чехіи начинаетъ быть очень серьезнымъ конкуррентомъ на международныхъ смотрахъ искусства Слѣдствіемъ пониженія тона ,новаторскаго искусства, на которое я указалъ, явилось, прежде всего, возвращеніе къ идеаламъ которые были отвергнуты и безапелляціонно отвергнуты въ началѣ движенія

Снова появились во первыхъ, бытъ передаваемый теперь послѣ пройденной школы красочности, значительно болѣе ,живописными средствами, и во-вторыхъ, находящійся съ нимъ, повидимому, въ какой-то неуловимой связи натурализмъ', тщательное выписываніе деталей, въ ущербъ красокъ въ ущербъ общему колоритному впечатлѣнію Къ счастью впрочемъ, намѣчается уже и другой выходъ изъ аберрацій повидимому, кончающаго свою эволюцію импрессіонизма... Говоря о выставкахъ, я буду отмѣчать лучшее. Развѣ не въ этомъ лучшемъ' залогъ будущаго?

1

Изъ двухъ большихъ выставокъ—въ Берлинѣ и Мюнхенѣ—первая заслуживаетъ не менѣе Мюнхенской названія ,Международной такъ какъ хотя оффиціально она и не заключаетъ отдѣловъ по національностямъ но въ ея составѣ лучшіе представители искусства разныхъ странъ. По характерной и столь современной въ постройкѣ Stadtbahn—къ Grosce Berliner Kunstausstellung

Садъ ,Urania ресторанъ одинъ изъ ,колоссальныхъ берлинскихъ ресторановъ вмѣщающихъ по нѣсколько тысячъ человѣкъ; рѣзкіе звуки рогового оркестра· сотни столиковъ и пиво пиво—безъ конца; цвѣтники фонтаны, дѣти,—много дѣтей...

Lawn-Tennis укромныя скамейки а по верху на аркахъ грохочутъ ежеминутно пробѣгающіе поѣзда. Это Ausstellungspark И по серединѣ—тяжелое желѣзное окрашенное въ коричневый цвѣтъ выставочное зданіе

Самая выставка такъ срослась со всей окружающей жизнью что безъ нея какъ и безъ

этой ,жизни', было бы неполнымъ зрѣлище современнаго Берлина

Прежде всего натыкаешься на скульптуру, размѣщенную привольно въ обширномъ центральномъ hall'ѣ производящемъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, впечатлѣніе сада, обильно уснащеннаго изваяніями ,высшаго магазиннаго качества. (Впрочемъ, надо отмѣтить и здѣсь интересное новшество—показывать на выставкѣ разрушающіеся памятники кладбищъ для того чтобы потомъ опять вернуть ихъ на мѣсто но уже съ гарантіей на лучшую сохранность)
Налѣво отъ этого hall изъ котораго, какъ всегда и теперь спѣшишь поскорѣе выбраться — комната О Цвинтчера (О Zwintscher)

Нѣсколько лицъ нѣсколько повторяющихся все тѣхъ же лицъ но въ этомъ—стиль Цвинтчера; онъ такъ же не боится повторять себя какъ мастера возрожденія... Узнаемъ его худенькую дѣвочку (извѣстную по репродукціи въ ,Jugend), съ свѣтлыми локонами и глазами блѣдной фіалки съ задумчивымъ, таинственно отуманеннымъ и совсѣмъ ужъ женственнымъ взлядомъ, устремленнымъ прямо на зрителя вы помните? впечатлѣніе такое какъ будто эта дѣвочка даритъ свой взглядъ сливается имъ со всякимъ, кто на нее смотритъ. Теперь она подросла, и глаза ея съ дымчато-сиреневымъ взоромъ, минутами вспыхиваютъ темнымъ пламенемъ... У нея мать—съ блѣднымъ страннымъ лицомъ и всегда съ цвѣтами Вообще—много цвѣтовъ простыхъ и такихъ выразительныхъ Петунья простая деревенская петунья съ полосатостью лилово-бѣлою настурція огненная съ языками языческаго пламени георгина, изумляющая своею гордостью' И много другихъ яркоцвѣтныхъ, а надъ ними—летаетъ бабочка—,павлиньи глазки' бархатными, коричнево-фіолетовыми переливами своими красуясь на солнцѣ Изъ всѣхъ современныхъ художниковъ только Мехофферъ (изъ польской группы Sztuka)—участникъ ,Сецессіона въ Вѣнѣ—умѣетъ съ такимъ совершенствомъ передать красочный блескъ насѣкомыхъ ,Gold und Perlmutter'—подлѣ голой женщины, лежащей на бархатистомъ фонѣ,—пріоткрытый перламутровый ларецъ, вокругъ разсыпаны каменья и жемчуга. (Только Врубель былъ большимъ волшебникомъ въ передачѣ этихъ мерцаній)

Мелодія' —дѣвушки слушаютъ струящіеся звуки скрипки Одна лежащая съ изгибомъ бедра какъ у нѣжнаго юноши, другая въ полномъ грусти дымчатомъ одѣяніи. Горы стѣной замыкаютъ пейзажъ и придаютъ уютность площадкѣ съ бассейномъ зеленаго мрамора увитомъ розами.

Пейзажъ —простой, безхитростный, ,длящійся и облака—о Wandern, о Wandern'—говорятъ разсказываютъ много, много
Портреты—изобличаютъ удивительное умѣніе владѣть рисункомъ

Въ pendant Цвинтчеру—направо отъ входа—комнаты Унгера выискавшаго проникновенно германскій типъ лица дѣвушки (какъ Суриковъ Кустодіевъ Савиновъ у насъ передали характеръ славянскаго лица). Отъ этого лица лица съ голубыми, прозрачными глазами и темными рѣсницами вѣетъ старинными сагами Кеке (Köcke) рисункомъ стремительно несущагося поѣзда и заборовъ, занесенныхъ снѣгомъ и Кальморгенъ (Kallmorgen) — жизнью порта—обнаруживаютъ вдумчивое изученіе природы Но Скарбина когда-то заинтересовавшій картинами городской жизни, оказался очень плохимъ психологомъ и теперь, беря ,Дицовскіе сюжеты (Rockokozeit') — не трогаетъ вовсе.
Останавливаютъ вниманіе.
Изъ англичанъ и американцевъ — Шаннонъ (Charles Channon) нѣжными изгибами тѣлъ у синей, пѣнящейся воды; Сарджентъ (Jhon S. Sargent)—портретами: ,Fella' и ,Elise Swinton (извѣстными по репродукціямъ) ласкающими глазъ гладкими стройными формами обнаженнаго тѣла, и портретомъ Трехъ Дамъ, и—великолѣпный откуда-то полученный Уистлеръ (,Cremom Garden')

Изъ французовъ на большой Берлинской выставкѣ: Гастонъ-ла-Тушъ, какъ будто ослабѣвшій въ умѣніи передавать красочные переливы и пылающіе страстнымъ горѣніемъ лица женщинъ. Этихъ ‚купальщицъ у пѣнистаго фонтана—почти такъ же исполнила бы какая нибудь Дюфо.

Аманъ Жанъ Каро Дельваиль (Caro Delvaille)—все съ тѣми же дамами, зовущими но совсѣмъ не завлекающими раскинувшимися на широкихъ постеляхъ въ волнахъ кружевъ и шелка.

Кондеръ (Charles Conder) какъ то въ сторонѣ: у него совсѣмъ особенныя акварели на шелку пунцовыя пятна и зелень сочная темная, ѣдкая по тону, и гирлянды золотыхъ ожерелій и блѣдныя тѣла съ красивыми, выточенными тонкими руками, и большіе подтемненные кругами глаза женщинъ,—все это на его картинахъ создаетъ чувственно острую можетъ быть слишкомъ роскошную грезу о красивой жизни

Почти все остальное—грамотно, прилично, и только

Зато сколько восторговъ вызываетъ это приличіе‘ у ‚солидной публики‘, особенно послѣ ein paar Bier, которое тутъ поблизости... Да пиво безусловно необходимо, какъ выясняется опытомъ, для поднятія чувства восторженности у ‚обозрѣвающихъ‘ нѣмцевъ и какъ средство для слiянiя съ этимъ искусствомъ изображающимъ виды старыхъ городовъ гавани и сюжеты (все еще не прекращающіеся) вродѣ Саломей‘ и ‚Данай‘

Но вотъ мы въ отдѣлѣ зодчества. Впечатлѣнія становятся отраднѣе—Фотографіи съ построекъ Л. Гоффманна (L. Hoffmann) (уже на прочной основѣ старыхъ достиженій) обнаруживаютъ благородное дарованіе архитектора и глубокое знаніе сущности строительства, утерянное въ наши дни Бруно Мерингъ (Moehring) и Бруно Шмицъ (Schmitz) выполняютъ грандіозныя программы перспективно въ большомъ масштабѣ и даютъ такимъ образомъ цѣльность слiянiя постройки съ жизнью, уже на проектѣ выясняя ее во всѣхъ подробностяхъ.

Новое помѣщеніе VIII Берлинскаго Сецессiона‘, менѣе претенціозное по внѣшности чѣмъ бывшее зданіе на Kantstrasse заключаетъ въ этомъ году и выставку болѣе обыденную, чѣмъ всегда если не считать ретроспективнаго отдѣла. красивыхъ темныхъ, нѣсколько декоративныхъ пейзажей Лейстикова и чарующей идилличностью—картины Діана—Гансъ Тома

Изъ постоянныхъ участниковъ выдѣляется Вальсеръ (Karl Walser)—психологической интересностью своихъ рисунковъ красивыхъ самой линіей, умѣніемъ художника разсказать ею занятно самые простые сюжеты (напр, Сломка дома)

Орликъ (E. Orlik) рисующій японскимъ пріемомъ удивительной нѣжности розовыя тѣла и пейзажи стараго города съ сѣрыми черепицами Но въ выставленныхъ картинахъ Л фонъ Гофмана (Ludvig v Hoffman), къ сожалѣнію нѣтъ его красокъ райской птицы, а въ холстахъ Климта (G. Klimt) нѣтъ ни свойственной ему тонкой прочувствованности и нервности линіи ни мозаично-красивыхъ мазковъ. У Слевогта (Slevogt)—бурыя краски и непріятныя, ‚рваныя формы (удивительная общность съ Ціонглинскимъ!).

Вотъ, наконецъ, и нѣчто совсѣмъ новое для Сецессіона: недопускавшіяся еще такъ недавно картины съ ‚сюжетами‘—‚бытовыя тенденціозныя‘, ‚литературныя‘ картины Балушека (H. Baluszek). Его Hamburg гдѣ толпятся евреи эмигранты на берегу, у пристани—типичный образецъ еще и понынѣ у насъ процвѣтающаго ‚передвижничества‘. Такого же характера портреты—у престарѣлаго Либермана (у котораго все еще красивы рисунки углемъ) и у графа Калькрейта (Kalkreuth) Въ заключеніе—много сюжетовъ даже на ‚злобудня‘ картинъ политическаго и моральнаго характера

(напр юноши купающіеся верхомъ на лошадяхъ—какъ отголосокъ процесса кн Эйленбурга!).

Иностранцы. Сезаннъ—отецъ новѣйшихъ направленій—однако, кажется моложе, свѣжѣе всѣхъ своихъ послѣдователей. Въ картинѣ ‚Купаніе' въ игрѣ удивительныхъ желтыхъ и голубыхъ рефлексовъ—какая насыщенность тѣломъ, сколько ‚плотскаго'—до разнузданности! Но развѣ въ преображеніи искусства не все озаряется чистотой священной?

Вюйлларъ (E Vuillard) далъ много картинъ Promenade—кусочекъ сквера: желтая, ажурная, сухая листва тонкій, садовый, желѣзный стулъ няньки, дѣвочки, много дѣвочекъ въ передникахъ и съ обнаженными ножками и тутъ же подозрительные мужчины, всматривающіеся нахальные. Близка нарочитость? - Но она такъ умѣло обойдена взята такими живописующими средствами, что о тенденціи не думаешь

Еще лучше ‚Intérieur en bleu et orange' Вюйллара—комната, гдѣ самые буржуазные обои, вся обстановка—переданы съ выразительною *интересностью*

Ц о р н ъ продолжаетъ изображать великолѣпныхъ женщинъ послѣ бани съ лоснящимися, мокрыми бликами, здоровымъ тѣломъ освѣщеннымъ краснымъ пламенемъ печи.

Швейцарецъ Х о д л е р ъ - крупнымъ масштабомъ и широкимъ пріемомъ своихъ картинъ, могучею интеллектуальностью своею, стремленіемъ къ какому-то новому перевоплощенію жизни заинтересовываетъ сильно Вотъ—рядъ студентовъ на коняхъ отправляющихся на войну': условность расположенія фигуръ, вмѣстѣ съ представленіемъ всего изображаемаго не въ перспективѣ а въ развернутомъ кверху, какъ на плоскости видѣ—даетъ много новаго для глаза и позволяетъ художнику изобразить в с ѣ фигуры (иначе многія были бы закрыты одна другою) Die Liebe—обнявшись лежатъ тѣла въ чувственной, сладостной и долгой истомѣ О Ходлерѣ надо говорить много подробно

Въ с к у л ь п т у р ѣ Сецессіона—ничего выдающагося

2

М ю н х е н с к а я м е ж д у н а р о д н а я в ы с т а в к а въ Glaspalast ѣ устроена Kunstlergenossenschaft омъ (уже заявившимъ себя рядомъ выставокъ очень невысокаго вкуса, въ томъ же Glaspalast'ѣ) и Secession'омъ, остроумно избѣжавшимъ въ этомъ году отдѣльнаго выступленія такъ какъ вслѣдствіе постепеннаго выцвѣтанія своего *и потери наиболѣе* видныхъ сочленовъ, выставки Мюнхеновскаго Сецессіона мало по малу утратили свою raison d'être. Близящееся распаденіе Сецессіона на группы (какъ это уже произошло на Вѣнскомъ ‚Сецессіонѣ) ощущается и здѣсь на этой ‚общей' выставкѣ

Самое оборудованіе выставки далеко не восхищаетъ больше ни разработкой общаго плана ни деталями, какъ, напр., въ большихъ Дрезденскихъ выставкахъ (въ этомъ году тамъ—международная фотографическая), *и ограничивается* четырьмя мачтами съ флагами столькими же кипарисами у входа и въ вестюбилѣ, фонтаномъ въ одной изъ залъ и очень плохого рисунка (I Dietz) плакатомъ. Минуло время когда приподнятые энтузіазмомъ вѣрой въ будущее, художники Мюнхена устраивали въ выставочномъ помѣщеніи сады, боскеты трельяжи и разставляли всюду интересную мебель.

Выставка опредѣленно распадается на отдѣлы по націямъ причемъ Англія отсутствуетъ совершенно, а участіе Франціи и Финляндіи имѣетъ только характеръ ‚визитнаго картона'

Начнемъ съ хозяевъ, такъ какъ имъ у себя дома было легче всего устроиться Или изъ вѣжливости они захотѣли показать себя какъ можно скромнѣе? Зачѣмъ же понадобилась имъ *тогда половина всего помѣщенія?* Германскій отдѣлъ состоитъ изъ нѣсколькихъ группъ—по направленіямъ.

Отдѣлъ Künstlergenossenschaft а, совмѣстно съ

остальной (кромѣ Баварiи) Германiей, такъ же какъ и Luitpoldgruppe заявили себя выше всякой мѣры вяло и безъинтересно

Sholle' состоитъ изъ части Мюнхенцевъ — А Мюнцера, Эрлера, Л Путца — художниковъ слишкомъ хорошо извѣстныхъ по вос произведенiямъ въ журналѣ Jugend чтобы о нихъ распространяться. Въ ихъ техникѣ замѣтно общее стремленiе къ еще болѣе мазаичному, крупному мазку Мюнцеръ попрежнему гораздо интереснѣе въ своихъ рисункахъ, чѣмъ въ маслѣ Эрлеръ — достигаетъ красивыхъ гаммъ, пурпурно-фiолетовыхъ, зеленыхъ; Путцъ любитъ складывать изъ перламутровыхъ мазковъ обнаженныхъ дѣвушекъ и ихъ отраженiя въ зеркалахъ.

Отдѣлъ Secession а—богаче красками и смѣлѣе переливами ихъ, но все-же пейзажи Питча (Pietzsch) только терпимы и останавливаютъ вниманiе больше рисовальщики (W Georgi) и офортисты (Graf).

Очень пошлы портреты Келлера, картины Слевогта и вошедшiе въ такую моду — ,акты и натурщицы, воспроизводящiяся въ Jugend' и Die Kunst' Габермана. Его слава рѣшительно изобличаетъ стремленiе возвеличивать посредственности для созданiя хоть какихъ-нибудь но новыхъ именъ

Въ другiе отдѣлы приходится переходить опять черезъ Kuenstlergenossenschaft. Здѣсь: собаки ,мельницы', старыя церкви, intérieur'ы, но одно хуже другого, и стремишься только поскорѣе уйти отъ этого ужаса. О! благообразiе переходящее всякiй предѣлъ подлизыванiе подъ заслуженныя восклицанiя публики— wunderschön'! —полный застой или возвратъ къ 60-мъ годамъ?

Возвратъ такъ какъ еще недавно такiя про изведенiя были бы непрiемлемы на выставку гдѣ участвуетъ и Сецессiонъ'...

Остается еще — Künstlerbund Bayern Здѣсь вѣрный себѣ и Беклиновскимъ перепѣвамъ Урбанъ (Herman Urban) и Марръ (Marr) — дающiй чудесные декоративные мотивы' изъ сплетенiя пламенѣющихъ женщинъ Хаммеръ (Hammer Дрезденъ) о которомъ уже упоминалъ школы Цвинтчера: въ саду, рисуясь на фонѣ неба стоятъ раздѣленные ко лючею порослью, ,Адамъ и Ева'. Ея взоръ— плотскiй, желающiй теряющiй себя свою волю Интересно

Затѣмъ иностранцы: Пенель (Penell Лондонъ) передаетъ городъ его движенiе шумъ, дымъ, кошмарность; офорты Пенеля долго остаются въ памяти

Въ томъ же отдѣлѣ Геркомеръ (Herkomer, Лондонъ). Большой холстъ—засѣданiе Совѣта Академiи художествъ въ Лондонѣ Лица—такiя лица бываютъ только у англичанъ — восторгающiя своею благородной озаренностью; старыя молодыя насыщенныя исторической культурой Отдѣлъ Испанiи

Тона сильные, сочные, контрастные Черныя зеленыя синiя огненныя гаммы и бронзовыя лица—это Зовага (Zôwaga)

Триптихъ Чихарро (Chiharro) упоенiе, душевный экстазъ, выраженный на лицѣ женщины въ красномъ одѣянiи молящейся передъ распятiемъ, на фонѣ зеленаго мутнаго ,витро',—красивый холстъ.. И несмотря на отсутствiе знаменитыхъ Англады, Гандары, Зулоаги, отдѣлъ даетъ впечатлѣнiе цѣльности, особенно въ подборѣ красокъ (темныхъ, желтыхъ синихъ очень сильно покрытыхъ лакомъ).

Австрiя какъ всегда и всюду, обставившая свои комнаты декоративно по новому однако не представляетъ это новое съ тою захватывающею интересностью, какъ прежде

Все-таки—рѣдкой красоты тональная ,пыль, сѣтка рисунка и гамма-тема вѣющая архаически-эллинской эпохой вообще—вся музыкальная декоративность Климта.

Вспоминается нашъ Денисовъ И становится понятнымъ, почему онъ не выражаетъ, несмотря на всѣ потуги скрытаго, безусловно, въ его душѣ родника сказочныхъ грезъ: не хватаетъ интеллекта, техническаго умѣнiя, власти надъ формой. Нѣтъ въ Денисовѣ знанiя, культуры

которая есть у такихъ художниковъ, какъ Климтъ

Орликъ и здѣсь, какъ въ Берлинѣ,—,китаянскій', но чудесный по краскамъ

Молль (Moll)—intéireur ами и Еттмаръ (Jettmar) пейзажами напоминаетъ былые дни ,Ver sacrum'a

Изъ новыхъ именъ здѣсь Блауенштейнеръ разсказывающій жизнь дѣтей игрушекъ Къ группѣ Чеховъ относятся

Солнечный Новакъ (Novak), М Свабинскій (Swabinsky) Тихи (Tichy) — давшій огромное полотно, гдѣ на фонѣ зелени женщины, опьяненныя, тянутся другъ къ другу, открываютъ свои объятія летящимъ къ нимъ амурамъ· все въ картинѣ — одно желаніе, есть слащавость, но много красиваго въ краскахъ

Польская группа выступила вмѣстѣ съ Сецессіономъ а потому и теперь—съ австрійцами

За этотъ годъ не стало Выспянскаго (†), къ сожалѣнію нѣтъ его и на выставкѣ Станиславскіи (†), однако, представленъ многими пейзажами

Фалатъ (Falat) близокъ по складу Сѣрову Филипкевичъ и въ особенности Мехофферъ—не характерны въ картинахъ, попавшихъ на выставку· нѣтъ свойственныхъ имъ богатыхъ красочныхъ сочетаній, какъ, напр. въ извѣстныхъ витражахъ, ,Вавельскаго' собора въ Краковѣ, работы Мехоффера.

О Познанска—потретистъ въ перламутровыхъ тонахъ, Гофманъ (V Hoffmann) очень заинтересовываетъ бронзовыми тонами своей дикарки и приближающагося къ неи чорта', высовывающаго языкъ.

Чайковскій (I Czaikowski) — рисункомъ одеждъ и крестьянскихъ національныхъ уборовъ и сильными, горящими красками какъ и многіе славянскіе художники обращаетъ на себя больше вниманія, чѣмъ всѣ извѣстные вѣнскіе Сецессіонисты'. Какъ будто перемѣщается художественный центръ и славяне скоро должны занять доминирующее положеніе Упомяну еще Аксентовича и Яроцкаго (Iarozki), почему-то убраннаго наверхъ въ интернаціональный отдѣлъ, но подающаго большія надежды

Скульптура Метцнера (Metzner) — это гиганты въ изгибахъ Чувствуется крупный мастеръ: пластика Метцнера — несомнѣнно одно изъ яркихъ событій современности.

Въ этомъ отдѣлѣ декоративно-красивый полъ, розово-фіолетовый и художественная индустрія Лӧфлера, Гоффмана и др.: драгоцѣнные ларцы, майолика, вѣера, особенно майолика съ patine нѣжной по тону но блестящей, поливной.

Швейцарія, по направленію ближе всего къ Австріи но кромѣ уже упомянутаго Ходлера и нѣсколькихъ совсѣмъ не характерныхъ для своей страны художниковъ—сказать не о комъ

Шведскій отдѣлъ повидимому, былъ съорганизованъ какимъ-нибудь оффиціальнымъ учрежденіемъ такъ какъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ даже того свѣжаго новаго направленія живописи, что наблюдается въ нѣсколькихъ залахъ Стокгольмскаго музея Отведены двѣ комнаты: холстамъ Фіестада (Gustav Fjoestad) — длиннымъ запушеннымъ снѣжными хлопьями вѣткамъ елей, озаряемымъ вечернимъ солнцемъ или выступающимъ какъ ажурное плетеніе на янтарномъ горящемъ блѣдными яхонтами небѣ (и нѣсколькимъ другимъ строго изученнымъ мотивамъ) и — рисункамъ Ларсона, который повторяетъ неутомимо все тѣ-же intérieur ы своего домика украшеннаго уютною мебелью, съ играющими или сидящими за столомъ дѣвочками, и вообще рисуетъ теперь только свой home. Много уюта, тихой жизни но становится скучнымъ рисунокъ и нѣтъ той красивой линіи, упрощенности пятенъ что была прежде въ его работахъ (въ Стокгольмскомъ музеѣ)

Бельгія Ф. Кнопфъ (Fernand Knopf). Триптихъ Alte zeit Erinnerung an Brügge—быть можетъ самое серьезное глубокое произведеніе на всей выставкѣ

Женщина въ разукрашенномъ одѣяніи; рыцарь приноситъ ей лиліи· на столѣ ларецъ драгоцѣнностей; она задумчиво смотритъ въ окно, а тамъ какъ видѣніе монастырь съ готическими стѣнами отраженными въ водѣ Пейзажъ—достойный Мемлинга. Или—гробница высокій пьедесталъ, и со сложенными на груди руками тихо покоится дѣвушка Льются мягкіе переливные звуки органа

Л Фредерикъ въ своемъ жанрѣ банальнѣе, нежели въ своихъ прежнихъ журчащихъ—полныхъ розовыхъ дѣтей ручьяхъ или Флорахъ', но рисуетъ онъ попрежнему съ поражающимъ знаніемъ

Гваши Делоноа (Delaunois) изображающія церковные intérieur'ы доказываетъ что никакою другою техникою нельзя лучше передать эффекты цвѣтныхъ vitraux, коричневыхъ кожъ на Stalle и вообще церковной затуманенной старины

Въ Голландскомъ отдѣлѣ—корабли, гавани (Брейтнеръ), недурные офорты (здѣсь преданія Рембрандта еще живы!), но въ общемъ ничего выдающагося Только ванъ Рисельбергъ—какъ будто еще болѣе виртуозничаетъ своимъ запоздалымъ новаторствомъ.

Венгрія Кромѣ портретовъ извѣстнаго Ласло (Laszlo) и Наги (Nagy)—художника цвѣтовъ—ничто не запоминается.

Данія Виллюмсенъ (Willumsen) интересный своимъ пріемомъ Краузе (Krause)—цвѣтными офортами и Хаммерсхей (V Hammershoy)—чудесными, очень тонко и умѣло прорисованными пейзажами архитектурнаго характера (онъ напоминаетъ какъ и Вальсеръ въ Берлинѣ—Добужинскаго).

Въ отдѣлѣ Италіи—кромѣ выдвигаемаго почему-то всѣми Инноченти (Innocenti), да сноснаго Джусти (Jiusti), не останавливаетъ никто

Францiя составила свой отдѣлъ при такомъ же высокомъ содѣйствіи Академіи художествъ (секретарь Baschet и директора Ecole des arts décoratifs), какъ и Россія

Посмотримъ, что получилось изъ этого Прежде всего—Францiя во избѣжаніе недоразумѣній объявила себя внѣ премій. И очень остроумно поступила не получивъ такого страннаго присужденія ихъ, какъ Россія. Жань-Поль Лорансъ Бланшъ, Ролль Дюфо, Г ла Тушъ Каро Дельвайль и ,знаменитый' въ публикѣ своимъ ,Vertige'емъ Ечевери (Etschevery)—вотъ оффиціальное ядро отдѣла

И радуютъ глазъ какъ бы случайныя работы М Дени, Герена (Guérin), Ш Коттэ и Симона Поступокъ французовъ объясняютъ самомнѣніемъ: имъ безразлично участіе на международныхъ выставкахъ

Россія. Несмотря на полное отсутствіе такихъ художниковъ, какъ К Сомовъ, Е. Лансере, А Головинъ Л Бакстъ И Билибинъ К. Коровинъ Ф Малявинъ К Богаевскій, кн Шервашидзе, Петровъ-Водкинъ Савиновъ, и на присутствіе даже такихъ, какъ Волковъ Борисовъ или Мясоѣдовъ русскій отдѣлъ, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ все же произвелъ хорошее впечатлѣніе на критику особенно на ту которая не подозрѣвала даже и о такой русской живописи... Однако болѣе опытнымъ цѣнителямъ здѣсь пришлось удивляться еще больше чѣмъ въ комнатѣ Болгаріи или Турціи (гдѣ, кстати сказать, царитъ только плоско-,литературная' живопись, т е —самое скверное вліяніе З Европы!), такъ какъ въ дополненіе къ тому что просвѣщенный Западъ видѣлъ въ парижскомъ Salon d'automne 1906 г и въ Вѣнѣ въ 1908 г.—онъ вдругъ познакомился съ рядомъ новыхъ именъ, представившихъ совсѣмъ иное направленіе, главнымъ образомъ—съ участниками весенней' Академической выставки

Все-же и Александръ Бенуа (Павильонъ Армиды и три вида Версаля') и Н Рерихъ (двумя совсѣмъ незначительными для него холстами), и Рѣпинъ (портретомъ В. Кн Владиміра Александровича) и Кустодіевъ (портретомъ пр. Матэ, совсѣмъ не характернымъ для его творчества) и Сѣровъ (вовсе

Берлинъ. Сецессіонъ. В. Лейстиковъ. „Вилла".

Мюнхенъ. Международн. выставка. В. Зубіаръ. „Обѣдъ".

Ф. Ходлеръ. „Выступленіе Іенскихъ студентовъ“ (1813 г.).

Берлинская выставка. Гастонъ Ла-Тушъ. „Лѣто“.

Ф. Ходлеръ. „Любовь“.

Берлинъ. Сецессіонъ. Э. Вюйларъ. „Лѣто“.

Берлинъ. Сецессіонъ. В. Лейстиковъ. „Вилла“.

Мюнхенъ. Международн. выставка. В. Зубіаръ. „Обѣдъ“.

ужъ незначительной для него акварелью: ,Собака), и Пастернакъ — много сказали иностранцамъ о русской живописи, а ,Зеленый шумъ' Рылова Карусель Мурашко (?) и ,портреты' Бобровскаго даже восторгали правда, не столь гребовательныхъ критиковъ
Конечно, дѣло по обыкновенію не обошлось безъ ужасовъ Борисова, сумѣвшаго отвоевать себѣ много квадратныхъ метровъ. Приходится еще пожалѣть о полномъ отсутствіи Врубеля, о мизерномъ представленіи Рябушкина (Въ деревнѣ' съ петербургскаго Салона'). Съ другой стороны, совершенно непонятно участіе неизвѣстныхъ (!) художниковъ — Свищевскаго (СПБ.) и Владимірскаго (Кіевъ)..
Странное распредѣленіе премій объясняется. 1) численнымъ преобладаніемъ въ жюри голосовъ ,Künstlergenossenshaft'а', физіономію котораго надѣюсь я успѣлъ уже выяснить, и 2) страннымъ какъ видно изъ краткаго моего перечня именъ подборомъ выставленныхъ работъ

Первую премію (или медаль) получили
Нестеровъ (за Святую Русь'!!)
Рѣпинъ (за портретъ Вел Князя')
Колесниковъ Степанъ (за пейзажъ) (?)
Вторую—Мурашко (за ,Карусель'!)
Биляницкій, Горѣловъ (громадный холстъ на историко-бытовой сюжетъ!) Крыжицкій Петровъ (intérieur), Жуковскій, Бобровскій Архиповъ Фешинъ (портретъ).
Право на вторую медаль (Inhaber des II Medaille)
Рыловъ Пастернакъ, Столица
и никакого поощренія:
Бенуа Добужинскій Рерихъ, Сѣровъ Кустодіевъ, Кардовскій Ап Васнецовъ, Малютинъ, Юрій Рѣпинъ, Бродскій

3

Кромѣ Международной выставки, въ Мюнхенѣ лѣтомъ была еще Moderne Kunstausstellung' оповѣщавшая о себѣ очень красивымъ плакатомъ А. Мюнцера (кстати нигдѣ теперь такъ не распространены какъ въ Мюнхенѣ художественные плакаты, исполненные по рисункамъ лучшихъ мастеровъ). Она была устроена въ помѣщеніи редакціи ,Jugend Здѣсь можно было видѣть оригиналы многихъ рисунковъ, воспроизведенныхъ въ свое время въ журналѣ
Участники — Эрлеръ (оба—Фрицъ и Эрихъ) Георги, Мюнцеръ, Габерманъ Дицъ Бауридель, Эйхлеръ О Грейнеръ Трюбнеръ Клейнъ, Л Путцъ Зальцманъ Рѣзничекъ, Рейсбергеръ Тони, Цумбушъ Гейне. Многіе изъ этихъ художниковъ знакомы намъ также по ,Симплициссимусу
Были лѣтнія выставки картинъ и въ другихъ городахъ Германіи, напримѣръ, въ Баденъ-Баденѣ Дюссельдорфѣ, Гамбургѣ
Но особенно интересны и обширны мебельно-декоративныя и художественно-строительныя выставки въ Лейпцигѣ Мангеймѣ, Дармштадтѣ (гдѣ участвовали художники Künstlerkolonie: Habich, Behrens Christiansen) посвященныя спеціально отдѣлкѣ гостиницъ и большихъ помѣщеній,—вопросъ очень современный: вѣдь строительство hôtel'ей—специфическая задача нашего времени.
Въ Берлинѣ—самая выдающаяся выставка этого рода По этажамъ: внизу помѣщенія болѣе тяжелаго монументальнаго характера (вестибюли, общія уборныя, билліардныя bar'ы) затѣмъ идетъ оборудованіе цѣлыхъ квартиръ и, наконецъ въ антресоляхъ — спальни рабочія комнаты, дѣтскія. Здѣсь все полно уютности и красивости явно свидѣтельствующей о томъ какъ быстро прогрессируетъ въ Германіи культура дома, жилья, комфорта эстетика городской жизни

4

VIII-ая Международная художественная выставка въ Венеціи размѣщается въ саду, на берегу моря при выходѣ

изъ залива, откуда виденъ вдали весь городъ отъ S Maria della Salute до зеленой равнины съ наклонившимися въ разныя стороны ‚кампанилами‘ и византiйскими куполами. Здѣсь, между деревьями, отдѣльные небольшiе павильоны и въ концѣ сада—palazzo principale

Изъ этихъ павильоновъ Венгерскiй построенъ въ нынѣшнемъ году проф Мароти (остальные—предыдущихъ годовъ) и обращаетъ на себя вниманiе посѣтителей своими красивыми пропорцiями и мозаиками По обѣ стороны полуцир кульнаго портала, украшеннаго вьющимся орнаментомъ мозаичное панно по рисунку Körös fői, выполненное Р о т о м ъ (Miksa Roth) а внутри по рисунку Мароти

Богатое убранство, декоративная мебель, ви трины, наполненныя разными подѣлками изъ металловъ и камней, говорятъ намъ о новомъ центрѣ чудесной художественной промышлен ности—Буда Пештѣ Но находящаяся тутъ же венгерская ж и в о п и с ь далеко не соотвѣт ствуетъ архитектурѣ павильона

Впрочемъ, портреты Л а с л о (Laszlo), Р и п л а (Ripl), великолѣпная по передачѣ женской страст ности картина—‚Вампиры‘ Цока (Csók) и цвѣт ныя стекла выполненныя по рисунку *Наги* (Nagy) Роттомъ (Roth)—характерны въ типахъ и въ рисункѣ какъ выраженiе нацiональныхъ исторически-далекихъ воспоминанiй (набѣги Атиллы). Вотъ все почти новое — если не считать многихъ образцовъ подражанiя Мункаччи и Макарту

Въ Б е л ь г i й с к о м ъ отдѣлѣ украшенномъ орнаментальными фресками довольно отста лаго moderne Style (смахивающаго на проекты съ coup de fouet бельгiйскаго архитектора Горта)—много скульптуры· чарующiе фонтаны изъ стилизованныхъ худыхъ мальчиковъ Жоржа Минна, модели памятники сатиры, нимфы Руссо и Рамбо

Есть комната работъ, передающихъ исключительно виды Венецiи Извѣстный холстъ Ф Кнопфа — Ангелъ‘ и не менѣе извѣстная идейно тяжеловатая картина ‚Судьба и человѣчество Лемпольса (Leempoels)

Очаровываютъ фiолетово-золотистыми сочета нiями большiе монументальные холсты Мон тальда (Montald)

Офорты Ф. К н о п ф а передаютъ его манеру рисунка—точную суховатую, но выражающую глубокiя мистическiя устремленiя художника.

Д. Енсоръ представленъ картиной рѣдко-инте ресной и для него—Садъ любви‘ гдѣ пьеро и дамы прогуливаются по зеленому газону, на фонѣ чудеснаго парка

Въ отдѣлѣ а н г л и ч а н ъ — портреты Д Л а в е р и: ‚Palimnia‘, длинная въ черномъ платьѣ и съ анлгiйски прекраснымъ лицомъ дѣвушка, благородствомъ своей позы долго чаруетъ воспоминанiе Его же—очень красочный пейзажъ Базаръ въ Танжерѣ

Интересны еще Ш а н н о н ъ весь дымчатый, и Н и к о л ь с о н ъ гармонiей сѣро голубыхъ перьевъ на черномъ фонѣ

Къ сожалѣнiю нѣтъ обширныхъ и красочныхъ холстовъ Ф Брэнгвина (Fr Brangwyn); на вы ставкѣ только его офорты.

Б а в а р i я И здѣсь Габерманъ (его нимфы, на яды съ красными маками и голубымъ небомъ) и О Грейнеръ съ его желѣзнымъ рисункомъ тѣла Дальше — опять пейзажи Питча опять Дицъ Спиро и другiе.

О б щ i й п а в и л ь о н ъ

Кромѣ залъ объединяющихъ художниковъ разныхъ странъ отдѣльно представлены Штукъ, Бенаръ Цорнъ, Кройеръ Е Титто, К Инно ченти, Ерасе Пазани Фризеке, Миллеръ и Трубецкой.

Затѣмъ объединены школы Италiи. Венецiя, Пьемонтъ, Неаполь, Ломбардiя съ художникомъ Таллоне, Тоскана съ Фаттари и Синьорини Выдѣленъ ‚blanc et noir‘. И наконецъ состав ленъ американскiй отдѣлъ

Ф р а н ц ъ Ш т у к ъ—представленъ такъ полно (35 ном.), кажется въ первый разъ; собраны изъ оффицiальныхъ и частныхъ собранiй картины и скульптура всѣхъ перiодовъ его творчества

Поль А. Бенаръ—пятьюдесятью тремя про изведеніями, и Цорнъ—семьюдесятью пятью (въ томъ числѣ и скульптура) — какъ бы под водятъ итогъ не только своей дѣятельности но и всей эпохѣ ,новаго искусства которое уже не создаетъ больше ,такихъ мастеровъ по крайней мѣрѣ—давно уже не создаетъ... Но говорить объ нихъ нельзя въ краткомъ отчетѣ

Кройеръ—мастеръ большого размаха, но, къ сожалѣнію мало характерный въ Норвегіи (гдѣ онъ родился) и для Даніи, гдѣ учился хотя онъ пишетъ море и національные обычаи Въ немъ мало красочности и много подчасъ нарочитой хотя и серьезной, содержательности

Этторе Титто и Инночентн--два самыхъ современныхъ итальянскихъ дарованія. Пер вый облекаетъ только въ относительно красивую форму всегда много идей и притомъ бьющихъ на эффектъ

Второй - банальностью не далекъ отъ Эчевери хотя манерой напоминаетъ и Helleu и Boldini, и Blanche'а рисуетъ только модныя дамскія фигуры съ очень удлиненными пропорціями и въ ,интересной' дымкѣ

Фризеке и Миллеръ — напоминаютъ красочныхъ Мюнхенскихъ портретистовъ (Путца Мюнцера, Эрлера) но грубѣе просто--вульгарнѣе ихъ

Остальное во всей Италіи — еще болѣе безнадежно и печально

Въ международныхъ отдѣлахъ запоминаются. польскій художникъ Яроцкій чудесно-красочный: — пишетъ яркія платья крестьянъ съ Карпатъ и кажется намъ продолжателемъ Малявина; затѣмъ Паутчъ въ этомъ же родѣ но болѣе прозрачный и американецъ Пенеллъ давшій оттиски тѣхъ же произведеній, что въ Мюнхенѣ, офортистъ, передающій жизнь городовъ своей страны очень характерно и подчеркивающій безнадежность произведеній другихъ своихъ согражданъ

Скульптуры П Трубецкого миніатюрные портреты животныя Всѣ десять — съ однимъ выраженіемъ и въ одной манерѣ съ одною не пропорціональностью (голова укладывается разъ 10—12 въ фигурѣ).

Въ отдѣлѣ blanc et noir': офорты М Клингера (незначительные), Леграна (Legrand) тоже мало представляющіе этого интереснаго офортиста (послѣ Ф Ропса одного изъ самыхъ замѣчательныхъ во Франціи) Лепера Либермана Шаннона, Орлика Родэна Ропса и Талоу (†); литографіи Стейлена и олеографіи Тома

Такъ какъ Международная выставка въ Венеціи включаетъ всѣ области Италіи, то въ этомъ году выставокъ ни въ Римѣ, ни во Флоренціи нѣтъ, и только ученическіе отчеты въ многочисленныхъ Academia di Belle Arti повергаютъ еще въ бо́льшую грусть жалкимъ преподаваніемъ въ нихъ искусства.

Правда многія изъ этихъ Академій только среднія учебныя заведенія и даже художественно-промышлемныя но то, что пришлось мнѣ видѣть въ Перуджіи, Флоренціи и Римѣ—обнаруживаетъ только преклоненіе передъ вы дохшимися бездушными образцами плохой живописи Будто не было въ Италіи никакой исторіи искусствъ и то что развѣшано и разставлено въ богатѣйшихъ музеяхъ --не достояніе національной культуры а аэролиты чудомъ попавшіе на итальянскую землю

И это поддѣлываніе подъ живопись нѣмцевъ (подъ самыхъ ужасающихъ ,Тирольскихъ' жанристовъ) и самыхъ банальныхъ французовъ — внѣ собственнаго созерцанія жизни—создаетъ угнетающую безликость современной итальянской живописи

Георгіи Лукомскій

Венеція (Лидо)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА

ВЫСТАВКИ

Во время лѣтняго сезона, какъ и всегда въ Петербургѣ не было художественныхъ выставокъ Зато русское искусство экспонировалось въ Мюнхенѣ Какъ извѣстно Академія Художествъ и на этотъ разъ сдѣлала все возможное, чтобы опозорить Россію Имена Шлугпейта Овсянникова, братьевъ Маковскихъ Творожникова Киселева, Пимоненко Волкова Гинзбурга и прочихъ подобныхъ имъ свидѣтельствуютъ о томъ каковъ былъ нашъ отдѣлъ на международной выставкѣ Мюнхена Та же Академія занята въ настоящее время подготовительной работой по устройству русской секціи на будущей грандіозной всемірной выставкѣ искусства въ Римѣ. Генеральный комиссаръ выбранъ удачно, но какъ можетъ онъ бороться съ Академіей? Будущій позоръ—несомнѣненъ И несмотря на все равнодушие нашего общества къ живописи и художникамъ неужели никто не заступится за бѣдное русское искусство, не выступитъ съ негодующимъ протестомъ противъ стряпни академическихъ профессоровъ? Вѣдь организація этой выставки идетъ черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ: выборъ экспонатовъ долженъ быть санкціонированъ оффиціальнымъ учрежденіемъ частный починъ немыслимъ. Но развѣ прямая задача всѣхъ, дорожащихъ репутаціей русскаго искусства, не заключается въ энергичной манифестаціи противъ дѣйствій Академіи? Группа передовыхъ, культурныхъ художниковъ должна защитить искусство отъ произвола и безцеремоннаго обращенія тѣхъ чужихъ, которые къ нему никакого отношенія не имѣютъ Эти ‚чужіе‘—Академія Художествъ...

Изъ осеннихъ выставокъ въ настоящее время открыты двѣ и, обѣ ужасающія: сбродъ мелкаго товара непріобрѣтаемаго больше торговцами Александровскаго рынка: ‚Осенняя выставка картинъ въ Пассажѣ‘ и другая также называемая осенней выставкой, устроенная въ залахъ Общества Поощренія Художествъ. Зато много заманчиваго ожидается въ наступающемъ сезонѣ Обѣщана выставка японскаго художественно-промышленнаго искусства которая находится теперь въ Англіи. Интересной можетъ быть также выставка ‚Рисунковъ и исторіи гравюры въ Россіи‘, организуемая при участіи такихъ знатоковъ, какъ Александръ Бенуа С С Боткинъ и О Г Бернштамъ Жаль только что въ составѣ комитета значатся имена В Е Маковскаго и П. А Брюллова.

МУЗЕИ

Въ Петербургскихъ музеяхъ мало перемѣнъ за тѣто въ смыслѣ обогащенія коллекцій, но во внутренней жизни есть кое-что новое. На мѣсто покойнаго А. И Сомова хранителемъ картинной галереи Эрмитажа назначенъ Э. К. фонъ-Липгардтъ, культурный знатокъ итальянскаго искусства Въ результатѣ уже приступлено къ инвентаризаціи заново всей картинной галлереи и къ новому болѣе осмысленному размѣщенію картинъ. Эти пока незначительныя перемѣны все же заслуживаютъ вниманія Выставлены для обозрѣнія публики много лѣтъ недоступныя картины: интересное ‚Св Семейство‘ Пасквилино Венето, вновь купленный холстъ рѣдкаго мастера ванъ Некка и нѣсколько другихъ незначительныхъ, но все же любопытныхъ произведеній Эти проблески жизни невольно наводятъ на мысль о той роли какую могутъ играть хранители музеевъ. У насъ въ Россіи, на эту должность смотрѣли до сихъ поръ только какъ на синекуру—на музей, какъ на богадѣльню для пріюта инвалидовъ-‚хранителей‘. По этимъ традиціямъ, со времени Николая I, въ Эрмитажѣ хранится кресло для подниманія на лѣстницу стариковъ консерваторовъ. Среди нихъ бывали люди болѣе чѣмъ скромнаго художественнаго образованія. Къ этому типу принадлежалъ и только что поки

нувшіи свои постъ хранитель музея Александра III академикъ К В Лемохъ Надо надѣяться, что замѣститель его—человѣкъ свѣжій П И. Нерадовскій, болѣе дѣятельно примется за приведеніе въ порядокъ и систематизацію сокровищъ нашего національнаго хранилища Давно пора перевѣсить картины размѣстить ихъ въ историческомъ порядкѣ дать возможность публикѣ хоть приблизительно представить себѣ исторію развитія русской школы живописи. Также давно пора убрать въ запасныя залы тѣ картины, которыя по ошибкѣ попали въ Музей и недостойны висѣть рядомъ съ произведеніемъ подлиннаго искусства Музей постоянно пополняется и хорошія картины должны замѣнять тѣ, которымъ здѣсь не мѣсто Не говоря уже о новомъ отдѣлѣ гдѣ почти все сплошь скверно — даже среди старыхъ картинъ много посредственнаго и явно-плохого Тѣмъ отраднѣе когда въ Музей пріобрѣтаются хорошія картины, какъ недавно купленные два холста Венеціанова и отличный портретъ XVIII вѣка Мужчина съ мальчикомъ весьма основательно приписываемый Л. С Миропольскому.

По поводу жизни искусства въ клѣткахъ интересно отмѣтить организуемый въ настоящее время музей при Александро Невской лаврѣ Столѣтіемъ накопленныя лаврскія художественныя богатства заслуживаютъ быть систематизированы и открыты для доступа публики. Комитетъ по устройству музея, повидимому энергично принялся за работу

Начинаетъ также устраивать свое хранилище и Музей Стараго Петербурга

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

За лѣто вышло нѣсколько новыхъ русскихъ книгъ по искусству. Великолѣпно издана и тщательно редактирована книга архитектора Аплаксина о реставрированномъ имъ Сампсоніевскомъ соборѣ Чувствуется любовь къ дѣлу вкусъ и благоговѣйное отношеніе ко всѣмъ мелочамъ того прекраснаго храма, который на рѣдкость удачно реставрированъ теперь. Жаль только, что разработана и сфотографирована преимущественно архитектурная сторона храма, въ то время какъ красивая живопись почти забыта

Мило издана общиной Св Евгеніи брошюра В. Я Курбатова, посвященная Павловску, съ иллюстраціями въ cartes postales этого прелестнаго дворца и его памятниковъ Это скромное но культурное изданіе интересно, какъ полная противоположность безсодержательной и плохой по тексту книгѣ изданной Министерствомъ Императорскаго Двора по случаю юбилея Петергофа Однако путеводители по красивымъ окрестностямъ Петербурга очень нужны намъ, и было бы весьма желательно выпустить цѣлую серію популярныхъ и дешевыхъ книгъ которыя были бы доступны широкимъ кругамъ публики.

За лѣтніе мѣсяцы вышло четыре новыхъ выпуска ,Современной скульптуры съ превосходными воспроизведеніями меццотинтогравюрой и съ текстомъ Сергѣя Маковскаго (изд. ,Міръ') и изданіе Hanfstengel'я— Les chefs-d'oeuvre de l'Ermitage Impérial' съ введеніемъ и пояснительнымъ текстомъ барона Н Врангеля. ,Старые годы за іюль-сентябрь выпущены объемистымъ томомъ и посвящены ряду очерковъ по русскому искусству XVII столѣтія. Въ № обращаетъ вниманіе особенно тщательная печать репродукцій которыя прежде далеко не всегда были хороши

Въ ближайшее время ожидается выходъ ряда изданій по искусству. ,Царское Село Александра Бенуа и ,Исторія русскаго искусства' издаваемая I Кнебелемъ подъ редакціей Игоря Грабаря

УРОДСТВА

За истекшее лѣто въ смыслѣ ,наружнаго и внутренняго' уродованія Петербурга сдѣлано очень многое Общество архитекторовъ худож

никовъ еще можетъ бороться съ разрушенiемъ красивыхъ зданiй, но оно безсильно воспретить городу шапронируемому Академiей, возводить уродливыя сооруженiя на незастроенныхъ мѣстахъ. Къ сожалѣнiю эти мѣста иногда находятся въ самой красивой части Петербурга, и новыя созданiя искусства уродуютъ городъ до неузнаваемости Воистину ужасны послѣднiе ‚памятники', водвигнутые скорѣе для позора, чѣмъ для прославленiя великихъ людей. Трудно придумать что-либо болѣе трагически-безпомощное чѣмъ Памятникъ павшимъ воинамъ передъ Николаевской Академiей Генеральнаго Штаба или то претенцiозное недоразумѣнiе, которое вылѣпилъ и поставилъ на Дворцовой набережной Беренштамъ, назвавъ это Петромъ Великимъ спасающимъ утопающихъ Въ pendant къ нему уже отливается ‚Саардамскiй плотникъ', который будетъ поставленъ по другую сторону моста Бѣдный Петръ Великiй, если бы онъ зналъ что такъ издѣваются надъ его ликомъ

Городская управа не довольствуясь этими ужасами, постановила еще отвести мѣсто для трехъ памятниковъ: Бортнянскому, Турчанинову и Львову Изувѣрство надъ этими историческими лицами будетъ надо полагать, опять поручено какому-нибудь Берpermanent Бернштаму. Впрочемъ и Илья Гинцбургъ заслуживаетъ вниманiя...

Въ смыслѣ ‚внутренняго уродованiя'—также кое что сдѣлано. Въ Русскiй Музей Императора Александра III доставлены ужасающiе декадентской бронзы отливки съ бюста Шубина ‚Кн Безбородко и со статуи Щедрина ‚Спящiй Эндимiонъ'... Безбородко Щедринъ и... Эндимiонъ навѣрное перевернулись въ могилахъ

ЮМОРИСТИКА

Въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ № 11312 такъ описывается ‚Осенняя выставка': ‚Интересное явленiе—новый въ Петербургѣ художникъ Поманскiй Посмотрите его экзотическiй мотивъ Пѣсня о счастьи' Пусть нагая женская фигура второго плана—слаба по рисунку, по живописи и неубѣдительна Пусть. Но какая могучая симфонiя разыгрывается на первомъ планѣ Какъ вяжутся въ вакхическомъ вихрѣ—желтые, золотистые зеленые и красные тона драпировокъ Повѣсить рядомъ что-нибудь малявинское,—краски Поманскаго не погаснутъ И бывшiй Аѳонскiй послушникъ не убьетъ поляка... ‚Особнякомъ какъ и всегда, стоитъ симпатичный Гороховъ со своими мягкими прозрачными красками У Команса—Рожденiе Венеры' Очаровательная композицiя, какъ украшенiе дорогой гостиной Головка Амура—прелестна Но въ пухленькой его фигурѣ что то не совсѣмъ ладное, въ смыслѣ рисунка Но это уже придирки спецiалистовъ'

Каждое слово—перлъ Вѣдь это говоритъ спецiалистъ Брешко-Брешковскiй.

Вышелъ № 6 й Золотого Руна съ репродукцiей въ краскахъ съ картины редактора-издателя Золотого Руна Н П Рябушинскаго

Н В

ПРОВИНЦIАЛЬНЫЯ ВЫСТАВКИ

Еще раннею весною многiе передовые художники Петербурга стали получать приглашенiя объ участiи на выставкахъ въ разныхъ провинцiальныхъ городахъ..

Такiя выставки организуемыя мѣстными предпринимателями и любителями искусства,—явленiе новое въ нашей художественно-экспозицiонной жизни Далеко ли то время когда одна передвижная' ѣздила по Россiи на перекладныхъ, подчуя бѣдныхъ провинцiаловъ изъ года въ годъ одними и тѣми же живописными ужасами?

Но уровень провинцiальнаго вкуса за послѣднее время повысился. Провинцiя рѣшила устраивать выставки по собственной инициативѣ своими силами по своему выбору

Въ порядкѣ хронологическомъ—первой художественной антрепризой' въ этомъ году была выставка организованная И Лазаревскимъ и А. Филипповымъ; она посѣтила Одессу, Кіевъ и Харьковъ еще въ Мартѣ—Апрѣлѣ и состояла изъ работъ участниковъ Союза', нѣсколькихъ работъ членовъ Московскаго и нѣсколькихъ—Южно русскаго товариществъ Выставка успѣхъ имѣла, но въ сущности (благодаря недостаточной отзывчивости художниковъ!) была составлена изъ малозначительныхъ и давнишнихъ' холстовъ, при чемъ совершенно отсутствовали произведенія такихъ яркихъ выразителей современности какъ Александръ Бенуа К Сомовъ Сѣровъ

Въ половинѣ Апрѣля нѣсколько лицъ изъ Тверского Общественно Педагогическаго Кружка устроили первую въ этомъ городѣ выставку работъ *не* передвижниковъ, заручившись участіемъ нѣсколькихъ петербуржцевъ и москвичей· Ноаковскаго, Петрова-Водкина, Митрохина Зарѣцкаго Дриттенпрейса, Лукомскаго и др

Выставкѣ, устроенной редакціями газетъ Саратовскій *Вѣстникъ и* ,Саратовецъ въ Маѣ не смотря на обширныя и убѣдительно составленныя приглашенія, не удалось привлечь даже группу мѣстныхъ уроженцевъ — плеяду московскихъ художниковъ Голубой Розы (если не считать по одному этюду Уткина и Павла Кузнецова) она состояла всего изъ нѣсколькихъ десятковъ случайныхъ работъ среди которыхъ оказался восхитительный Борисовъ Мусатовъ

Зато выставка уже второй разъ организуемая дѣятельнымъ (впрочемъ не блещущимъ изысканностью вкуса!) Екатеринодарскимъ любителемъ, меценатомъ и жертвователемъ музея г Коваленко,—отличалась количествомъ участниковъ, хотя больше изъ числа не подающей надеждъ академической' молодежи

Уже третій разъ собранная въ Петербургѣ г Бѣлозеровымъ ,Вологодская выставка (устраиваемая Сѣвернымъ Кружкомъ Любителей Изящныхъ Искусствъ) — была обширна интересно составлена, имѣла заслуженный успѣхъ Здѣсь участвовали и—Бакстъ, Александръ Бенуа Билибинъ, Гаушъ, Добужинскій Кардовскій, Лансере, Лукомскій, Остроумова-Лебедева и рядомъ—Богдановъ-Бѣльскій Вагнеръ, Лемохъ и т д

Выставка Современнаго Русскаго Искусства въ Казани устроенная мѣстною Художественною Школою явилась (одновременно съ ,областной , разросшейся въ ,международную) въ этомъ городѣ и во всемъ краѣ событіемъ Вмѣстѣ съ выставками работъ учащихся въ школахъ Строгановской Штиглица, Екатеринбургской эта выставка состоявшая изъ 1000 номеровъ представляла всѣ направленія, начиная съ такъ назыв. русскаго ,реализма' и кончая самымъ крайнимъ новаторствомъ и занимала все ,роскошное зданіе казанской ,академіи .

Группы были распредѣлены по отдѣльнымъ заламъ Въ актовомъ—передвижники Рядомъ Полѣновъ. Въ томъ же этажѣ—,Весенняя Академическая'. Третій этажъ—,Новое Общество Художниковъ Союзъ *и* Салонъ *поскольку* послѣдній далъ новыхъ художниковъ, выдѣленныхъ здѣсь въ группу Новѣйшаго' (?) направленія (странное получилось сочетаніе—акад В А Покровскій, Г Лукомскій и рядомъ москвичъ Харламовъ!). Первый этажъ занимали мѣстные художники· выдѣлялся Фешинъ

Устроители задались цѣлью собрать матеріалъ непремѣнно всѣхъ (?) направленій и познакомить публику съ современнымъ состояніемъ всего (!) русскаго искусства...

Надо-ли говорить, что организаторы справились съ задачей успѣшно· досаднымъ представляется намъ только отсутствіе на выставкѣ большинства наиболѣе выдающихся русскихъ художниковъ — Сѣрова Бенуа Бакста, Рериха Сомова Врубеля, Головина, Добужинскаго

Идея прошлогодней выставки Салонъ' (въ Петербургѣ) вызвала множество подражаній въ провинціи Понравилось самое названіе должно

быть, --не потому-ли что оно въ достаточной мѣрѣ ,парижское'? Цѣлый рядъ ,Салоновъ' (безпристрастныхъ' обзоровъ всѣхъ' школъ живописи) ожидается въ нашей встрепенувшейся провинціи. Богъ въ помочь!.. Кстати—15 Октября открылся ,Салонъ въ Одессѣ, но о немъ въ слѣдующій разъ

Г Л

НОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ВЪ С ПЕТЕРБУРГѢ

Въ строительной жизни Петербурга за это лѣто единственное событіе ,подъ знакомъ плюсъ —двѣ новыя постройки архитектора Ф И Лидваля Дарованіе Лидваля, несомнѣнно, останавливающее

Его первый доходный домъ (Каменноостровскій пр., 1), въ общемъ гармонирующій съ петербургскимъ ,архитектурнымъ пейзажемъ своею корректною строгостью, въ то же время—грѣшитъ нестройностью неуравновѣшенностью въ сочетаніи гладкой' стѣны съ отверстіями и съ ихъ обдѣлкой Впрочемъ эта кажущаяся безпокойность' можетъ быть оправдана необходимостью экономическаго использованія плана доходнаго' дома и преднамѣреннымъ стремленіемъ зодчаго къ созданію прежде всего дома состоящаго изъ интимныхъ уютныхъ помѣщеній-особняковъ а не изъ ряда квартиръ' обыденнаго типа

Отсюда извѣстная ,легкость въ обработкѣ и ансамблѣ всего зданія которая, конечно, сочеталась бы много лучше, чѣмъ съ городомъ Петра съ новыми кварталами Берлина (Scharlottenburg) Брюсселя или Антверпена гдѣ по климатическимъ условіямъ постройки вообще—менѣе массивны, болѣе открыты, расчленены на части ,эркерами и длинными увитыми зеленью балконами

Но Ф И. Лидваль умѣетъ и подчеркнуть въ своихъ постройкахъ слитное съ петербургскимъ основнымъ архитектурнымъ лейтмотивомъ умѣетъ и дать большую ,строгость' въ разбивкѣ фасада въ тѣхъ случаяхъ гдѣ этого требуетъ установившійся складъ улицы Съ одной стороны—серьезность столичнаго городского' типа дома на Моховой· съ другой—нѣкоторая ,игривость' полузагородныхъ домовъ на Каменноостровскомъ проспектѣ.

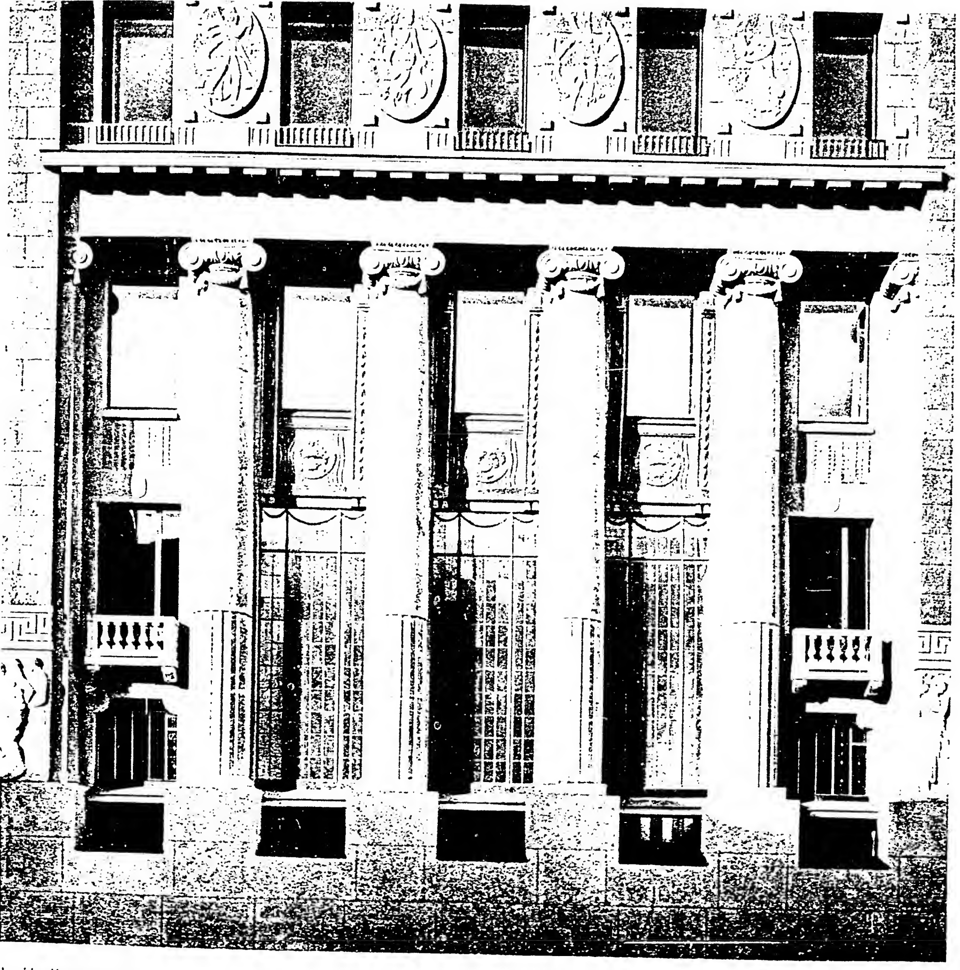
Новый домъ Азовско-Донского Банка, на Морской улицѣ, является первымъ строго и долго продуманнымъ зданіемъ Ф И Лидваля

Скомпанованный въ стилѣ нашего Ампира этотъ домъ однако, благодаря своему матеріалу, по самой обработкѣ каменной поверхности, болѣе жесткій въ линіяхъ болѣе ,чужестранный' въ формахъ. Стиль его приближается скорѣе къ постройкамъ нѣмецкаго Empire'a' (театры въ Лейпцигѣ, Данцигѣ), а по структурѣ выполненія — къ шведско-финляндскому ,новому' типу построекъ (банки Стокгольма, Гельсингфорса)

Это новое' для Петербурга слово въ техникѣ обработки фасадовъ можетъ быть признано своевременнымъ и удачнымъ. Со времени ампира, благодаря желѣзнодорожнымъ путямъ, значительно сократилось разстояніе отъ Петербурга къ мѣстамъ залежей первозданныхъ породъ и это даетъ основаніе къ употребленію новаго каменнаго матеріала для облицовки столичныхъ сооруженій.

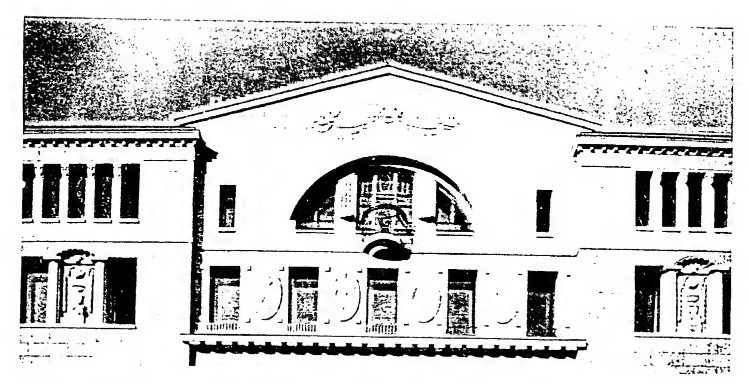
Правда, въ этой шероховатой обработкѣ исчезаетъ специфически-характерная для историческихъ зданій Петербурга сочность деталей, нѣжная мягкость всѣхъ линій профилей, угловъ закругленій, и уничтожается то богатое чередованіе спокойной гладкой поверхности стѣны съ вкрапленными лишь кое-гдѣ, какъ ювелирное украшеніе орнаментомъ или ,mascaron'омъ которое дѣлаетъ такимъ труднымъ даже простое, казалось бы, копированіе этихъ формъ

Но зато нѣкоторая суховатость линій, какъ и вся обрубленность' (напоминающая стиль ,Biedermeier' возведенный въ гротескъ) съ короткими карнизами, полосками даже съ цѣлыми части



Ф. И. Лидваль.

Домъ Азовско-Донского Банка (Спб.).



Ф. И. Лидваль. Домъ Азовско-Донского Банка (Спб.)

Ф. И. Лидваль. Домъ 2-го Спб. Кредитнаго О-ва (Спб.).

ми (овальные медальоны удлиненные восьмиугольники гирлянды и вѣнки) полными хруп кой красивости—въ мягкомъ грушевомъ или березовомъ деревѣ комодовъ и этажерокъ — здѣсь въ сѣромъ холоднаго тона камнѣ со здаетъ монументальность содѣйствуетъ цѣль ности, которая разбивалась бы глубокою тѣнью карниза или выдвинутою ,ампирною колонна дою, затемняющей помѣщеніе банковаго зала Нѣтъ въ зданіи барскости' нашихъ ампир ныхъ построекъ но и цѣль банка — дать выраженіе дворца буржуазнаго склада — ее исключаетъ

Выдѣляется изъ боковыхъ крыльевъ централь ное богато скомпанованное ,пятно' оконъ обрамленныхъ полуколоннами вырастающми почти изъ цокольнаго этажа какъ это часто и бывало въ постройкахъ нашего провинціаль наго ,ампира'

Вѣнчающій барельефъ изъ лебедей кажется нѣсколько мелкимъ плоскимъ, а фигуры, ра боты скульптора Кузнецова, въ медальонахъ и поясахъ у входныхъ дверей грѣшатъ своею на рочитою преувеличенною архаичностью

Домъ 2-го Петербургскаго Общества Взаим наго Кредита на Садовой улицѣ—проще въ общей композиціи и своимъ дѣленіемъ на три части напоминаетъ домъ на Морской Заканчивающее полуциркульное окно во фрон тонѣ (пріемъ столь свойственный нашему ,де ревянному ампиру')—здѣсь опущено на высоту верхняго этажа и этимъ достигнута новизна цѣлаго пятна

Здѣсь детали барельефы (работы Козельскаго) и всѣ линіи—сочнѣе мягче; какъ-то болѣе за тушеваны, незамѣтнѣе переходы. Очень инте ресна, какъ и въ домѣ банка на Морской обработка деталей цоколя.

Въ выполненіи всѣхъ частей замѣтна рука строителя любящая художественную осуще ствляемость зодчества на дѣлѣ въ камнѣ въ металлѣ—не только на бумагѣ

Ф И. Лидваль, въ этомъ смыслѣ истинный architecton — ,старшій мастеръ'. Но къ сожалѣнію онъ — недостаточно тонкій художникъ и потому его постройкамъ недостаетъ благо родной завершенности общаго впечатлѣнія.

Въ общемъ же, дома Лидваля приближаются къ типу тѣхъ зданій, которымъ вѣроятно сужде но разрѣшить трудный вопросъ о согласованіи ,новаго строительства съ сложившимися осно вами и традиціями историческаго зодчества въ Петербургѣ

Юріи Рохъ

ПИСЬМО ИЗЪ МЮНХЕНА

Окруженный валами и глубокими рвами, спитъ будто-бы художественный Мюнхенъ. Глаза сторонняго зрителя или случайнаго туриста встрѣтятъ ту же желѣзно-стеклянную крѣпость Glaspalast a, то же безокое зданіе Secession a, тотъ же удушающій мрачной роскошью Künstlerhaus. И, будто бы тѣ же тысячи картинъ висятъ и въ Glaspalastѣ и въ Secessionѣ на всѣ времена, и такъ же хронически пустъ Künstlerhaus

Вернувшись годъ назадъ въ Мюнхенъ и я тоже нашелъ все на своихъ мѣстахъ И мнѣ показалось вотъ настоящее а не сказочное Сонное Царство, гдѣ спятъ картины на стѣнахъ служителя—въ углахъ залъ, публика—съ каталогами въ рукахъ, художникъ--съ той же широкой мюнхенской кистью, критикъ—съ пе ромъ въ зубахъ а покупатель такъ тотъ не доходитъ больше до секретаріата куда раньше носилъ безъ устали деньги, не доходитъ, потому что и его, какъ въ сказкѣ захватилъ сонъ на пути и припаялъ къ мѣсту.

Но кое кто изъ старыхъ пріятелей говорилъ мнѣ: ,чего-то ждутъ', ,что нибудь да должно произойти' кто поумнѣе--и самъ понялъ что такъ дальше нельзя' и т. д Я узналъ, что были сдѣланы двѣ горячія атаки были брошены двѣ дерзкія бомбы... но что атаки такъ же горячо и дружно отбиты, а бомбы хотя и разорвались съ яркимъ трескомъ да будто бы никому вре да не причинили

Эти два случая:
во 1 хъ, выставка (почти 3 года назадъ) новыхъ французовъ въ Kunstverein'ѣ который все пытаются обновить да никакъ не обновятъ Sezanne, Gaugin, van Gogh, Manguin, Matisse и т д, по большей части изъ коллекціи Шуффе некера Устроителемъ выставки былъ живущій въ Парижѣ нѣмецъ Meyer.
И во 2-хъ, выставка большой коллекціи van Gogh'овъ (около 100 вещей) тому назадъ года полтора въ ,Moderne Galerie' Brake a, самаго пере дового торговца картинами въ Мюнхенѣ. (Brake между прочимъ ,вывелъ въ люди' членовъ Общества Scholle'· Münzer a, Eichler a, Georgi Puttner'a и прежде всего — Fritz'a Erler'a, сей часъ энергично фетируемаго въ Мюнхенѣ; всѣ эти художники, какъ извѣстно являются глав ными сотрудниками ,Jugend').
Обѣ эти попытки кончились видимой не удачей.
Изъ всеи коллекціи v Gogh a была продана кажется, всего одна вещь, да и ту купилъ на послѣднія денежки живущій въ Мюнхенѣ рус скій художникъ
Всѣ же упомянутые французы не были признаны серьезными художниками и ,лучшіе Мюнхенскіе мастера' столпы художественнаго міра проте стовали и устно, и даже письменно (!) противъ подобныхъ покушеній на серьезное искус ство и вкусъ публики
И вотъ, несмотря на это минувшей весной Secession помѣстилъ въ каталогѣ среди именъ ,начинающей молодежи (т е. почти исключи тельно—благонравныхъ учениковъ нашихъ корифеевъ весенній Сецессіонъ—пробный камень или первый балъ этой молодежи) и имя Сезанна
Въ послѣдней залѣ ему была отведена стѣна на которой и были повѣшены восемь его вещей (большой пейзажъ natures mortes, полные внутренней звучности голова – большой строгой живописи) Но очевидно,—убоялись за цѣлость этой стѣны: пять лучшихъ картинъ (преимущественно портреты) были повѣшены въ секретаріатѣ, куда впрочемъ, любезно допускались всѣ желающіе, конечно случайно узнавшие о новомъ способѣ выставлять плохо нарисованныя' вещи. Подъ сурдинку говорилось, что этотъ невольный Сецессіонъ въ вольномъ Сецессіонѣ явился плодомъ бурныхъ обсужденій Но все-таки съ Сезанномъ было поступлено благородно (мало-ли куда еще его можно было усецессіонить!) и онъ все же висѣлъ—и былъ повѣшенъ тѣми же руками. которыя подписывали вышеупомянутый протестъ
Значитъ дѣйствительно было понято что такъ дальше нельзя. Берлинскій Сецессіонъ, когда-то ушедшій изъ того же Мюнхенскаго Сецессіона разойдясь во мнѣніяхъ и съ тѣхъ поръ постоянно безпокоящій Мюнхенцевъ въ ихъ благополучіи, уже нѣсколько лѣтъ выставляетъ въ умѣренномъ количествѣ этихъ самыхъ новыхъ ,французовъ Cassirer же далъ года два назадъ большую выставку крупныхъ и ,крайнихъ' изъ нихъ. Все это, быть можетъ, только временное заблужденіе въ искусствѣ но двери передъ нимъ запирать нельзя—таково мнѣніе Берлина. Поневолѣ приходится не отставать и Мюнхену которому нѣтъ нѣтъ да и приснится опять тотъ же страшный кошмаръ. ,паденіе Мюнхена, какъ художественнаго центра И кошмаромъ этимъ обязанъ Мюнхенъ тому же Берлину.

Пророчество, что что то должно произойти', оказалось тоже не ложнымъ. Произошло совершенно выдающееся обстоятельство въ баварской художественной жизни на мѣсто умершаго Директора баварскихъ галерей былъ приглашенъ правительствомъ v Tschudi оставившій подобное же мѣсто въ Берлинѣ по независящимъ обстоятельствамъ' Чуди приглашеніе принялъ и этимъ лѣтомъ пріѣхалъ сюда, чтобы немедленно взяться со своей спокойной желѣзной энергіей за казавшееся безнадежнымъ дѣло нашихъ музеевъ Старая Пинакотека очистилась, какъ по волшебству отъ ряда слабыхъ вещей а важныя и крупныя ока

зались висящими такъ что вся ихъ цѣнность и глубина бросается въ глаза при первомъ взглядѣ. Что-то станется съ Новой Пинакотекой?

Тотъ же тайный совѣтникъ Чуди немедленно показалъ большой интересъ къ только что выросшему изъ взаимныхъ усилiи кружка русскихъ и нѣмецкихъ художниковъ Новому Художественному Обществу Мюнхена. Благодаря активности этого интереса, Neue Künstler Vereinigung-München нашла серьезную поддержку съ разныхъ сторонъ и выступаетъ здѣсь въ концѣ ноября въ галлереѣ Бракля, откуда отправится на большое турнэ по Германiи (объ этомъ Обществѣ—какъ нибудь впослѣдствiи)

Одновременно началась организацiя на почвѣ большого замысла, заимствованнаго у парижскихъ ‚Independants', но, къ сожалѣнiю переведеннаго не на свободный нѣмецкiй языкъ, а на филистерскiй. Это—‚Deutscher Künstler-Verband намѣренный устраивать выставки безъ жюри. Къ стыду Мюнхенскихъ художниковъ которые приняли участiе въ учредительныхъ собранiяхъ прошли и внесены въ уставъ статьи не дающiя права стать членами ни иностранцамъ ни женщинамъ (Интересная подробность допускаются въ члены иностранцы, роднымъ языкомъ которыхъ является нѣмецкiй напр. австрiйцы, швейцарцы,—но не австрiйцы славяне и не швейцарцы-французы и т д.!). Пока это Общество находится еще въ перiодѣ внутренней организацiи и внутренней борьбы. Надо надѣяться, что оно отброситъ мелочность и добьется своей цѣли какъ кажется уже случилось опять таки въ Берлинѣ гдѣ первая выставка подобнаго же общества, повидимому твердо намѣчена. Подобные же замыслы возникаютъ и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ.

Черезъ рвы перекидываются мосты; здѣсь и тамъ валы равняются съ землею. Стѣны колеблются

Найдется-ли подземная сила, которая навѣрное, теперь готовится къ нападенiю на врага изъ за угла которой удастся изгнанiе новшествъ —и временное укрѣпленiе старыхъ стѣнъ такъ чтобы по совѣсти можно было сказать· ‚все благополучно'?

Или въ самомъ дѣлѣ скоро почувствуемъ вольный воздухъ? Ясный доступъ въ Kunst stadt München'?

Кромѣ международной выставки въ Glaspalastѣ соединенной въ этомъ году съ Secession'омъ (эта отъ времени до времени случающаяся встрѣча подъ одной кровлей стараго и новаго искусства—результатъ компромисса послѣдняго съ правительствомъ), гдѣ многiе смѣются и немногiе восхищаются большимъ холстомъ Hodler'a—чуть не единственнымъ дѣйствительно серьезнымъ и крупнымъ произведедениемъ этой, по обыкновенiю чрезмѣрно обильной числомъ картинъ выставки,—кромѣ этой выставки въ помѣщенiи такъ называемой Ausstellung München 1908' закрывается нынче спецiальная выставка восточно-азiатскаго преимущественно Японскаго искусства—‚Japan und Ostasien in der Kunst Покровитель ея Баварскiй Принцъ Рупрехтъ предоставилъ въ ея распоряженiе лично имъ собранныя на Востокѣ многiя удивительныя по тонкости и глубинѣ ксилографiи, живопись и т. п Берлинскiе, Кѣльнскiй музеи и очень многiя частныя лица приняли участiе своими коллекцiями, занявшими до двадцати комнатъ: огромное количество ксилографiй, начиная отъ примитивовъ, полихромированныхъ рукою контурныхъ гравюръ, собранiе крупной и мелкой скульптуры, живопись (Китай съ XII в.) книги, художественная промышленность Цѣлая комната отведена ксилографiи пейзажа, здѣсь рядомъ съ чисто-восточнымъ даромъ соединять мельчайшiя детали въ одинъ общiй аккордъ находятся пейзажи необыкновенной широты и отвлеченности въ трактованiи формы и красокъ, до корня подчиненныхъ своеобразному, полному чисто художестваннаго темперамента ритму Какъ опять и опять дѣлается многое, многое яснымъ въ западномъ искусствѣ когда видишь эти безконечныя по разнообразiю но подчиненныя и соединенныя въ корнѣ общимъ

основнымъ звукомъ' произведенія Востока! Нѣтъ на Западѣ этой общей ,внутренней ноты' Да вѣдь и не могло бы быть по тому что мы ушли, по скрытой отъ насъ причинѣ, отъ внутренняго къ внѣшнему; но быть можетъ вовсе уже не такъ долго ждать, и въ насъ проснется этотъ странно-смолкшій внутренній звукъ, который, звуча по западному въ самой глубинѣ, невольно проявитъ родственный Востоку элементъ, какъ въ самомъ корнѣ всѣхъ народовъ, въ самои сейчасъ неясной глубинѣ глубинъ его души пусть намъ нынче неслышно но все же звучитъ одинъ общій звукъ—звукъ души человѣка

В Кандинскій

Мюнхенъ 3 Октября 1909

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Anatole France Les sept femmes de la Barbe-Bleue et autres contes merveilleux Ed Calmann-Levy

Andre Gide. La Porte etroite Roman Ed Mercure de France

Старѣющій Анатоль Франсъ мало отличается отъ молодого Франса Сквозь его лицо, некрасивое и непропорціональное въ юные годы, проступаютъ все больше благородныя и грустныя черты лица Донъ Кихота—сѣдѣющаго латинскаго рыцаря Тѣ, кому дана мудрость ума, и въ юности мыслятъ старчески спокойно и въ старости сохраняютъ юношескую гибкость мысли Если любовь къ отвлеченіямъ заслоняетъ въ молодые годы для такихъ умовъ часть жизни то, будучи изведана до конца она становится любовью къ милымъ ея подробностямъ Поэтому въ старости они покидаютъ иногда свои башни слоновой кости чтобы принять участіе и въ земномъ устроительствѣ. Поэтому черты Донъ-Кихота подобаютъ имъ Но дѣйствіе точно такъ же какъ и то что соотвѣтствуетъ ему въ области литературной—выдумка, не свойственно имъ. Франсъ всегда признавался что страдаетъ отсутствіемъ выдумки Сила ихъ творчества основана на пониманіи. Имена и эпитеты для нихъ важнѣе глаголовъ

Что дѣлать съ громоздкими и сырыми фактами новыхъ ситуацій имъ, живущимъ утонченіями пережитого? Новой и рѣдкой комбинаціи событій они всегда предпочтутъ какъ исходную тему какое нибудь классическое положеніе, много разъ уже разработанное разсказчиками, простое и общеизвѣстное, какъ евангельская притча Они прекрасно сознаютъ что тѣ эпохи искусства когда господствуютъ свобода выдумки и произволъ въ выборѣ темъ являются эпохами творческими и варварскими между тѣмъ какъ утонченіе и углубленіе возможны лишь тамъ гдѣ основа дана заранѣе, тамъ, гдѣ не нужно, прежде чѣмъ приступать къ работѣ изобрѣтать самый матеріалъ и инструменты для обработки его Событія и дѣйствія во всѣхъ романахъ Франса начиная съ Сильвестра Боннара и кончая господиномъ Бержере крайне несложны; но даже эта упрощенность, видимо, утомляетъ его несвойственнымъ ему напряженіемъ фантазіи Поэтому онъ любитъ писать свои разсказы на поляхъ старыхъ книгъ — четкое опредѣленіе принадлежащее Жюлю Лемэтру, непохожему близнецу А Франса во французской литературѣ. Такъ Лемэтръ назвалъ нѣсколько книгъ своихъ разсказовъ, написанныхъ на поляхъ Библіи, Гомера и Четьи Миней (,Aux marges des vieux livres' изъ нихъ въ Россіи извѣстны лишь тѣ что написаны на поляхъ Евангелія и притомъ въ невѣрныхъ претвореніяхъ А Амфитеатрова) Въ этихъ книгахъ капризному и дерзкому уму критика-субъективиста столь схожему съ умомъ французской школьницы Клодины нравилось рисовать вольныя каррикатуры на поляхъ серьезнаго текста священныхъ книгъ Въ эти непочтительныя каррикатуры вложена масса вкуса, культуры ума и такта А Франсъ не склоненъ

къ этому типу легкомыслія; но взявъ любую книгу его разсказовъ мы увидимъ, что Источникъ Св Клары' написанъ на поляхъ Fioretti' Св Франциска, и что подъ разсказами ‚Clio', Balthazar L Etui de Nacre сквозятъ стихи Иліады, тексты Евангелія, повѣствованія Ласъ Казаса и страницы средневѣковыхъ хроникъ. У Ан Франса всегда были склонности историка. Онъ не любитъ сочинять. Онъ любитъ пересказывать и дополнять

Такова послѣдняя его книга Les sept femmes de la Barbe-Bleue', написанная на поляхъ сказокъ Перро Какъ моралистъ и историкъ А Франсъ интересуется тѣми метаморфозами которымъ слухи подвергаютъ первоначальное событіе. Какъ тѣ еретики первыхъ вѣковъ, которыхъ увлекала мысль о реабилитаціи Каина, Люцифера Іуды и другихъ отрицательныхъ персонажей Ветхаго и Новаго Завѣта, такъ и Анатоль Франсъ ищетъ оправдательныхъ документовъ для различныхъ историческихъ лицъ, оклеветанныхъ литературой Съ той же ироніей опирающейся на знаніи механизма Молвы, съ какой онъ въ разсказѣ Putois' низвелъ возникновеніе миѳа до простой провинціальной сплетни онъ доказываетъ, что король Макбетъ былъ на самомъ дѣлѣ мудрымъ и справедливымъ правителемъ который никогда не убивалъ короля Дункана а что Синяя Борода былъ добрымъ и честнымъ дворяниномъ XVII вѣка, семь разъ неудачно женатымъ очень пострадавшимъ отъ неуживчиваго и сварливаго характера своихъ женъ и наконецъ, предательски убитымъ братьями и любовникомъ своей жены. Другіе разсказы написанные на поляхъ Перро повѣствуютъ о судьбѣ одного министра при дворѣ родителей Спящей Царевны заснувшаго вмѣстѣ съ нею но, тѣмъ не менѣе отрицавшаго существованіе фей, и даютъ новый варіантъ о рубашкѣ счастливаго человѣка приноровленный къ нравамъ нашего времени

Но А Франсъ еще обаятельнѣе когда онъ разсказываетъ не о современности, а о средневѣковьѣ Ему нравится замыкаться въ этотъ міръ, такой тѣсный такой уютный, со своимъ адомъ чистилищемъ землей и двѣнадцатью небесами сравнительно съ этимъ безмѣрно широкимъ міромъ, раскрывшимся для современной мысли, которая всю звѣздную вселенную съ милліардами ея солнцъ можетъ себѣ представить въ видѣ одной капли крови какого-нибудь крошечнаго насѣкомаго, возникшаго въ непознаваемомъ намъ мірѣ какъ это дѣлаетъ А Франсъ на первыхъ страницахъ Сада Эпикура Подробности, сообщаемыя имъ о чудѣ Великаго Святого Николая плѣняютъ больше всего въ послѣдней его книгѣ Св Николай совершилъ чудо не упомянутое въ житіяхъ святыхъ, но запечатлѣнное въ народной пѣснѣ: онъ воскресилъ трехъ мальчиковъ, которыхъ злой трактирщикъ разрѣзалъ на куски и посолилъ какъ свинину въ бочкѣ Воскрешенные мальчишки оказались проклятіемъ жизни Св Николая Послѣ буйнаго дѣтства одинъ сталъ воиномъ-грабителемъ, безчинствовалъ въ томъ городѣ гдѣ епископствовалъ Св. Николай и лишилъ невинности его племянницу, Миранду другой сталъ ростовщикомъ и описалъ все церковное имущество; третій прошелъ черезъ всѣ ереси и произвелъ такія смуты въ странѣ что Св. Николай былъ лишенъ епископства и изгнанъ Онъ удалился въ пустыню и тамъ встрѣтилъ того самаго злого трактирщика который когда-то посолилъ трехъ мальчишекъ, но послѣ ихъ воскрешенія раскаялся, ушелъ въ пустыню, спасался и жилъ тамъ радостный и счастливый. Они поселились рядомъ и стали спасаться вмѣстѣ удивляясь неисповѣдимости путей Божьихъ, столь различными дорогами ведущихъ души человѣческія къ спасенію

Это же самое удивленіе остается отъ послѣдняго романа Андрэ Жида ‚La porte étroite' Какимъ человѣчнымъ уютнымъ и безопаснымъ кажется это средневѣковье А Франса съ его адомъ, кострами ересями и насиліями если

сравнить его съ протестантской строгостью морали въ той современной весьма банальной семьѣ, описанной Жидомъ, гдѣ отроки и дѣвушки, читающіе Бодлэра Суинберна Ѳому Кемпійскаго и Паскаля, тоже стремятся къ спасенію души, съ холодной и жестокой страстностью истребляя въ своихъ сердцахъ наивные и чистые ростки дѣтской любви. Они сами создаютъ непреодолимыя препятствія для своего счастья, и души ихъ увядаютъ въ трагическомъ безплодіи. Весь романъ Жида выдержанъ въ прямыхъ, очень сухихъ и скучноватыхъ линіяхъ, подобающихъ его темѣ, и лишній разъ утверждаетъ старую истину что изъ всѣхъ видовъ эгоизма наиболѣе сухой и безплодный тотъ, который стремится къ самоусовершенствованію и спасенію души

И книга А Франса и романъ А Жида, представляя интересное литературное явленіе послѣднихъ мѣсяцевъ на нашъ взглядъ не стоятъ въ ряду ни самыхъ лучшихъ, ни самыхъ характерныхъ книгъ этихъ авторовъ, и въ смыслѣ художественной значительности драматическая сцена А Жида ,Bethzabe появившаяся въ январско мартовскомъ выпускѣ Vers et prose', представляетъ большій интересъ

Максимиліанъ Волошинъ

ПИСЬМА О РУССКОЙ ПОЭЗІИ

Сергѣй Городецкій. Русь Пѣсни и думы Москва 1909 г Изд Сытина Цѣна 15 к

Валеріанъ Бородаевскій Стихотворенія СПБ 1909 г Изд Оры Цѣна 85 к

Борисъ Садовской Позднее Утро Стихотворенія Москва 1909 г Цѣна 1 р

Иванъ Рукавишниковъ Стихотворенія Книга шестая СПБ Цѣна 1 р 50 к

Въ прохладное весеннее утро хорошо итти одному по тропинкѣ не ожидая никакихъ встрѣчъ Солнце на травѣ на одеждѣ, слегка влажная земля мягко ложится подъ ноги—и тогда невольно начинаешь пѣть приплясывая и притопывая поводя плечами и помахивая тростью Пѣть, разумѣется, безъ словъ, слова не вспоминаются въ такое удивительное утро Это не торжественный гимнъ созрѣвающей для творчества мысли, какъ бывало у Шиллера, это непосредственное упоеніе бытіемъ, и только бытіемъ — ржанье купающихся коней стремительный взлетъ жаворонка и неистовые прыжки разыгравшейся собаки Такой пѣсней захлебываешьсяи отъ нея больше ничего не надо

Но Сергѣй Городецкій возымѣлъ странную мысль подобрать къ ней слова и изъ получившихся строкъ составилъ книгу, назвавъ ее ,Русью пятой книгой своихъ стиховъ Я прочелъ ее съ чувствомъ сладкой меланхоліи и еще большей неловкости потому что спѣша подбирать слова къ все нарастающей и нарастающей мелодіи, авторъ не успѣлъ ни взвѣсить ихъ ни расцѣнить ни даже выбрать подходящія. Ни о стильности ни объ интересности построеній или технической утонченности тутъ не можетъ быть и рѣчи. Городецкій забылъ все что онъ когда либо зналъ или долженъ былъ знать какъ поэтъ. Книга названа Русью, но Россіи здѣсь нѣтъ,—есть только легкія ноги, фуражки на бекрень и улыбающіяся красныя губы. Имѣетъ ли это какое нибудь отношеніе къ литературѣ я не знаю но къ поэзіи мнѣ кажется, имѣетъ

Книга стиховъ Валеріана Бородаевскаго совсѣмъ въ иномъ родѣ Въ ней чувствуется знаніе многихъ метрическихъ тайнъ аллитерацій, ассонансовъ риѳмы въ ней то нѣжны и прозрачны, какъ далекое эхо, то звонки и увѣренны, какъ сталкивающіеся серебряные щиты Но глубокая неудовлетворенность міромъ и жгучая жажда иного не позволяютъ поэту сосредоточиться на своихъ образахъ они бываютъ не всегда продуманы обладаютъ досадно-случайными чертами И такъ часто въ самыхъ высокихъ и красивыхъ нотахъ его пѣнія слышна дрожь приближающейся истерики

Правда, онъ мало поетъ, онъ предпочитаетъ говорить о своихъ видѣніяхъ простымъ и страшнымъ языкомъ То онъ видитъ Бога, прикурнувшаго у хижины и заглядѣвшагося въ безплодную степь, то какъ въ шахтахъ ‚дрожатъ сѣдловатыя шеи вислыя губы темничныхъ коней'. Иногда онъ бываетъ торжественнымъ тогда съ его губъ срываются слова, убѣдительныя въ своей неожиданности

‚Печать Антихриста! Іуда! Страшный Судъ!
Все та-же ты,—икона Византіи.
Но ярче твой огонь!—Сердца куютъ и жгутъ
О мудрецы!.. Рабы глухонѣмые!

Недаромъ Вячеславъ Ивановъ называетъ его въ своемъ предисловіи ‚византійцемъ духа', христіанство для него—право запрещать и проклинать, для него Страстная Недѣля еще не закончилась Воскресеньемъ

И наиболѣе привычные ему цвѣта—черный и красный какъ у того, кто смотритъ вокругъ сквозь плотно сомкнутыя вѣки

Но можетъ быть именно эта затаенная жестокость и дѣлаетъ его творчество глубоко индивидуальнымъ, несмотря на замѣтное вліяніе Тютчева, Фета и В Иванова

Борисъ Садовскои писатель по преимуществу Въ его книгѣ ‚Позднее утро собраны стихи за послѣднія пять лѣтъ но въ нихъ не чувствуется никакой разницы, ни оскудѣнія ни развитія.

Онъ сразу усвоилъ себѣ опредѣленную манеру письма, вполнѣ грамотную непретенціозную и кажется, не собирается отступать отъ нея ни на іоту.

Пусть Брюсовъ, какъ охотникъ, подстерегаетъ тайны въ ночныхъ лабиринтахъ страсти и мысли, Ивановъ возноситъ свѣтлое знамя Христа Діониса, Блокъ то безумно тоскуетъ о Прекрасной Дамѣ то безумно хохочетъ надъ нею—Садовскои смотритъ на нихъ подозрительно. ‚Въ туманной мглѣ мороза полозьевъ скрипы, лай собакъ кряхтенье водовоза'– эти темы не измѣнятъ никогда, съ ними можно прожить всю жизнь

Я думаю ни у кого не повернется языкъ упрекнуть поэта за такую скромность. Если онъ можетъ немногое, то, по крайней мѣрѣ ясно сознаетъ свои силы Нѣсколько строфъ, навѣянныхъ Брюсовымъ и Бѣлымъ, только подтверждаютъ мою мысль такъ неувѣренно звучатъ они, такъ безхитростно переняты въ нихъ особенности обоихъ образцовъ

Въ роли конквистадоровъ, завоевателей, наполняющихъ сокровищницу поэзіи золотыми слитками и алмазными діадемами Борисъ Садовской, конечно, не годится но изъ него вышелъ недурной колонистъ въ уже покоренныхъ и расчищенныхъ областяхъ

Если Городецкій поетъ Бородаевскій говоритъ, а Садовской пишетъ то Иванъ Рукавишниковъ дерзаетъ Безусловно талантливый, работающій, думающій, онъ совершенно лишенъ чутья поэтовъ – вкуса. Иногда это даже помогаетъ ему какъ лунатикъ, бредетъ онъ по узкому карнизу и дѣйствительно находитъ благоухающія лужайки серебряныя поляны зачарованныхъ странъ Но чаще—о, какъ это бываетъ часто!—онъ жалко срывается, и не въ бездну, а только въ грязь, и стихи его испещрены кляксами безобразныхъ прозаизмовъ.

Въ его книгѣ есть стихотворенія въ формѣ чаши, меча креста и треугольника подражаніе поэтамъ александрійцамъ. Въ ней много новыхъ размѣровъ новыхъ строфъ Характернымъ для Рукавишникова является частое повтореніе какого нибудь слова или выраженія придающее его образамъ характеръ неотступности

И у него часто встрѣчаются темы оккультизма, трактованныя не глубоко, но своеобразно.

Книга его представляетъ матеріалъ для поэтовъ и богатый матеріалъ, но автора ея поэтомъ назвать страшно

Н Гумилевъ

ЗАМѢТКИ О РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКѢ

Они довольно печальны—беллетристическіе итоги отзвучавшаго лѣта.

Въ пухломъ августѣ Современнаго Міра' закончились ,Грани'—длинная и скучная повѣсть С Гусева-Оренбургскаго На фонѣ надоѣвшей декораціи зарева и дыма по обыкновенію вяло, топчутся безликія маріонетки, которыхъ авторъ заставляетъ разыгрывать мелодраму Прогрессивная попадья и консервативный священникъ, грузно-пьяный становой и преслѣдуемый сознательный крестьянинъ, разгромъ усадьбы и конспиративныя сборища—сколько разъ уже все это изображалось и даже чуть ли не тѣмъ же г Гусевымъ-Оренбургскимъ. Право, кажется что всѣ эти звѣроподобные чины уѣздной администраціи и рабочіе съ открытыми лицами на разгромахъ и погромахъ давно и разъ навсегда были кѣмъ то сочинены и теперь только воспроизводятся машиннымъ способомъ въ три краски и цѣлыми дюжинами за-разъ

Если беллетристъ этотъ и умѣлъ танцовать только отъ привычной печки то все же въ прежнихъ вещахъ его нѣтъ нѣтъ да и промелькнетъ вѣрно и интересно зафиксированное пятно, здѣсь-же—да вотъ хотя бы образчикъ изобрѣтательности автора Граней' во время разгрома усадьбы кто-то тащитъ изъ сада статую вокругъ ревъ ужасъ и огонь, но ,Хлѣбодаровъ (помѣщикъ) забылъ уже пылающій домъ разбитые амбары грозящее разореніе... лишь лицо богини видитъ онъ ,Варвары!'—кричитъ онъ вѣдь это Венера Милосская'...—а вслѣдъ за нимъ выступаетъ и героиня повѣсти попадья и, защищая статую отъ огня, бросаетъ толпѣ: ,Нельзя!' ,Это Вѣчное ... ,это Красота'...—послѣ чего сконфуженный Титъ' ,бережно ставитъ Венеру'.

Эта Венера Милосская безподобна и надо ли послѣ этого удивляться, что нѣкоторыя духовныя лица его повѣстей стилизованы по меньшей мѣрѣ, Соловьями-Разбойниками, а скромные батюшкины коняки оказываются бѣшеными мустангами мексиканскихъ прерій.

Съ большимъ удовольствіемъ читается въ той же книжкѣ ,Совр Міра' разсказъ г Невѣрова Музыка'. Тамъ правда, нѣсколько наивно и неувѣренно но все же внимательно и тепло зарисованы мягкія переживанія семнадцатилѣтней Клавденьки. Только кончается эта бемольная притушенная лѣвой педалью Музыка' какимъ-то ужъ очень безвкуснымъ и несуразнымъ диссонансомъ: ночной сторожъ ни съ того, ни съ сего поджигаетъ флигелекъ откуда слышался тихій, вечерній рояль Клавденьки..

Въ августовской ,Русской Мысли останавливаетъ на себѣ вниманіе Медвѣдь Панфамилъ', граціозная сказка Ольги Форшъ о шестилѣтнемъ Ѳомѣ увезенномъ въ лѣсъ старымъ медвѣдемъ и ,омедвѣдившемся' тамъ

Ольга Форшъ любитъ и тонко воспринимаетъ природу Шорохи весенняго лѣса ароматы травъ и горячей земли интересно преломляются въ ея фантазіи, придавая сказкѣ что-то живое, зыбкое, немного пожалуй, затѣйливое ,Въ послѣднія сумерки передъ темной ночью выходили изъ цвѣтовъ хорошіе запахи, всѣ въ зеленыхъ чулкахъ и водили Ѳому по туманамъ.. Запахи научали ни о чемъ ровно не думать'

Конечно, намъ, такъ недавно еще дочитавшимъ 23-ю сказку Щедрина, долго еще будетъ чудиться гдѣ-то ,за сказкой' колющій ребусъ, но сказки Ольги Форшъ и точно миѳы и напрасно подъ мохнатой маской стараго Панфамила вы стали бы искать чей-то знакомый профиль, а къ непривычной пестротѣ сказочныхъ арабесокъ подбирать шифръ. Арабески О Ф не тайнопись, онѣ—интимное и свѣжее, хотя вовсе и не наивное творчество

Въ запоздавшемъ іюлѣ ,Вѣсовъ отмѣтимъ новеллу Н Гумилева ,Скрипка Страдиваріуса'

Рѣчь идетъ о мэтрѣ Белличини замѣчательномъ музыкантѣ, строившемъ свои произведенія по точнымъ формуламъ математики и обладавшемъ исключительной по качествамъ скрипкой Стра

диваріуса. Но счастливый соперникъ королей и магнатовъ, мэтръ все же не можетъ завершить начатое имъ соло Рѣшительный взлётъ пьесы, хотя и неопровержимо расчитанный композиторомъ, ему не дается Явившійся во снѣ дьяволъ играетъ мэтру на своей скрипкѣ прообразъ недающуюся ему мелодію и мэтръ, сознавъ, что не можетъ земная скрипка повторить, не искажая, эту дьявольскую мелодію, въ отчаяньи разбиваетъ своего ‚страдиваріуса и сходитъ съ ума

Новелла интересна и нѣсколько напоминаетъ старый миѳъ о Ѳамирѣ-Киѳаредѣ Онъ тоже разбилъ свою киѳару убѣдившись что муза играетъ безмѣрно лучше его, вызвавшаго се на состязаніе и прославленнаго греками музыканта

Ночь растетъ въ саду, ‚словно сумрачное ораторіо старинныхъ мастеровъ‘ желѣзные пюпитры удивительной формы, какъ бредовыя видѣнія, какъ гротески Лоррена Калло, тѣснятся въ углахъ

Яркій, оригинальный языкъ, фантазія, интересная въ большинствѣ случаевъ архитектоника фразы,—но все же проза г. Гумилева нѣсколько утомляетъ Она какъ-то ужъ слишкомъ густа а періоды ея тяжеловаты для самой формы разсказа: ‚Сегодня ты совершенно случайно напалъ на ту мелодію которую я сочинилъ въ ночь когда гунны лишили невинности полторы тысячи дѣвственницъ, спрятанныхъ въ стѣнахъ фригійскаго монастыря‘ —или. ‚приносился вѣтеръ отъ благовонныхъ полей эздрелонскихъ, крупныя, южныя звѣзды смотрѣли не ‘мигая и тѣни слетали ‚какъ пыль съ крыльевъ гигантской черной бабочки—ночного неба

Когда читаешь прозу этого интереснаго поэта то все кажется, что за нею былъ раньше стихотворный размѣръ авторомъ уничтоженный

Нѣсколько портитъ Скрипку Страдиваріуса‘ ея конецъ сторожъ нашелъ героя мертвымъ отъ жажды и ночью закопалъ его во рву какъ скончавшагося безъ христіанскаго погребенія *)

*) Не опечатка ли?

Въ такихъ торжественныхъ и искусственныхъ вещахъ, какъ Скрипка Страдиваріуса‘ lapsus'ы особенно досадны: за ними невольно ищешь какого-то сокровеннаго смысла и не сразу прощаешь автору безполезность поисковъ

Въ августовской книжкѣ Новаго журнала для всѣхъ г Сазановъ старательно разсказалъ о первомъ говѣніи одного мальчика (‚Въ первый разъ‘)

Немногимъ интереснѣе, тамъ же отрывокъ Э Гольдштейнъ ‚Изъ дневника маленькаго революціонера На сценѣ еврейскій юноша, ушедшій ‚въ борьбу изъ сѣрой тины ешиботовъ, торы, магидовъ и меламедовъ. Въ разсказѣ дрожатъ иногда искреннія нотки и этимъ ноткамъ, нарушающимъ безнадежно сѣрый тонъ разсказа, невольно удивляешься: вѣдь авторъ откровенно предупреждаетъ въ первыхъ же строкахъ ‚Дневника‘, что онъ пишетъ„ лежа на кровати уткнувшись лицомъ въ подушку‘...

Здѣсь же помѣщено ‚Счастье Лии М Премірова, разсказъ про уродливаго и несчастнаго горбуна влюбившагося на дачѣ въ красивую дѣвушку которая почти отвѣчаетъ ему. Разсказъ мало чѣмъ выдѣляется изъ десятка другихъ, такихъ же хотя прочтется и не безъ интереса. Напрасно только г Преміровъ не обдуманно беретъ иногда краски съ чужой палитры: и лицо его стало какъ дѣтская молитва‘. Этотъ трюкъ Сергѣева-Ценскаго—трюкъ именной а не на предъявителя.

Изъ помѣщеннаго въ сентябрьскомъ ‚Новомъ журналѣ для всѣхъ нѣкоторое вниманіе останавливаетъ ‚Старуха А Серафимовича. Конечно, этой страницей изъ жизни многосемейнаго и хозяйственнаго деревенскаго священника авторъ не открылъ намъ какихъ-нибудь новыхъ далей, но въ простотѣ отчетливаго ея рисунка краски подобраны довольно гармонично

Никакого впечатлѣнія не производятъ добросовѣстные перепѣвы изъ быта тюрьмы

С Ан—скаго подъ названіемъ ,З а в ы с о к о й с т ѣ н о й', а разсказъ Бориса Лазаревскаго ,С о н я', написанный отъ лица влюбленной и разлюбленной гимназистки на этотъ разъ во дянистъ, скученъ и длиненъ какъ осеннія су мерки.

Въ сентябрьскомъ томѣ ,Совр Міра, въ раз сказѣ В е с н о ю', В. Муйжель, на фонѣ весен ней голодовки изображаетъ неудачи и сомнѣ нія извѣчнаго землероба, стараго и больного Степана, старающагося во что бы то ни стало выдать замужъ дочь и этимъ сохранить свое налаженное крестьянское дѣло,—сынъ чужой ему: онъ уже не вѣритъ землѣ. Два-три кра сивыхъ образа, нѣсколько вѣрно подмѣченныхъ и четко вкрапленныхъ деталей не искупаютъ общей обыденной скучности разсказа, а сентиментальный конецъ его такъ и вовсе плохъ, нельзя не улыбнуться читая, что въ то время когда извѣрившійся и отчаившійся отецъ, уйдя въ поле, ,которымъ жилъ' призывалъ смерть,—мелодраматическій злодѣй-сынъ пропивалъ въ кабакѣ ассигнованныя на неудавшуюся свадьбу деньги.

Въ этой же книгѣ начался большой, повиди мому, романъ В Тана ,изъ жизни первобытнаго человѣчества [?], подъ пышнымъ заглавіемъ ,Ж е р т в ы Д р а к о н а' Какіе пути приводятъ этого писателя къ подобнымъ темамъ? Перво бытное человѣчество'—н тѣ печальные огоньки маленькихъ и забытыхъ человѣческихъ жизней которыя одиноко угасаютъ въ сумрачныхъ снѣ гахъ мертвой чукотской земли .

Валентинъ Кривичъ

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ

,Пріѣду въ Петербургъ и отдамся теченію' писала одна знакомая актриса. Я сталъ думать какое же теченіе теперь въ Петербургѣ Чему можно отдаться?

Издали впрочемъ все кажется стройнѣе и опре дѣленнѣе особенно если прибавить нѣкоторую долю наивной восторженности провинціала, но и издали только всевозможные кабаре, веселые театры, театры ужасовъ, своимъ впервые въ Россіи появленіемъ отмѣтившіе прошлый театральный сезонъ могли казаться составляющими какое-то теченіе. Увы, пожалуй, это теченіе и является сейчасъ единственно возможнымъ

Смѣлыя и заманчивыя попытки Мейерхольда, обогативъ нѣкоторыми новыми пріемами теа тральную технику намекнувъ о невѣдомыхъ до сихъ поръ новыхъ возможностяхъ не со здали новаго театра. Не оказалось еще истинно новаго репертуара, вполнѣ новыхъ актеровъ и, главное, не хватило фанатической настойчивости преодолѣть внѣшнія и внутреннія преграды.

Между тѣмъ старые, достойные историческаго и всяческаго другого уваженія, театры все чаще и чаще заставляютъ зѣвать и мечтать послѣ 2 го дѣйствія, скоро ли конецъ

Для многихъ же просто немыслимо отказаться совсѣмъ, хотя бы на время (болѣе чѣмъ вѣроятно—на долгое), отъ особой радости искусственнаго свѣта рампы, кулисъ милыхъ ожиданныхъ обмановъ декорацій, отъ всего теа атральнаго зрѣлища потребность въ которомъ воспитана долгой привычкой не одного поколѣнія Вотъ здѣсь то и оправданіе оскорбительнаго, быть можетъ, для театра-храма компромисса разныхъ затѣй, только на половину принадлежащихъ искусству

Вяло открылся сезонъ. Даже затѣи еще всѣ впереди Впрочемъ Малый театръ старается держаться бойко У него есть традиціи, своя физіономія правда ужъ не Богъ знаетъ какая отличная но, мнѣ кажется надо бы успокоиться и съ ней примириться, а то выйдетъ только смѣхъ и горе

Горе предвѣщается объявленной Принцессой Маленъ а смѣхъ уже вышелъ съ возобновле ніемъ Орлеанской Дѣвы'

Чего бы казалось проще для богатаго и солиднаго театра заказать болѣе или менѣе пышныя

и подходящія къ стилю декораціи, срепетиро вать хорошенько народныя сцены, одѣться акте рамъ понаряднѣе и читать съ нѣкоторой тор жественной выразительностью звонкіе стихи Жуковскаго, тѣмъ болѣе, что центральное лицо трагедіи, Глаголинъ Жанна Даркъ не могло бы испортить и болѣе строгаго ансамбля. Глаголинъ далъ интересный образъ полу-истерички, полу шарлатанки привлекательный красотой не жен ской и не юношеской, а какой-то средней—ангельской приковывающей все время къ себѣ, почти страшной своею ни на минуту не забываемой зрителемъ гермафродитностью Жен скаго достоинства Орлеанской дѣвственницы онъ не оскорбилъ ни однимъ словомъ ни однимъ жестомъ мужское же начало въ этой дѣвѣ-воинѣ врядъ ли безъ оперной слащаво сти могла бы передать актриса, не обладаю щая на то особо-выдающимися физическими свойствами Зато всѣ Дюнуа молодчики въ красныхъ вязаныхъ курткахъ изображающіе то обращенныхъ въ бѣгство англичанъ, то свиту Карла VI перезрѣлые пажи и окрестности Орлеана съ заплатаннымъ полотномъ вмѣсто неба все это было поистинѣ великолѣпно въ провинціальномъ своемъ убожествѣ

Впрочемъ, театръ публику котораго по преиму ществу составляютъ демимонденки и мелкіе канцеляристы на галеркѣ, не можетъ особенно интересоваться трагедіями; другое дѣло, если бы шелъ Арсенъ Люпенъ или мелодрама съ французскаго.

Хотя даже въ новинкахъ своего истиннаго ре пертуара Малый театръ въ нынѣшнемъ году какъ то оплошалъ Покорившее Парижъ Цар ство Скачекъ', съ его милліонными жульниче ствами, злодѣями торжествующими добродѣ телями, живыми лошадьми, обысками шулер скихъ притоновъ, драками народными вол неніями и скаковымъ азартомъ, вышло во все не шикарнымъ въ Маломъ театрѣ съ та кими парижанами какъ гг Добровольскій и Нерадовскій; да и публика русская, даже мало театральная не дошла еще до той степени пре сыщенія когда всѣ эти развязные трюки парижскихъ драматурговъ могутъ вызывать что нибудь, кромѣ скуки и раздраженія Явственно преобладающій ,шипъ встрѣтилъ, эффектную фразу подъ занавѣсъ одного изъ скаковыхъ герцоговъ что народу нужны иногда революціи, и пусть онѣ лучше происходятъ здѣсь, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ Очевидно, русская револю ція не восполнена еще Малымъ театромъ

Звѣзда нравственности Протопопова—попытка перенести парижскій шикъ на русскіе нравы То же бароны и графы милліонщики, сложныя плутни и т д Непріятнымъ прибавленіемъ являются пришитыя бѣлыми нитками къ этимъ положеніямъ изъ бульварнаго романа дрябленькія обличенія Ну что же дѣлать, если даже демимондъ русскій требуетъ благородной позы съ обличительными рѣчами проститутки посрамленіемъ модныхъ докторовъ, благотвори тельныхъ дамъ и всякихъ титулованныхъ особъ Менѣе правда усердный, чѣмъ на Царствѣ Ска чекъ свистъ дѣлаетъ нѣкоторую честь эстети ческимъ вкусамъ публики такъ какъ сдѣлана и поставлена вся эта стряпня дѣйствительно въ высшей степени вульгарно, ,кюхельбекерно и тошно' сказалъ бы Пушкинъ

Очень недалеко ушелъ отъ ,Звѣзды Нравствен ности' анекдотъ съ поученіемъ и настроеніемъ господина Чирикова, поставленный въ новомъ драматическомъ театрѣ А Санинымъ Есть что-то общее у Протопопова и Чирикова въ способахъ воспріятія описываемаго ими міра Ка кая-то манекенность Не люди хотя бы самые непохожіе на обыкновенныхъ самые странные но живые, а грубо-базарно сдѣланныя куклы повторяютъ съ тупой механичностью всѣ тѣ слова, совершаютъ всѣ тѣ поступки которые, какъ мы давно давно знаемъ, полагается совершать и повторять всѣмъ обличаемымъ и осмѣиваемымъ чиновникамъ Передрягинымъ въ разныхъ Чухломахъ и Козьмодемьянскахъ Но сумѣлъ же Сологубъ и въ знакомыхъ, бѣдныхъ мелочахъ провинціальнаго быта найти черты страшнаго и вѣчнаго а не только ма

ленькую заспанную скуку, сумѣлъ засвѣтить яркій факелъ необычайной, незабываемой исторіи любви провинціальной барышни Рутиловой и гимназиста Саши; сумѣлъ убѣдить насъ, что самый злой передоновщинѣ не остановить быстраго бѣга рѣки, не засорить ее, не загрязнить окончательно ни превратить въ стоячее болото, какъ бы рукъ не прикладывали къ этому гг. Чириковы, Протопоповы и иже съ ними Какимъ то глухимъ затхлымъ провинціализмомъ несетъ не отъ чиновника Передрягина (вѣдь мы не вѣримъ что онъ только такой, что нѣтъ даже въ немъ, какъ и во всякомъ живомъ человѣкѣ, чего-нибудь необычайнаго, удивительнаго, что ужаснетъ испугаетъ или тронетъ но не нагонитъ одной безпросвѣтной тоски) а отъ самого господина Чирикова, отъ всѣхъ его тенденцій настроеній обличеній пошлыхъ каламбуровъ Ахъ, какъ хотѣлось въ концѣ второго дѣйствія, когда на сценѣ темно, выпрыгнуть въ окно, къ прекрасно сдѣланной узкой полоскѣ голубого далекаго неба, туда въ ночные луга, къ рѣкѣ на свѣжій воздухъ, подальше отъ несноснаго чириковскаго кинематографа

Поставлена піеса вѣроятно наилучшимъ возможно образомъ, несмотря на посредственную игру, сцены съ народомъ и вся вообще постановка давали полную иллюзію живой фотографіи..

Среди всей суеты послѣднихъ лѣтъ, всѣхъ нашихъ исканій, увлеченій, разочарованій, такъ же торжественно непоколебимо и невозмутимо какъ зданіе Сената и Синода или Исакій, стоитъ это выкрашенное въ Александровскіе цвѣта желтый съ бѣлымъ окруженное безконечными флигелями своихъ дирекцій и училищъ имѣющее на фронтонѣ давно неподвижную тріумфальную колесницу овѣянное великими тѣнями, — зданіе Александринскаго театра

Входишь какъ въ заколдованное царство спящей царевны Вестибюль съ массивными колоннами своды коридоровъ бритые, снисходительно важные капельдинеры уютныя ложи,—все это переноситъ даже не къ дѣтству а куда-то дальше къ тѣмъ временамъ когда франты въ голубыхъ узкихъ панталонахъ толпились у барьера оркестра, когда шалуны ‚Зеленой Лампы‘ срывали голоса, вызывая своихъ любимицъ и здѣсь же посылая вызовы изъ за нихъ когда кошельки летѣли на сцену за удачно спѣтый куплетъ, когда расшалившійся Пушкинъ аплодировалъ по лысинѣ сосѣда когда Каратыгинъ, Мочаловъ, Щепкинъ истиннымъ незамысловатымъ искусствомъ своимъ заставляли залу рыдать или хохотать до упаду

Какъ отрадно отдохнуть послѣ Чирикова и Протопопова опять слушая старую, но не потерявшую наивной свѣжести какой-то и донынѣ комедію Островскаго. Я не знаю, какія найти слова для выраженія восторга умиленія гордости передъ игрой Савиной, Стрѣльской Васильевой Варламова въ возобновленной На всякаго мудреца довольно простоты Да и нужны ли какія-нибудь слова вѣдь все это, такъ несомнѣнно непоколебимо, такъ связано съ великимъ прошлымъ русскаго театра, что лучше перечитать еще разъ записки Каратыгина или романтически пламенныя страницы Бѣлинскаго и повторить нѣсколько по новому его страстныи призывъ—спѣшить, спѣшить въ это, странными чарами сохраненное неизмѣнившимся, чудесное царство вѣдь можетъ быть, это ужъ послѣдніе дни его существованія можетъ быть не найдется достойныхъ преемниковъ принять великую тайну. Мы не знаемъ еще смѣлаго Принца, который оживитъ царевну и разбудитъ всѣхъ ея подданныхъ къ новымъ вѣкамъ строительства мы, маловѣрные, сомнѣваемся вообще-то въ немъ и не увѣрены, что имъ не окажется гр Зубовъ или Найденовъ для которыхъ мы лучше пожелаемъ царевнѣ не просыпаться и вовсе

Руководители театра вѣроятно сознательно или безсознательно чувствуютъ что страшно, быть можетъ—гибельно, нарушить чары колдовского сна. Мысль постепенно ввести репертуаръ классическій начинаетъ осуществляться проб

ными спектаклями для учащихся въ Михайловскомъ театрѣ.

Для перваго опыта были даны Ифигенія—Жертва' Эврипида съ переводѣ Ин Ѳ Анненскаго и Эринніи' Леконтъ де Лиля

Для подлинной античной трагедии у молодыхъ актеровъ не хватило или дѣйствительной часто оправдываемой, смѣлости настоящихъ трагиковъ которые рѣшаются всю тяжесть взять на себя на свою игру забывая о декораціяхъ о стильности костюмовъ, хорѣ или тонкаго истиннаго вкуса, умѣнья чувствовать и передавать стиль, строгости школы. Молодые актеры вспоминали то одно, то другое; то въ быстрыхъ порывахъ Лачиновой сквозило рѣшеніе взять судьбу постановки на свою отвѣтственность то робкая, трогательная въ своей хрупкой юности Коваленская сдерживала прорывающуюся у нея все же иногда истинно трагическую страстность и вспоминала уроки режиссера, къ сожалѣнію, не сумѣвшаго выучить ее какъ слѣдуетъ и оставившаго ее съ прекраснымъ голосомъ большимъ пластическимъ чутьемъ природной неумѣлой граціей все же довольно безпомощной

Еще больше слѣдуетъ упрекнуть Долинова, ставившаго этотъ спекталь за безстильныя декораци, за сборные невыдержанные костюмы не то изъ Аиды, не то изъ Прекрасной Елены, за оперно шаблонный хоръ и балетъ и за музыку Шенка Эринніи Леконтъ де-Лиля прошли гораздо удачнѣе; самый пафосъ этой романтической подделки подъ античность, нѣсколько холодный, искусственный и изысканный, является вообще, я думаю болѣе понятнымъ современнымъ актерамъ, чѣмъ величавая и строгая простота Эврипида. Особенно Пушкарева — Кассандра вѣрно почувствовала стиль этой холодно-блестящей пышной античности Слушая ея вооду шевленную, но никогда не переходящую границы приличной искусственности, декламацію мечталось даже о какихъ-то насмѣшливыхъ преднамѣренныхъ неточностяхъ ложно-классицизма, напр о неожиданномъ парикѣ съ буклями на Орестѣ или золотыхъ туфляхъ и шелковыхъ чулкахъ Клитемнестры

Въ числѣ другихъ представителей печати, я былъ приглашенъ на генеральную репетицію этого спектакля, которому придавалось большое значеніе какъ, хотя и не совсѣмъ удачному но знаменательному для будущаго опыта Еще больше нѣжныхъ воспоминаній возбудила эта интимная зала репетиціи съ немногочисленно-избранной публикой, съ режиссерскими мостками на сцену съ литерными ложами въ чехлахъ, съ воспитанницами балетнаго училища, отдѣленными отъ учениковъ пустой ложей Казалось, будто ничего за много много лѣтъ не измѣнилось и становилось сладко, грустно и страшно, что такъ хрупокъ этотъ нѣжный романтическій сонъ

Сергѣй Ауслендеръ

ТАНЦЫ ВЪ ,КНЯЗѢ ИГОРѢ

Событіе удивительное знаменательное, трудно даже оцѣнимое сейчасъ по важности заставляетъ меня выйти изъ рамокъ обозрѣвателя театровъ драматическихъ Событіе это занимаетъ я думаю, не болѣе 20 минутъ но для него собирается полный залъ; ради него пренебрегаются отличная опера и первоклассные пѣвцы; оно заставляетъ столь сдержанную, нарядную и холодную публику петербургскую позабыть всякую корректность, чуть ли не ломать кресла вызывая маленькаго теряющагося среди всей этой грандіозности Половецкаго стана на Маріинской сценѣ, кудесника и мага въ черномъ сюртукѣ — Фокина. Я говорю конечно о новомъ балетѣ въ возобновленномъ Князѣ Игорѣ

Соединеніе невиданной силы, стихійной пламенности, какого-то вихря быстрыхъ движеній дикихъ скачковъ, подлинно-страстныхъ жестовъ съ строгой стройностью, съ ни на минуту не забываемой образцовои дисциплиной балетнаго искусства дѣлаетъ эту постановку не случайно удавшимся моментомъ а новымъ

достиженiемъ на томъ заманчивомъ трудномъ пути по которому идетъ театръ.

Первое въ современномъ театрѣ выступленiе хора, поглотившаго солистовъ, въ роли само стоятельной, почти главной и подавляющей все остальное является если уже не переворотомъ, то намекомъ, первымъ предупрежденiемъ воз можности близкаго огромнаго переворота во взаимоотношенiяхъ автора, актера, режиссера и хора—переворота во всемъ искусствѣ теа тральномъ

Но кромѣ этого не вполнѣ сознаваемаго вол ненiя, что ты свидѣтель чего-то исторически важнаго, какая непосредственная бездумная радость слѣдить за этими стройными рядами женщинъ въ желтомъ—нѣжныхъ и томныхъ, въ красномъ — стремительныхъ и нетерпѣливо страстныхъ

Вотъ желтыя съ руками впередъ (въ жестѣ, про сящемъ и манящемъ) бѣгутъ на зрительную залу и у самой рампы неожиданно быстро скло няются назадъ на руки въ томнои позѣ, обыч ной для сартянокъ Вотъ невозможно дикая, но не лишенная своеобразнаго ритма, скачка лучни ковъ Вотъ сцена похищенiя, когда женщины боязливо ожидающе поникли къ землѣ и на ми нуту все напряженно замерло, а потомъ муж*чины* перепрыгнувъ черезъ *женщинъ* разорвали ихъ кругъ и каждый со счастливои ношей на плечахъ продолжаютъ свою неистовую торже ствующую пляску Вотъ финалъ, когда всѣ линiи строгаго рисунка смѣшались въ одинъ стройный все же, потокъ, настигая, овладѣвая, обгоняя борясь перепрыгивая другъ черезъ друга,—всѣ, и женщины, и мальчики, и лучники, ринулись грознымъ прибоемъ на залу, раз бившись о рампу, разбѣжались ручейками въ сложныхъ фигурахъ и снова соединились и еще съ болѣе яростнымъ ликованiемъ опять возобновили свое нападенiе, и если бы зана вѣсъ на секунду запоздалъ, казалось не удержа лись бы они и вырвались бы въ залу на площадь на улицы побѣждая и увлекая за собой все

С А

МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРОНИКА

Наступающiй ,сезонъ обѣщаетъ невѣроят ное изобилiе музыкальныхъ усладъ. По приблизительному подсчету, число проектиро ванныхъ пока симфоническихъ вечеровъ и утрен никовъ уже близится къ пополненiю шестого десятка и въ дальнѣйшемъ грозитъ разрастись до размѣровъ, еще болѣе пугающихъ

Чѣмъ объяснить такои необычайный и внезап ный подъемъ концертной предпрiимчивости столь чуждый издавна установившемуся складу нашей скромной требованiями музыкальнои жизни? Ужъ не исходятъ ли гг организаторы концертовъ изъ парадоксальнаго предположе нiя, что въ сферѣ удовлетворенiя симфониче ской потребности публики неопровержимая экономическая истина о спросѣ, порождающемъ предложенiе прiобрѣтаетъ обратный смыслъ? Не суждено ли многимъ изъ нынѣ пышнымъ цвѣтомъ распускающихся обѣщанiй разле тѣться отъ перваго же ледяного дуновенiя обывательскаго равнодушiя?

Предоставимъ недалекому будущему отвѣтить на эти фатальные вопросы и обратимся къ обзору ожидающаго насъ впереди musical *entertainment*.

Въ противность общимъ ожиданiямъ первое мѣсто по числу предвозвѣщенныхъ концертовъ принадлежитъ почтенному институту, уже пол столѣтiя стоящему на стражѣ незыблемо музыкальныхъ приличiй и конвенансовъ. Импе раторское Русское Музыкальное Общество, или короче—,Ирмо', по сокращенiю принятому въ телеграфныхъ сношенiяхъ, открыло абонементъ на двадцать восемь симфоническихъ кон цертовъ, съ точнымъ подраздѣленiемъ ихъ на историческiе (10), общедоступные (10) и просто симфоническiе (8). Пер выя двѣ серiи будутъ устраиваться по утрамъ подъ управленiемъ г Кленовскаго и съ сопро вожденiемъ рефератовъ г Каля, музиколога извѣстнаго общедоступностью своей эрудицiи

Дирижерами остальныхъ концертовъ намѣчены гг. Кусевицкій, Оскаръ Фридъ, Глазуновъ, Черепнинъ и др

Для свѣдѣнія искателей музыкальной новизны сообщаемъ, что, вооружившись лупою и терпѣніемъ, они навѣрное откроютъ въ программахъ указанныхъ восьми симфоническихъ вечеровъ двѣ маленькія звѣздочки отмѣчающія собою ровно такое же количество несомнѣнныхъ при всей сомнительности ихъ новаторства, новинокъ: симфонію Гедике и симфоническую картину ,Лѣсъ шумитъ Конюса

Такъ какъ дѣсятилѣтіями испытанная, неизмѣнная обаятельность репертуара концертовъ Ирмо' давно настолько извѣдана, что въ новомъ подтвержденіи едва ли нуждается, то ограничимся пока выраженіемъ неподдѣльнаго изумленія предъ фактомъ рѣдкой плодовитости, обнаруженной маститымъ учрежденіемъ на 50-томъ году своего существованія и перейдемъ къ разсмотрѣнію музыкальнаго матеріала, предлагаемаго опаснѣйшимъ изъ его конкурентовъ

Настоящій VII циклъ концертовъ і Зилоти значительно расширенъ и въ общемъ охватываетъ 14 музыкальныхъ вечеровъ (11 оркестровыхъ и 3 камерныхъ). Концерты Зилоти очень популярны, и возрастающій ихъ съ каждымъ годомъ успѣхъ повидимому зиждется на твердыхъ началахъ взаимной симпатіи и обоюднаго довѣрія публики къ организатору и—наоборотъ

Безпокойная пестрота—обычная спутница Зилотіевскихъ программъ—на этотъ разъ не такъ бросается въ глаза, благодаря умѣлому размѣщенію разнороднаго, довольно богатаго матеріала Новинокъ собственно немного но не избалованные обиліемъ новизны въ ежегодныхъ нашихъ музыкальныхъ переживаніяхъ, будемъ признательны дѣятельному организатору и за то что почти въ каждомъ изъ устраиваемыхъ имъ концертовъ имѣется хотя бы небольшой уголокъ, отведенный для любителей ,новаго и неизвѣданнаго' въ области музыкальныхъ воспріятій Впервые на вечерахъ Зилоти будутъ исполнены слѣдующія сочиненія русскихъ композиторовъ· симфоническая поэма Островъ смерти и новый (3-й) концертъ для фортепіано, въ исполненіи автора, любимца овдовѣвшей Музы Чайковскаго С Рахманинова; симфоническая картина ,Hircus nocturnus перебѣжавшаго изъ стана ,націоналистовъ въ лагерь ,западниковъ Василенко; талантливыхъ учениковъ Римскаго-Корсакова — И Стравинскаго (фантазія Фейерверкъ') и М Штейнберга (2-я симфонія) и одна изъ новыхъ симфоническихъ ,сказочекъ' нашего миніатюриста Ан. Лядова Нашли себѣ мѣсто въ названныхъ концертахъ и Молодая Франція съ ея старѣйшимъ представителемъ Клодомъ Дебюсси (,Шотландскій маршъ') покойный франкистъ Леке (Adagio для струннаго оркестра и скрипичная соната), совсѣмъ незнакомый русской публикѣ Роже-Дюкассъ (Варіаціи' и Сюита), а также примыкающій къ новой французской школѣ, недавно умершій испанецъ Альбеницъ (оркестровая фантазія ,Каталонія) болѣе извѣстный своими блестящими піанистическими сочиненіями. Представительство музыкальнаго творчества Германіи возложено на покойника Брукнера (2 я симфонія. Неужели въ 1-й разъ?) и болѣе популярнаго на дирижерскомъ, чѣмъ на композиторскомъ поприщѣ Вейнгартнера (симфоническая поэма ,Король Лиръ)

Оставивъ въ сторонѣ музыкальныя nouveautes, вродѣ инструментальныхъ пьесъ Энеско или концерта Віотти, отнесемся съ сочувствіемъ къ любезно обѣщанному повторенію восхитительной, всѣми цвѣтами звуковой радуги сверкающей Испанской рапсодіи' Мориса Равеля Если добавить, что, кромѣ перечисленныхъ интересныхъ новинокъ духъ бодрой свѣжести въ концертахъ Зилоти поддерживается постояннымъ широкимъ заимствованіемъ изъ неисчерпаемаго источника вѣчной музыкальной юности' имя которому—I С Бахъ, то отмѣченный уже выше художественный успѣхъ этихъ концертовъ легко становится понятнымъ

Но предпріимчивый и талантливый артистъ организаторъ, какимъ, безспорно, слѣдуетъ признать А И Зилоти, слишкомъ хорошо знаетъ свою аудиторію чтобы главный интересъ составляемыхъ имъ программъ сосредоточить на новизнѣ или значительности входящихъ въ нихъ музыкальныхъ произведеній Поэтому сверхъ проявляемаго имъ дружелюбнаго отношенія къ духу модернизма, г. Зилоти никогда не упускаетъ украшать свои вечера участіемъ возможно большаго числа знаменитостей экзекутивнаго порядка

Такъ и нынѣ стильныя колонны Дворянскаго собранія будутъ на устраиваемыхъ г Зилоти вечерахъ попеременно озаряться то блескомъ такихъ виртуозовъ дирижерскаго искусства какъ Никишъ, Вейнгартнеръ, Моттль то сверканіемъ такихъ звѣздъ артистическаго неба, какъ Шаляпинъ, Гофманъ, Фелія Литвинъ Собиновъ Изаи

А Н

СЕДЬМОЙ SALON d AUNTOMNE ВЪ ПАРИЖѢ

Изъ большого количества произведени (почти 2 000 №№) выдѣляются работы Акселя Галлена, портреты Фергюссона (I D Fergusson), картины Герена (Ch Guérin), цвѣты Матисса и пейзажъ Ернфельта

При Салонѣ ретроспективныя выставки работъ Ганса фонъ-Мареса (устроена извѣстнымъ художественнымъ критикомъ Мейеръ Грефе); фигуръ Коро (24 №№), работъ Тэнъ Ката (голландскіе и норвежскіе пейзажи).

Организована отдѣльная выставка произведеній Т. Стеинлэна (иллюстраціи, оригинальные рисунки, плакаты, литографіи, офорты номера журналовъ спеціально посвященные художнику); общество ‚Искусство и Школа' экспонируетъ свои художественно промышленныя работы подъ общимъ заглавіемъ ‚выставка книги'; лучшія издательскія фирмы показываютъ свои достиженія въ области художественнаго книгопечатанія, и отдѣльно выступаетъ группа нѣмецкихъ художниковъ.

Заставляетъ досадовать отсутствіе работъ нашихъ ‚Sociétaire'овъ избранныхъ въ 1906 году, отсутствіе, съ прискорбіемъ замѣчаемое и на другихъ выставкахъ Европы

Зато цѣлымъ потокомъ нахлынули на ‚Salon, наши соотечественники, работающіе заграницею Не можетъ ли служить объясненіемъ этому тотъ фактъ что секретаремъ Жюри въ этомъ году былъ—двинскій уроженецъ Натанъ Именитовъ?

Ради любопытства приведу перечень именъ русскихъ художниковъ. быть можетъ, со временемъ они составятъ славу своему отечеству

Абрамовъ (Рига), Альтманъ (Одесса) Даннебергъ (Рига), Долинъ (Москва), Дончевъ (Кишиневъ), Васильева (С.-Петербургъ), Гаврилко (Харьковъ), Ивановъ (Москва) Жеребцова, Кауфманъ (Павлово), Коганъ (Одесса), Ольга Коммисаржевская (Спб., скульптура), Коортъ (Юрьевъ), Лушниковъ (Сибирь) Леерсонъ (Москва) Мотинскій (Одесса) Николадзе (Кавказъ), Рудневъ (Москва), Романовскій (Кіевъ), Фрерманъ (Одесса) Шульманъ (Витебскъ).

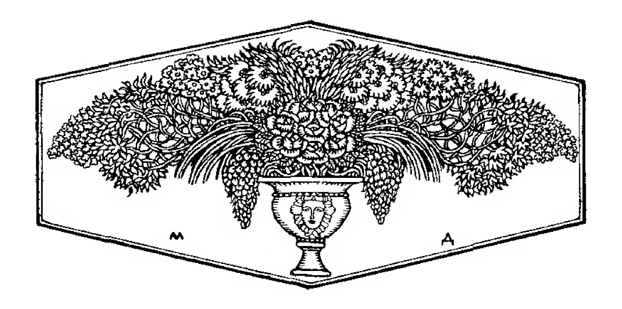
На ‚Salon d Automne' есть еще имена, извѣстныя по выставкамъ Россіи: Ис Бродскій, Конст. Кузнецовъ Ел. Кругликова, В Кандинскій, В Попова (скульптура и гравюра) Матвѣевъ (скульптура), Сомова-Зеддѣлеръ, Тарховъ, Трубецкой. Если присоединить большое количество поляковъ [выдѣляются портретисты Закъ и Гусарскій], финляндцевъ и норвежцевъ—получаемъ впечатлѣніе нашествія въ столицу искусства сѣвернаго художества

Такъ же обильно представлены въ этомъ году на Salon d Automne и американцы

Ю Р

Литературный

АЛЬМАНАХЪ



Богъ грозныхъ чаръ и строгихъ пѣсенъ,
Ты сходишь вновь въ земные долы!
Священны древніе престолы,
И ликъ Твой гнѣвенъ и чудесенъ!

И за Тобою вереницей
Несутся сестры въ пляскѣ плавной!
Всѣ девять дружныхъ, но—не равно
Твоей внимающихъ цѣвницѣ!

Всѣ девять дивныхъ—вновь покорны
Таинственнымъ Твоимъ обрядамъ!
Заворожилъ Ты мѣрнымъ ладомъ
И даль небесъ, и лугъ нагорный!

Ликующимъ внемли осаннамъ,
Владыка сновъ Серебролукій!
Къ Твоимъ лугамъ обѣтованнымъ,
Къ Твоимъ престоламъ осіяннымъ
Съ мольбой мы простираемъ руки!

М

APOLLINI

Когда вспоитъ вашъ корень гробовой
Ключами слезъ Любовь, и мракъ—суровый
Какъ Смерти сѣнь,—волшебною дубровой,
Гдѣ Дантъ блуждалъ, обстанетъ стволъ живой

Возноситесь вы гордой головой
О Гимны, въ свѣтъ, сквозя надъ мглой багровой
Синѣющихъ долинъ, какъ лѣсъ лавровый,
Изваянный на тверди огневой

Подъ хмелемъ волнъ, въ пурпуровой темницѣ,
Въ жемчужницѣ—слезницѣ горькихъ лонъ,
Какъ перлы безднъ, родитесь вы—въ гробницѣ

Кто вѣщихъ Дафнъ въ эѳирный взялъ полонъ,
И въ лавръ одѣлъ и отразилъ въ криницѣ
Прозрачности безсмертной? Аполлонъ!

КУПИНА

Купина огнепалимая,
Это сердце здѣсь въ груди,
Какъ вошелъ въ огонь и въ дымы я,
Такъ назадъ меня не жди

Я горю въ самосожженности,
Въ распаляемой печи,
Чтобы яркія стозвонности
Міру бросили лучи

Купина огнепалимая
И хранимая во вѣкъ,
Всѣмъ сердцамъ, какъ свѣточъ, зримая,
Да не гаснетъ человѣкъ

ПОСЛѢДНЯЯ ЗАРЯ

Я вижу свѣтъ моей зари послѣдней
Она вдали широко разлилась
Безгласный звонъ Мольбы цвѣтной обѣдни
Псалмы лучей Предвозвѣщенный часъ.

И служба дня смѣняется вечерней
Встаетъ Луна и паутинитъ нить
Чтобы душѣ, гдѣ пытки—равномѣрнѣй
Для всенощной смиряющей свѣтить

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ СТОЛПЪ

На Невскомъ, какъ прибой нестройный,
Растетъ вечерняя толпа
Но неподвиженъ сонъ спокойный
Александрійскаго столпа

Гранитъ суровый, величавый,
Обломокъ довременныхъ скалъ!
Какъ знакъ побѣдъ, какъ вѣстникъ славы,
Ты передъ Царскимъ Домомъ сталъ

Ты выше, чѣмъ колонна Рима,
Поставилъ знаменье креста
Несокрушима, недвижима
Твоя тяжелая пята

И, черезъ гребни никлыхъ зданій
Все озирая предъ собой,
Ты видишь въ сумрачномъ туманѣ
Двухъ древнихъ сфинксовъ надъ Невой

Глаза въ глаза вперивъ безмолвны,
Исполнены святой тоски,
Они какъ будто слышатъ волны
Иной, торжественной рѣки

Для нихъ, дѣтей тысячелѣтій,
Лишь сонъ—видѣнья этихъ мѣстъ,
И эта твердь, и стѣны эти
И твой, вознесенный къ небу, крестъ

И видя что багрянымъ дискомъ
На Западъ солнце склонено,
Они мечтаютъ, какъ, давно,
Въ пескахъ, надъ падшимъ обелискомъ
Горѣло золотомъ оно

М КУЗМИНЪ

1

Ты, именемъ монашескимъ овѣянъ
Не даромъ гордымъ выросъ, прямъ и дикъ
Но кѣмъ духъ нѣжности въ тебѣ посѣянъ
Струею щедрой брызжущій родникъ?

Ты въ горести главою не поникъ
Глаза блеснутъ сквозь черныя рѣсницы,
Опять погаснутъ — и на краткій мигъ
Мнѣ грозный ангелъ въ миломъ ликѣ мнится

2

Какъ странно въ голосѣ твоемъ мой слышенъ голосъ,
Моею нѣжностью твои глаза горятъ,
И мой чернѣется, густой когда то, волосъ
Въ кудряхъ томительныхъ, что дѣлитъ скромный рядъ

Молчимъ условленно о томъ, что мнится раемъ,
Любовью связаны и дружбой къ одному
Глядимъ, какъ въ зеркало, и въ немъ другъ друга знаемъ,
И что то сбудется, какъ быть должно тому

ДЭЛОСЪ

Окомъ мертвеннымъ Горгоны
Обожженная земля
Горъ зубчатыя короны,
Бухтъ зазубренныхъ края

Рѣетъ въ морѣ бѣлый парусъ
Какъ вѣнецъ съ пяти сторонъ—
Сизый Сиросъ, синій Паросъ,
Мирто, Наксосъ и Миконъ

Гнѣвный лучникъ! Вождь мгновеній!
Предводитель Мойръ и Музъ!
Налагатель откровеній!
Разрѣшитель древнихъ узъ!

Самъ изъ всѣхъ святынь Эллады
Ты своей избралъ страной
Каменистыя Циклады,
Дэлосъ знойный и сухой

Ни священныхъ рощъ, ни кладбищъ,
Здѣсь не видятъ корабли
Ни луговъ ни тучныхъ пастбищъ,
Ни питающей земли

Только лавръ по склонамъ Цинта,
Да въ тѣнистыхъ щеляхъ стѣнъ
Влажный стебель гіацинта,
Кустикъ бѣлыхъ цикламенъ

Но среди скалистыхъ кручей
Сердцу бога сладко милъ
Терпкій духъ земли горючей,
Запахъ жертвъ и дымъ кадилъ

Дэлосъ! Ты престоломъ Феба
Нагъ стоишь среди морей,
Подымая къ солнцу въ небо
Дымы темныхъ алтарей!

СОЗВѢЗДЬЯ

Такъ силы небесныя нисходятъ и восходятъ
простирая другъ къ другу золотыя бадьи!.
Гете

Звенятъ Вѣсы и клонятъ коромысла,
Нисходитъ внизъ, возносится бадья
Часы идутъ, смѣняя въ небѣ числа,
Пути міровъ чертя вкругъ остія

Струится ночь Журчитъ и плачетъ влага
Ладья скользитъ вдоль темныхъ береговъ,
И чутокъ сонъ въ водахъ Архипелага,
Гдѣ въ морѣ спятъ созвѣздья острововъ

Гнѣздо Гіадъ и гроздь огней—Плеяды
Великій Возъ и зоркій Волопасъ
Свой правя путь чрезъ темныя Циклады—
Какой пловецъ въ умѣ не числилъ васъ?

И вашъ узоръ предъ взоромъ Одиссея
Въ иныхъ вѣкахъ искрился и мерцалъ,
И ночь текла, златыя зерна сѣя,
Надъ лономъ водъ въ дрожаніи зеркалъ

И, ставя сѣть у древнихъ стѣнъ Хавона,
Въ тиши ночей видали рыбари
Алмазный торсъ гиганта Оріона—
Ловца звѣрей, любовника зари

Когда жъ земля безсмертными изсякла,
Лишь глубже сталъ и ярче небосклонъ
И Солнцу путь затмила тѣнь Геракла,
И Зевсъ воздвигъ на небѣ льдистый Тронъ

Всѣ имена, всѣ славы, всѣ побѣды
Сплетались тамъ въ мерцанiи огней
Надъ головой жемчужной Андромеды
Чертилъ круги сверкающiй Персей

Въ себѣ тая всѣ лѣтописи мiра,
Свѣтясь въ вѣкахъ безсмертной красотой,
Златыми пчелами расшитая порфира
Спадала съ плечъ Iонiи Святой

ПОЛДЕНЬ

Звонки стебли травы—и движенья зноя пахучи
Горы, какъ рыжiе львы,—стали на грани пустынь
Въ сине черномъ огнѣ—расцвѣтаютъ мѣдныя тучи
Горечью дышитъ полынь

Въ ярыхъ горнахъ долинъ,—упоенныхъ духомъ лаванды,
Темнымъ золотомъ смолъ—медленно плавится зной
Нимбы свѣта, вѣнцы—и сiянiй тяжкихъ гирлянды
Въ знoѣ плывутъ надъ землей

,Травы древнихъ могилъ—мы взросли изъ камней и праха,
Къ зною изъ ночи и тьмы,—къ солнцу на зовъ возросли
Къ полднямъ вынесли мы,—трепеща отъ сладкаго страха,
Мертвыя тайны Земли

Въ знoѣ полдней глухихъ—мы пьянѣемъ горькiя травы,
Млѣя по краснымъ холмамъ—съ изсиня сѣрыхъ камней
Душный льемъ ѳимiамъ—благовонья сладкой отравы
Въ морѣ расплавленныхъ дней‘

КАПИТАНЫ

1

На полярныхъ моряхъ и на южныхъ,
По изгибамъ зеленыхъ зыбей,
Межъ базальтовыхъ скалъ и жемчужныхъ
Шелестятъ паруса кораблей

Быстрокрылыхъ ведутъ капитаны,
Открыватели новыхъ земель,
Для кого не страшны океаны,
Кто извѣдалъ мальстремы и мель

Чья, не пылью затерянныхъ хартій,
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной картѣ
Отмѣчаетъ свой дерзостный путь

И, взойдя на трепещущій мостикъ,
Вспоминаетъ покинутый портъ,
Отряхая ударами трости
Клочья пѣны съ высокихъ ботфортъ

Или, бунтъ на борту обнаруживъ,
Изъ за пояса рветъ пистолетъ,
Такъ что сыплется золото съ кружевъ,
Съ розоватыхъ брабантскихъ манжетъ

Пусть безумствуетъ море и плещетъ,
Гребни волнъ поднялись въ небеса,
Ни одинъ предъ грозой не трепещетъ
Ни одинъ не свернетъ паруса

Развѣ трусамъ даны эти руки,
Этотъ острый, стремительный взглядъ,
Что умѣетъ на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегатъ,

Мѣткой пулей, острогой желѣзной
Настигать исполинскихъ китовъ,
И примѣтить въ ночи многозвѣздной
Охранительный свѣтъ маяковъ?

2

Вы всѣ, паладины зеленаго Храма,
Надъ пасмурнымъ моремъ слѣдившіе румбъ,
Гонзальво и Кукъ, Лаперузъ и де Гама,
Мечтатель и царь, генуезецъ Колумбъ!

Ганнонъ Карфагенянинъ, князь Сенегамбій,
Синдбадъ Мореходъ и могучій Уллисъ,
О вашихъ побѣдахъ гремятъ въ диѳирамбѣ
Сѣдые валы, набѣгая на мысъ!

А вы, королевскіе псы, флибустьеры,
Хранившіе золото въ темномъ порту,
Скитальцы-арабы, искатели вѣры
И первые люди на первомъ плоту!

И всѣ, кто дерзаетъ, кто хочетъ, кто ищетъ,
Кому опостылѣли страны отцовъ,
Кто дерзко хохочетъ, насмѣшливо свищетъ,
Внимая завѣтамъ сѣдыхъ мудрецовъ!

Какъ странно, какъ сладко входить въ ваши грезы,
Завѣтныя ваши шептать имена,
И вдругъ догадаться, какіе наркозы
Когда-то рождала для васъ глубина

И кажется, въ мiрѣ, какъ прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Гдѣ въ солнечныхъ рощахъ живутъ великаны
И свѣтятъ въ прозрачной водѣ жемчуга

Съ деревьевъ стекаютъ душистыя смолы,
Узорные листья лепечутъ ‚Скорѣй,
‚Здѣсь рѣютъ червоннаго золота пчелы,
‚Здѣсь розы краснѣе, чѣмъ пурпуръ царей'

И карлики съ птицами спорятъ за гнѣзда,
И нѣженъ у дѣвушекъ профиль лица
Какъ будто не всѣ пересчитаны звѣзды,
Какъ будто нашъ мiръ не открытъ до конца!

3

Только глянетъ сквозь утесы
Королевскiй старый фортъ,
Какъ веселые матросы
Поспѣшатъ въ знакомый портъ

Тамъ, хвативъ въ тавернѣ сидру,
Рѣчь ведетъ болтливый дѣдъ,
Что сразить морскую гидру
Можетъ черный арбалетъ

Темнокожiя мулатки
И гадаютъ и поютъ,
И несется запахъ сладкiй
Отъ готовящихся блюдъ

А въ заплеванныхъ тавернахъ
Отъ заката до утра
Мечутъ рядъ колодъ невѣрныхъ
Завитые шуллера

Хорошо по докамъ порта
И слоняться, и лежать
И съ солдатами изъ форта
Ночью драки затѣвать

Иль у знатныхъ иностранокъ
Дерзко выклянчить два су,
Продавать имъ обезьянокъ
Съ мѣднымъ обручомъ въ носу

А потомъ блѣднѣть отъ злости,
Амулетъ зажать въ полу,
Все проигрывая въ кости
На затоптанномъ полу

Но смолкаетъ зовъ дурмана,
Пьяныхъ словъ безсвязный летъ,
Только рупоръ капитана
Ихъ къ отплытью призоветъ

4

Но въ мірѣ есть иныя области,
Луной мучительной томимы,
Для высшей силы, высшей доблести
Они навѣкъ недостижимы

Тамъ волны съ блесками и всплесками
Непрекращаемаго танца
И тамъ летитъ скачками рѣзкими
Корабль Летучаго Голландца

Ни рифъ, ни мель ему не встрѣтятся,
Какъ знакъ печали и несчастій,
Огни святого Эльма свѣтятся,
Усѣявъ бортъ его и снасти

Самъ капитанъ, скользя надъ бездною,
За шляпу держится рукою,
Окровавленной, но желѣзною
Въ штурвалъ вцѣпляется—другою

Какъ смерть блѣдны его товарищи,
У всѣхъ одна и та же дума
Такъ смотрятъ трупы на пожарищѣ
Невыразимо и угрюмо

И если въ часъ прозрачный, утренній
Пловцы въ моряхъ его встрѣчали,
Ихъ вѣчно мучилъ голосъ внутренній
Слѣпымъ предвѣстіемъ печали

Ватагѣ буйной и воинственной
Такъ много сложено исторій,
Но всѣхъ страшнѣй и всѣхъ таинственнѣй
Для смѣлыхъ пѣнителей моря—

О томъ, что въ мірѣ есть окраина—
Туда, за тропикъ Козерога!—
Гдѣ капитана съ ликомъ Каина
Легла ужасная дорога

1 Ледяная тюрьма

Пятно жерла стѣною огибая,
Минутно ледъ туманный позлащенъ
Мечта весны, когда то голубая,
Твоей тюрьмой горящей я смущенъ!

Истомлена сверканіемъ напраснымъ,
И плачешь ты, и рвешься трепеща,
Но для чудесъ въ дыму полудня красномъ
У солнца нѣтъ побѣднаго луча

Ты помнишь ликъ свѣтила, но иного,
Въ тебя не тѣ глядѣлися цвѣты,
И твой конецъ на сердцѣ у больного,
Коль подъ землей не задохнешься ты

Но не желай свидѣтелемъ безмолвнымъ
До чаръ весны сберечь свой синій плѣнъ
Ты не мечта, ты будешь только тлѣнъ
Раскованнымъ и громозвучнымъ волнамъ

2 Снѣгъ

Полюбилъ бы я зиму,
Да обуза тяжка...
Отъ нея даже дыму
Не уйти въ облака.

Эта рѣзанность линій,
Этотъ грузный полетъ,
Этотъ нищенски синій
И заплаканный ледъ!

Но люблю ослабѣлый
Отъ заоблачныхъ нѣгъ—
То сверкающе-бѣлый,
То сиреневый снѣгъ

И особенно талый,
Когда, выси открывъ,
Онъ ложится усталый
На скользящій обрывъ,

Точно стадо въ туманѣ
Непорочные сны—
На томительной грани
Всесожженья весны

3. Дочь Іаира

Слабы травы, бѣлы плиты,
И звонитъ побѣдно мѣдь
,Голубые льды разбиты,
И они должны сгорѣть'

Точно кружитъ солнце, зимній
Долгій плѣнъ свой позабывъ
Только мнѣ въ пасхальномъ гимнѣ
Смерти слышится призывъ

Вѣдь подъ снѣгомъ сердце билось,
Тамъ тянулась жизни нить,
Ту алмазную застылость
Надо было разбудить

Для чего жъ съ контуровъ нѣжной,
Непорочной красоты
Грубо сорванъ саванъ снѣжный,
Жечь зачѣмъ ея цвѣты?

Для чего такъ сине пламя,
Раскаленность такъ бѣла,
И гудя съ колоколами
Слили звонъ колокола?

Тотъ, грѣхи подъявшій міра,
Осушившій рѣки слезъ,
Такъ ли дочерь Іаира
Поднялъ нѣкогда Христосъ?

Не мигнулъ фитиль горящій,
Не зазыбилъ вѣтеръ ткань..
Подошелъ Спаситель къ спящей
И сказалъ ей тихо „Встань"!

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

Я опять, какъ прежде, молодъ,
И опять, какъ прежде, малъ
Поднимавшій въ небѣ молоты
Надо мною задремалъ

И съ врагомъ моимъ усталымъ
Я бороться не хочу
Улыбнусь цвѣтками алыми,
Зори въ небѣ расцвѣчу

Бѣлыхъ тучекъ легкій мраморъ—
Изваяній быстрыхъ рядъ
Пѣна волнъ плескучихъ на морѣ
Вновь обрадовала взглядъ

Я слагаю сказки снова,
Я опять, какъ прежде, малъ
Дремлетъ молнія лиловая,
Громовержецъ задремалъ

ОСИПЪ ДЫМОВЪ

ВЛАСЪ *)

ОТЕЦЪ

Въ первый разъ я его увидѣлъ, когда мнѣ, вѣроятно, было три или четыре года. Конечно, видѣлъ и раньше, но не помню Да и теперь онъ запомнился только въ очень небольшой части концы пальцевъ съ выскочившими на нихъ небольшими волдырями Онъ ѣхалъ на извозчикѣ, колесо слетѣло, онъ упалъ и, предохраняя голову, подложилъ руку Теперь я понимаю, что это была неправда, но для чего мнѣ ее сказали? Во всякомъ случаѣ разсказъ объ этомъ колесѣ и головѣ произвелъ на меня тогда сильное впечатлѣніе, и я плакалъ А концы пальцевъ—только эти концы съ набухшими волдырями—остались въ памяти до сихъ поръ

Другой разъ я увидѣлъ его ужъ цѣликомъ Разбѣжавшись, я быстро открылъ дверь въ кабинетъ отца, чтобы разсказать ему о дважды подрядъ пойманномъ мячикѣ, и вдругъ съ глубокимъ изумленіемъ увидѣлъ, что мать сидитъ у окна и плачетъ Плакала она не такъ, какъ мы, дѣти, т е безъ звуковъ, не искрививъ лица, слезы висѣли не на глазахъ, а нѣсколько ниже на неупругой щекѣ Такъ какъ плакала мать, а отецъ былъ спокоенъ, я рѣшилъ, что виноватъ онъ, онъ причинилъ ей какую то боль, можетъ быть, ударилъ До сихъ поръ я такъ думаю и ужъ выяснить никакъ не смогу Вотъ тутъ я его увидѣлъ—только одинъ разъ—и такъ запомнилъ на всю жизнь съ круглымъ черепомъ, рыжими усами и небритой щекой, воротникъ его былъ отложной съ двумя треугольниками впереди — а у нея на щекѣ нѣсколько пониже глазъ крупная слеза Мнѣ подумалось тогда, что они заперлись нарочно, между ними какая то тайна, они что то сдѣлали или замыслили нехорошее Мнѣ стало стыдно, что я ворвался, что весь еще въ шалости, въ бѣгѣ, въ мысляхъ о дважды пойманномъ на лету мячѣ Не словами, не мыслью, но чувствомъ я рѣшилъ, что надо заступиться за нее, не дать ему дѣлать ей больно и, если можно, удалить его—вонъ изъ нашего дома.

---

*) Одновременно появляется въ Германіи въ переводѣ на нѣмецкій языкъ Право перевода охранено

Въ то время меня преслѣдовалъ сонъ, котораго я до ужаса боялся Будто подъ нашими окнами идетъ толпа людей, несетъ торжествуя черный ящикъ и останавливается у двери На яву я еще не имѣлъ понятія о мертвыхъ, никогда не видѣлъ ихъ, но во снѣ хорошо зналъ что въ черномъ ящикѣ у нихъ мертвецъ и что они ищутъ меня, чтобы показать его, наказать за то, что на яву не знаю объ этомъ... Въ ужасѣ я отбѣгалъ отъ окна, прятался за шкафъ, но шедшій впереди процессіи нагибался, заглядывалъ за уголъ, и наши глаза встрѣчались Во всю свою дальнѣйшую жизнь я не испытывалъ большаго ужаса, какъ при этомъ снѣ

И вотъ я думалъ, что если они еще разъ придутъ со своимъ длиннымъ чернымъ ящикомъ, я просто на-просто укажу имъ на этого широкоплечаго человѣка съ рыжими усами и небритой щекой Будетъ онъ знать, какъ заставлять ее плакать!

Въ то же время, не признаваясь въ этомъ, я думалъ, что если укажу имъ на отца то меня они оставятъ въ покоѣ Черезъ нѣсколько лѣтъ, уже будучи въ реальномъ училищѣ, я, вспоминая эту мысль, долго мучился, называлъ себя эгоистомъ, который собственную выгоду силится прикрыть благородными побужденіями

Между этой сценой въ кабинетѣ и тѣмъ, что случилось, прошло, вѣроятно, не болѣе года Насъ, дѣтей, однажды разбудили ночью Будили два раза сперва громкимъ плоскимъ широкимъ трескомъ, какъ крикомъ, но не добудились, а потомъ, минутъ черезъ десять, ужъ по настоящему Насъ быстро одѣвала няня, ея руки тряслись, и цвѣтной платокъ сползъ съ головы назадъ на спину Теперь я увидѣлъ что подъ платкомъ были рѣдкіе сѣдые лоснящіеся волосы

— Кто это стучалъ, няня? Я слышалъ — спросилъ я и показалъ руками и голосомъ этотъ стукъ, услышанный мною во снѣ ,а ахъ'

— Никто не стучалъ — отвѣтила она, и я понялъ, что она снова лжетъ, какъ часто лгала за послѣднее время

Мнѣ казалось очень страннымъ, что вотъ ночью, если зажечь лампу, то въ сущности будетъ все то же, что и днемъ няня, у нея платокъ, полъ, коверъ у двери порогъ, стоятъ стулья Только ночью приходятъ какіе-то незнакомые люди, и въ кабинетѣ что то происходитъ непонятное—можетъ быть то

именно, что мнѣ отчасти удалось подсмотрѣть. Положительно я слышалъ за дверью голосъ доктора—самаго страшнаго, умнаго и могущественнаго человѣка въ мірѣ. А гдѣ же мать? И отецъ? Неужели это каждую ночь такъ? У насъ въ дѣтской темно, заперты ставни, теплая печь, а у нихъ здѣсь свѣтъ, шумъ. Въ сѣняхъ на холоду я, упрямясь, не вдѣвалъ въ рукавицы большой палецъ отдѣльно, хотѣлъ оставить всѣ пять вмѣстѣ, чтобы имъ не было скучно. Вдругъ появилась мать. И опять у нея на глазахъ были слезы. Значитъ, въ самомъ дѣлѣ ночью онъ ее обижаетъ и мучаетъ. Я не выдержалъ и сказалъ ей:
— Мамочка, почему ты его не выгонишь изъ нашего дома? Пусть себѣ идетъ. Мнѣ хотѣлось еще разсказать про черный длинный ящикъ, но мать поцѣловала меня, смочивъ слезами лобъ. Потомъ открылась дверь на улицу, я увидѣлъ снѣгъ, и на немъ лежала ночь — настоящая ночь взрослыхъ; она была холодна, не улыбалась, посереди ея у подъѣзда стояли дрожки, а по бокамъ длинныя съ хвостатыми вѣтвями деревья. Мы сѣли въ дрожки и поѣхали. Дулъ вѣтеръ. Сестра Оля заплакала. Спина извозчика была очень высока, крѣпка, я полюбилъ ее сразу. Кнутъ мнѣ тоже понравился. Я вспомнилъ исторію съ отлетѣвшимъ колесомъ и волдырями на кончикахъ пальцевъ и подумалъ, что вмѣсто отца, котораго рано или поздно придется выгнать, можно было бы попросить жить вотъ этого извозчика. Мы каждый день могли бы ѣздить по улицѣ.

Черезъ два дня были похороны отца. Отъ дядиной кухарки (насъ повезли къ дядѣ) я узналъ, что отецъ мой застрѣлился и что Богъ на томъ свѣтѣ его страшно накажетъ. Значитъ, тотъ широкій плоскій трескъ, похожій на крикъ ‚а-ахъ‘ и было ‚застрѣлился‘.
— Какъ же онъ попадетъ на тотъ свѣтъ?
— А его похоронятъ.
— Похоронятъ? Развѣ онъ умеръ тоже?
— Да.
— И застрѣлился и умеръ?
— Да.
— И онъ больше не будетъ въ нашемъ домѣ?
— Нѣтъ.
— Значитъ, можно попросить извозчика?

— Какого извозчика?
— А отецъ не можетъ убѣжать, чтобы его на томъ свѣтѣ не наказывали?
— Нѣтъ Оттуда убѣжать нельзя
— Это хорошо—сказалъ я одобрительно
Эти два дня до похоронъ я былъ очень радостно возбужденъ и все ждалъ мать, чтобы подѣлиться съ ней планомъ насчетъ извозчика Но она не при ходила Отъ старшаго брата и сестры я скрывалъ свои мысли, какъ скрылъ то, что было въ кабинетѣ
Но когда въ утро похоронъ я увидѣлъ на дворѣ, въ квартирѣ, на лѣстницѣ и даже на улицѣ множество людей, и изъ нихъ никто не радовался, мнѣ тоже стало не по себѣ Внезапно у самого моего лица я увидѣлъ въ открытомъ черномъ ящикѣ спящаго человѣка съ рыжими усами и повязкой на круглой головѣ Я до нельзя испугался и сталъ пятиться назадъ, пробираясь и заблу дившись въ толпѣ ногъ
— Поцѣлуй папу, поцѣлуй—говорили вокругъ какіе то незнакомые и хва тали меня за руки
Я былъ увѣренъ, что какъ только приближусь къ спящему, онъ вскочитъ и закричитъ на меня, потому что теперь онъ знаетъ все, что я о немъ думалъ и замышлялъ Я въ ужасѣ кричалъ, царапаясь и кусая, чтобы только не ви дѣть этого бѣлаго лица съ черной повязкой наискось лба
Впрочемъ, потомъ все пошло весело Насъ посадили въ карету, гдѣ было просторно, не трясло и не дуло Противъ насъ сидѣла красивая дама въ большой шляпѣ, и отъ нея пахло лучше, чѣмъ отъ цвѣтовъ Я не спускалъ съ нея глазъ и думалъ, что если бы мама была такъ одѣта и такъ пахла, ее можно было бы цѣловать безъ конца Ея рука въ черной перчаткѣ лежала у окна кареты Я тихо придвинулся и, дѣлая видъ, что смотрю въ окно, прижался губами къ этой прекрасной, сладко пахнущей рукѣ Дама посмотрѣла на меня, но не отняла руки Сестра Оля замѣтила мой маневръ, ея глаза засверкали, и я понялъ, что она оскорблена за мать и ненавидитъ эту даму Я тихо отодвинулся, устыженный, уколотый и сладко-сладко взволнованный Меня поднимали на руки, я видѣлъ вокругъ себя много чужихъ людей, де ревья и холмы, покрытые снѣгомъ И вдругъ мимо меня толпа ворозато пронесла черный продолговатый ящикъ и въ немъ — я зналъ это — былъ мой отецъ, мой врагъ

Я рвался къ матери Пахучую даму я потерялъ изъ виду Я желалъ, чтобы его скорѣе закопали и чтобы мы такимъ образомъ навсегда освободились отъ него Я чувствовалъ, что онъ въ ящикѣ знаетъ эти мои мысли, но разъ его закопаютъ, онъ ужъ не будетъ въ силахъ что либо мнѣ сдѣлать А по томъ его накажутъ, будутъ жечь самъ виноватъ

Люди уходили назадъ и многie плакали У холма, но не бѣлаго какъ всѣ, а желтаго, я увидѣлъ свою мать Она была вся въ черномъ съ длинной чер ной, грубой на ощупь вуалью у шляпы Я почти не узналъ ее Въ рукахъ она держала бѣлый скомканный платокъ Возлѣ нея стоялъ высокій старый господинъ и говорилъ что-то

Я тихо пробрался къ ней по утоптанному снѣгу и, дернувъ за платье, сказалъ

— Мама, теперь онъ тебя не будетъ больше обижать Возьмемъ къ намъ извозчика у него лошадь.

Оба—она и сѣдой господинъ — наклонились надо мной Вдругъ съ другой стороны матери появилась Оля и, указывая на меня пальцемъ, проговорила

— Мама, онъ поцѣловалъ чужую даму, онъ поцѣловалъ у нея руку два раза въ каретѣ, когда мы ѣхали

Я нагнулся, и захвативъ горсть грязнаго утоптаннаго холоднаго снѣга, раз махнувшись, бросилъ его въ лицо Оли Мнѣ стало холодно въ паль цахъ, и мы оба некрасиво громко стали плакать у желтаго холма среди деревьевъ и печальныхъ людей

ПРИЗРАКЪ

Я думалъ, что разъ его зарыли, оставили одного тамъ среди холмовъ грязнаго снѣга и деревьевъ—онъ не вернется, не будетъ тревожить насъ Но онъ мучилъ насъ Все наше дѣтство было отравлено мыслью о немъ Онъ являлся неожиданно, большей частью поздно вечеромъ, безъ предупрежденія, и мы замирали, считая часы и минуты, когда ему вздумается уйти Память о его приходѣ жила день-два, потомъ медленно исчезала среди игръ солнца, ученія—и когда онъ, казалось, окончательно уже былъ забытъ, вдругъ снова появлялся Онъ входилъ позднимъ вечеромъ въ домъ, усаживался въ темной залѣ и игралъ на длинномъ желтомъ роялѣ

Конечно, мы знали, что играетъ тамъ въ темнотѣ, за запертой дверью мать, но чувствовали, что это онъ Съ черной повязкой наискось лба, съ небри той щекой, въ отложномъ воротникѣ, выступающемъ двумя треугольниками, онъ сидитъ, наклоняя и выпрямляя шею и играетъ Его руки разбѣгаются по клавишамъ, сходятся и опять разбѣгаются Ему все равно — на бѣлыхъ или черныхъ клавишахъ, онъ любитъ перекладывать крестомъ руки — лѣвую на правую и такъ играть На кончикахъ пальцевъ маленькіе желтые волдыри, и ему, вѣрно, больно Мать сидитъ у стола, гдѣ альбомъ, и слушаетъ Потому что между нею и имъ что-то есть, они что-то вмѣстѣ дѣлали нехорошее, позорное и связаны другъ съ другомъ жестокой цѣпью

Мать встала отъ стола, не ѣла Ея стаканъ чаю давно остылъ Поздно Низ кая висячая лампа освѣщаетъ бѣлую скатерть хлѣбъ и масло Мы, дѣти, уже въ спальнѣ, раздѣты, и всѣ трое въ моей кровати Юрій не любитъ, чтобы лѣзли въ его кровать, Оля спитъ съ мамой за перегородкой, но теперь боится быть одна Маленькаго Вадима уложили до ужина

Я объясняю

— Онъ ничего ей не сдѣлаетъ, потому что они были знакомы еще до насъ Пусть играетъ

— Насъ они не любятъ—говоритъ Оля

— *Глупости Ложитесь спать—произноситъ Юрій*

— А какъ же? Развѣ нѣтъ?—спрашиваю я

— Ничего нельзя знать—возражаетъ Юрій, наклоняя голову на бокъ и раскидывая руки ладонями вверхъ

— Къ чему онъ ходитъ?—говорю я лежалъ бы себѣ спокойно Что мы ему сдѣлали?

— Ты злой Ты всегда былъ злымъ—отвѣчаетъ Оля отца надо любить

У меня замираетъ сердце отъ мучительнаго чувства стыда, любви и болѣз ненной жалости къ самоубійцѣ, но я говорю

— Къ чему онъ приходитъ ее мучить? Онъ натравливаетъ на насъ мать Онъ велитъ ей, чтобы она кричала на насъ

Всѣмъ остановится страшно отъ этихъ словъ Я чувствую, что Юрій и Оля боятся меня и не любятъ за это

— И пусть И хорошо—думаю я и говорю

— Развѣ не такъ?—у меня бьется сердце —пока его нѣтъ все хорошо, но если онъ начинаетъ играть на роялѣ.

— Это мама играетъ а не ,—говоритъ Оля

— Рояль хотятъ продать—вставляетъ Юрій

— Почему продать?

– Потому что мы бѣдны

Мы сидимъ на моей кровати въ темной спальнѣ прислушиваемся къ музыкѣ изъ залы и видимъ, какъ висячая низкая лампа освѣщаетъ бѣлую скатерть и запертую дверь туда

Дверь туда бывала заперта плотно, страшно, загадочно, обидно И тамъ въ мягкой темнотѣ носились звуки и били по нашимъ маленькимъ сердцамъ Сколько лѣтъ это продолжалось! Мы боялись, чтобы вечеромъ за ужиномъ при наступившемъ молчаніи мать вдругъ не отодвинула бы стула и не ушла, оставивъ недоѣденный хлѣбъ

И не заперла бы дверь въ залу—плотно, страшно обидно

Поэтому мы старались говорить Поэтому мы говорили и шутили и разсказывали сплетни, доносили другъ на друга—только бы не наступило мол чаніе

Поэтому я передразнивалъ всѣхъ знакомыхъ, какъ они ходятъ, какъ здоро ваются И поэтому мать кричала на меня рвала больно за уши, чтобы от учить меня отъ этой привычки И такъ какъ меня били, братъ и сестра относились ко мнѣ, какъ къ потерянному, прòклятому

Но проходило три четыре мѣсяца, и мы, чего то дожидаясь, съ бьющимся сердцемъ сидѣли поздно ночью на моей кровати, закутавшись общимъ одѣя ломъ и слушали, какъ онъ въ черной повязкѣ, перекладывая накрестъ руки играетъ на длинномъ желтомъ роялѣ

Былъ одинъ день въ году, когда мы знали, что онъ придетъ 12 декабря, годовщина его смерти Въ этотъ день я никого не имитировалъ Собирались къ утреннему чаю раньше обычнаго, въ одиночку, и пили и ѣли виновато торопливо, чтобы скорѣе уйти съ глазъ матери

Мать ходила по столовой изъ угла въ уголъ и ступала твердо, какъ на улицѣ, отъ ея движенія носился маленькій холодный вѣтерокъ, и, такъ какъ бывало еще не топлено, она казалась замерзшей съ замерзшимъ сердцемъ Никогда она такъ не ходила по столовой

— Зачѣмъ вы встали сегодня такъ рано?—говорила она, не глядѣла на насъ и мы не отвѣчали —зачѣмъ встали? Чему вы обрадовались?

Она опять ходила, и страшный враждебный вѣтерокъ отъ нея касался нашихъ лицъ

— Безчувственныя дѣти Хотя бы кто нибудь помолился за него Никто! Злыя дѣти, безсердечныя

Опять наступало молчаніе Мы сидѣли опустивъ головы, не шевелясь, не глядя другъ на друга и изо всѣхъ силъ желая уйти поскорѣе уйти отсюда

— Что онъ вамъ сдѣлалъ, что вы ненавидите его? Вы знаете, какой сегодня день? Можетъ быть, вы забыли? Отъ васъ вѣдь всего можно ждать

Она останавливалась и, глядя на меня вбокъ, такъ что я видѣлъ ея блѣдныя щеки, говорила

— Вотъ этотъ только и умѣетъ смѣяться надъ всѣми Хорошо, что ты не зналъ отца, ты бы и надъ нимъ смѣялся

Тутъ Оля не выдерживала, начинала плакать и, утирая слезы попорядку всѣми пальцами, начиная съ большого, произносила

— Что же, если Власъ злой, то значитъ мы всѣ? Почему ты на всѣхъ говоришь? Почему мы за него виноваты?

Мать вынимала платокъ и, звякнувъ въ карманѣ ключами, тоже начинала плакать Можетъ быть, она этого и добивалась обидѣть насъ, чтобы легче было заплакать Она прикладывала лѣвой рукой платокъ къ глазамъ, часть его засовывала въ ротъ и такъ уходила изъ столовой, нащупывая ручку двери, какъ слѣпая Страшный день это былъ, длинный, темный, и разъ наканунѣ его я слышалъ, какъ Оля тихо сказала нашей служанкѣ

— Я бы хотѣла сегодня ночью умереть

Однажды осенью рано утромъ пришли шесть мужиковъ и топоча вынесли рояль Двери въ сѣни и на улицу стояли открытыми настежь, въ комнаты врывался вѣтеръ, было холодно умываться Когда мы одѣлись, рояля уже не было На его мѣсто внесли въ залъ тяжелый комодъ изъ столовой

Нѣсколько дней этотъ уголъ въ залѣ казался, какъ чужой, какъ не убранный Мы не говорили, но были рады, что рояля нѣтъ Какъ будто захлопнули двери передъ ‚нимъ‘—въ черной повязкѣ

И дѣйствительно, призракъ сталъ приходить рѣже Изъ Кіева пріѣхала тетя У насъ начали бывать гости, однажды танцовали Передъ большими празд

никами, правда, мать послѣ ужина запиралась въ темной залѣ, но такъ какъ не было слышно музыки, мы дѣлали видъ, что ничего не замѣчаемъ.
Медленно умирало наше дѣтство. Но на самомъ днѣ его, за разговорами, шутками и моими имитаціями все время прятался призракъ человѣка съ рыжими усами, небритой щекой и въ отложномъ воротникѣ.
Отчасти онъ былъ похожъ на ту фотографическую карточку, которая въ тяжелой черной рамѣ висѣла надъ диваномь у старыхъ часовъ.

МАТЬ *)

Я проснулся ночью и увидѣлъ, что темнота (особенно дверь въ столовую) стала розовой, въ изумленіи приподнялся и тотчасъ же услышалъ голосъ матери: — Дѣти, всѣ встать!
Она спала въ столовой за перегородкой вмѣстѣ съ моей сестрой. Ея голосъ былъ громкій, тревожный, не похожій на дневной.
Рядомъ проснулся Юрій, мой старшій братъ и сказалъ: — Пожаръ.
Мы быстро одѣвались въ розовой колыхающейся темнотѣ, я былъ доволенъ, что можно не умываться и надѣть сапоги на голую ногу, безъ чулокъ. Но когда одѣлись, увидѣли, что пожаръ былъ очень далеко, даже криковъ не слышно. Огромное низкое тучное розовое зарево свѣтило въ наши замерзшія окна.
— Далеко—сказалъ Юрій: можетъ быть въ драгунскихъ казармахъ.
Онъ смотрѣлъ на мать, когда говорилъ, потому что со мной и сестрой не разговаривалъ уже нѣсколько лѣтъ.
— Нѣтъ, навѣрное за мельницей,—отвѣтилъ я, смотря на мать.
— Я пойду, сказалъ Юрій.
Это значило, чтобы я ему далъ свои сапоги. Онъ любилъ пожары до страсти. Но я не отвѣчалъ, словно не понявъ.
— Я пойду,—повторилъ онъ, смотря на мать: пусть Власъ мнѣ дастъ сапоги.
— Власъ, дай,—сказала мать.
Я опять почувствовалъ, что всѣ въ этомъ домѣ противъ меня; не сходя со стула, не нагибаясь, я скинулъ сапоги.

---

*) Эта глава („Мать") была, вь первоначальномъ видѣ, напечатана въ изданіи „Утро".

Юрій ушелъ. Мы сидѣли втроемъ и молчали. Я смотрѣлъ на мать. Она окуталась платкомъ, закрывъ плечи, руки и грудь. Густые волосы ея были въ порядкѣ, такъ что казалось она вовсе не спала. Она сидѣла, не опираясь о спинку, не двигалась и глядѣла на снѣгъ. Ея лицо было строго, глаза молчаливы, щеки полны и блѣдны.

Сестра стояла у печки, заложивъ руки назадъ, какъ будто грѣясь. У нея было смуглое плаксивое лицо и упрямые глаза матери. Она моложе меня на годъ, но полнѣе.

При розовомъ свѣтѣ зарева и я ихъ отчетливо видѣлъ; мнѣ кажется, что я видѣлъ самого себя съ головой, ушедшей въ плечи, и оттопыренными неправильными ушами.

— Мнѣ холодно. Почему онъ забралъ мои сапоги?—говорю я.

— Печка холодная,—говоритъ сестра: эта дура плохо топитъ.

‚Эта дура' — такъ мы зовемъ нашу прислугу, на которую стараемся кричать всѣ трое: мать, сестра и я. Юрій съ ней не разговариваетъ.

Мнѣ представляется, что произошло что-то небывалое, изъ ряду выходящее. Ни разу не случалось, чтобы мы всѣ поднялись ночью, сидѣли одѣтые безъ лампы въ этой странной темнотѣ и чего-то ждали.

Слышно, какъ идутъ часы; я не люблю ихъ: они на сторонѣ матери. О чемъ она думаетъ въ платкѣ, въ темнотѣ? Она не смотритъ на насъ, не опирается о спинку стула, она ударила меня послѣ обѣда.

— За что ты ударила меня послѣ обѣда?—спрашиваю я: я ничего не сдѣлалъ.

Она не отвѣчаетъ, не шевелится, какъ будто не слышала.

— Мать всѣхъ бьетъ—говоритъ сестра у печки, голосъ ея дрожитъ.

— Только не Юрія. Юрій никогда не виноватъ—произношу я. У меня сжимается горло, дѣлается горько во рту.

— Если бы папа былъ живъ, не было бы такъ—говоритъ сестра.

Мать не отвѣчаетъ, не шевелится, сидитъ прямо, подъ рѣсницами ея тѣнь.

— Если бы папа былъ живъ, насъ бы не били. Мы не жили бы въ двухъ комнатахъ. Я не могу спать на стульяхъ, рѣжетъ бокъ — продолжаетъ сестра.

Я удивляюсь ея смѣлости, но думаю, что теперь въ эту небывалую розовую ночь, когда всѣ сидятъ одѣтые и Юрій куда-то ушелъ, все можно.

— Какъ у насъ ѣдятъ. Насъ держатъ, какъ собакъ,—говорю я: почему никогда не даютъ масла? Не дѣлаютъ сладкаго?
— Она не виновата. Какъ ей приказываютъ—защищаетъ сестра прислугу.
Мы говоримъ, словно матери нѣтъ въ комнатѣ.
— Юрій не имѣетъ сапогъ и долженъ ходить въ галошахъ, пока ему не купятъ новыхъ.
— Въ галошахъ нездорово ходить,—замѣчаю я.
— Матери нѣтъ дома цѣлый день, и прислуга кричитъ на насъ, не слушается. Вчера она толкнула Вадима.
— Я работаю для васъ. Я не танцовать иду—наконецъ произноситъ мать.
Это ‚танцовать‘ мы слышали такъ много разъ, что оно совершенно не дѣйствуетъ, мы просто не понимаемъ уже, что она говоритъ.
— Работать? Что же?—отвѣчаю я и чувствую, какъ у меня горько сохнетъ горло: всѣ работаютъ. Но почему на насъ смотрятъ какъ на собакъ и вѣчно кричатъ на насъ?
— Другихъ дѣтей ласкаютъ—отзывается сестра, и я доволенъ, что Юрій не слышитъ этого стыднаго слова ‚ласкаютъ‘.
— Она каменная—отвѣчаю я сестрѣ: ты каменная—обращаюсь я надорваннымъ голосомъ къ матери:—мы всѣ выростемъ разбойниками.
Тутъ я вижу, какъ изъ тѣни подъ ея рѣсницами что-то ползетъ свѣтлое, я вздрагиваю и узнаю—слезы.
— Если бы папа жилъ...—начинаетъ сестра.
Но я подбѣгаю къ ней, ударяю ее въ грудь и кричу прерывающимся, пищащимъ голосомъ:
— Молчи. Она плачетъ. Ты не видишь, что она плачетъ, подлая такая?
Сестра вдругъ садится, скользнувъ по печкѣ, на корточки и начинаетъ рыдать на всю комнату, въ розовой темнотѣ, ночью, когда на улицахъ морозъ, и заперты всѣ лавки.
— Мама,—говорю: мама—и поднимаюсь на цыпочки: ты вчера послала меня къ Рестелю попросить денегъ, я не былъ, я сказалъ, что не засталъ ихъ дома, я не былъ у нихъ. Мама, я не такой... я буду знаменитымъ.
Смутно вижу, какъ она кладетъ голову на подоконникъ и натягиваетъ платокъ на волосы, какъ отворяется дверь, и входитъ Юрій.
Потомъ сразу совершенно свѣтло, какъ всегда, какъ обычно. Я былъ въ обмо-

рокѣ Небывалое кончилось, мать одѣваетъ черную чопорную шляпу и спѣшитъ уйти Мнѣ подаютъ въ кровать горячій стаканъ очень сладкаго чаю

МЛАДШІЙ БРАТЪ

Его звали Вадимъ Онъ былъ тихъ и покоренъ, съ рыжими волосами, которые никакъ нельзя было причесать Никто въ домѣ его не замѣчалъ, онъ ползалъ на четвереанькахъ подъ столомъ и стульями и глядѣлъ, поднявъ вверхъ молчаливое лицо Я удивлялся, когда мать говорила о немъ, какъ о существѣ человѣческомъ, для котораго тоже надо что то сшить, что то сдѣлать О нашей бѣлой кошкѣ Чарка я больше заботился, чѣмъ о немъ Его не били, но онъ представлялся мнѣ лишнимъ въ домѣ

Однажды онъ заболѣлъ, вѣроятно, серьезно Меня удивило, что мать такъ хлопочетъ, не спитъ, зоветъ доктора Вѣдь она знаетъ, что онъ долженъ умереть

— Притворяется,—думалъ я и смотрѣлъ на нее злыми глазами, когда она поворачивалась ко мнѣ спиной

Вадиму тогда было семь лѣтъ, мнѣ—девять Утромъ я подошелъ къ нему Онъ лежалъ въ кровати матери, какъ и всѣ мы, когда заболѣвали Въ комнатѣ никого не было мать послѣ безсонной ночи спала одѣтая на кровати Юрія

Я сталъ въ ногахъ, за деревянной спинкой Видиму была видна только моя голова съ оттопыренными ушами и кисти рукъ, которыя я положилъ на спинку Тихо дребезжали, содрогаясь отъ уличной ѣзды, зимнія стекла Отъ свѣже выпавшаго снѣга потолокъ былъ свѣтлѣе обычнаго чуть-чуть казалось, что наступила Пасха

Вадимъ смотрѣлъ на меня молчаливыми глазами Его рыжіе волосы какъ будто порѣдѣли и слиплись въ отдѣльныя пряди Они мнѣ казались мокрыми

— Ты хочешь жить, Вадимъ?—спросилъ я его

Онъ отвѣтилъ однѣми губами; глаза и лицо не жили

— Да

— Для чего тебѣ жить?—спросилъ я тихо и почувствовалъ, что въ деревянной спинкѣ кровати застучало глухое сердце

— Для чего тебѣ жить?
Не удивляясь, не спрашивая, онъ продолжалъ смотрѣть на меня молчаливыми далекими глазами
— Я хочу
— Тебѣ не нужно жить Ты рыжiй
Сердце въ деревянной спинкѣ кровати стучало Я чувствовалъ, какъ доска ея, словно большое горе, прижалась къ моей груди
Проѣхала по улицѣ телѣга, и тихо тронулись зимнiя стекла нашихъ низкихъ оконъ, откуда невидимо пробирались въ наши тѣла болѣзни,—такъ мнѣ всегда казалось
— Я хочу жить,—сказалъ Вадимъ очень тихо и пошевелилъ рукой
Рука его была тоненькая, бѣлая, нѣжная, въ чистомъ рукавчикѣ сорочки, застегнутомъ на бѣленькой пуговичкѣ Тамъ, гдѣ застегивался рукавъ, онъ былъ свободенъ, не стягивалъ, не сжималъ упруго кисти Я почувствовалъ, что въ этомъ и есть болѣзнь И смерть
— Ты умрешь, Вадимъ Я ужъ чувствую Я знаю, что ты не будешь жить
— Нѣтъ, докторъ сказалъ, что я выздоровлю,—покойно больными, вялыми губами и куда-то глубоко-глубоко упавшимъ голосомъ произнесъ онъ
— Докторъ не знаетъ Я знаю, — отвѣтилъ я и наклонилъ голову такъ, что край спинки подошелъ подъ горло
— Почему т ,—сказалъ Вадимъ и еще что то такъ тихо, что я не разслышалъ
— Что?—переспросилъ я откашляйся, а потомъ говори
Такъ мы всегда говорили другъ другу брезгливо, особенно по утрамъ, когда горло еще хрипло, и голосъ не установился
— Почему ты это знаешь?—сказалъ онъ,—и я почувствовалъ тревогу и испугъ въ его голосѣ Какъ будто онъ боялся большого наказанiя
Я не умѣлъ бы объяснить ему мою мысль о рукавѣ сорочки Но, кромѣ того, было еще и другое
— Ты умрешь, потому что тебя прокляли Ты ужъ никогда не выздоровѣешь Надъ тобой лежитъ проклятiе
— Кто меня проклялъ?—спросилъ Вадимъ Его молчаливые далекiе глаза глядѣли на меня все время, какъ будто не подозрѣвали о нашемъ разговорѣ
— Мать Никто этого не знаетъ Я одинъ Ты былъ маленькiй и лежалъ въ колыбели Я спалъ въ той же комнатѣ Однажды ночью я проснулся и слы-

шалъ, какъ мать, раздѣтая, съ распущенными волосами, стояла возлѣ тебя и проклинала Вѣдь ты не нашъ Ты чужой

— За что она меня?

— За то, что ты плакалъ и мѣшалъ ей спать Ты чужой Никто не помнитъ, когда ты явился къ намъ Она держала свѣчу—я все помню Вотъ въ этомъ подсвѣчникѣ

Я быстро подошелъ къ шкапу, подпрыгнулъ, ударилъ въ подсвѣчникъ и подхватилъ его на лету Это былъ мѣдный, въ зеленыхъ пятнахъ, старый, низкій подсвѣчникъ, съ которымъ прошло мое дѣтство Отъ старости онъ даже пахъ чѣмъ то острымъ въ родѣ чеснока

Я стоялъ съ подсвѣчникомъ у самой его головы Онъ протянулъ руку—тоненькую, бѣлую, нѣжную, изсохшую и осторожно взялъ подсвѣчникъ, какъ будто онъ былъ очень хрупкій Потомъ поставилъ его на свою высоко-взбитую, почти не измятую подушку около худой щеки

— Пусть я умру—сказалъ онъ тихо Я буду въ могилѣ, и она пожалѣетъ меня

Я убѣжалъ на чердакъ, гдѣ у меня были устроены самодѣльныя качели, раскачивался, дулъ на озябшіе пальцы и говорилъ громко

— Я подлый мальчикъ Нѣтъ у меня сердца

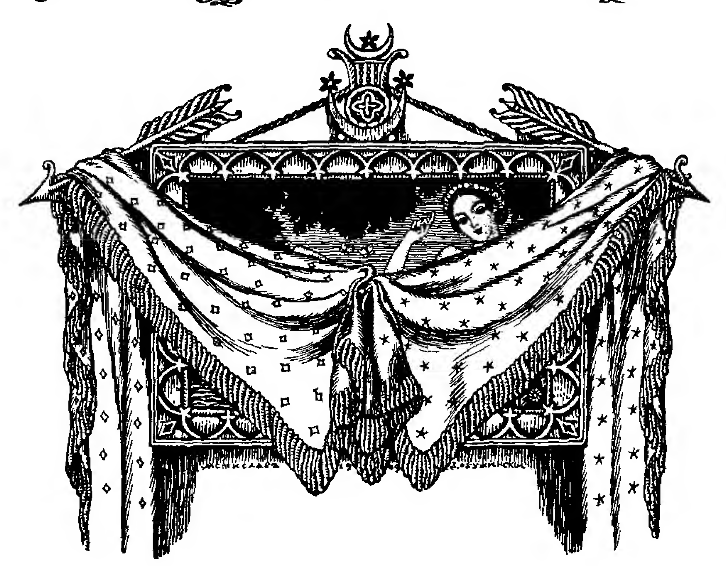
Хотѣлъ плакать, но выдавилъ изъ себя только двѣ холодныя слезы у самыхъ угловъ глазъ До вечера я чувствовалъ ихъ и теръ глаза, чтобы освободиться отъ ихъ холода

Мать сдѣлала выговоръ зачѣмъ я трогалъ подсвѣчникъ со шкапа

(Продолженіе слѣдуетъ)

НОЧНОЙ ПРИНЦЪ

романтическая повѣсть



С. АУСЛЕНДЕРЪ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

въ которой говорится о странныхъ мечтаніяхъ Мищи Трубникова, о купальщицѣ разбитой тарелкѣ и желтой дамѣ

На оныхъ изображены персоны'
(Изъ аукціонныхъ публикацій)

ГОСУДАРЬ мой Всякій поступокъ долженъ имѣть свои причины Чѣмъ прикажешь извинить вчерашнее твое поведеніе? Сервизъ, изъ коего ты разрознилъ рыбную смѣну стоилъ мнѣ 500 рублей ассигнацiями, но ты знаешь, что не убытокъ возмутилъ меня Наденька и я съ тревогой ожидаемъ твоихъ объясненій, такъ какъ припадокъ твой охотнѣе считаемъ мгновеннымъ затменіемъ разума, чѣмъ дерзостью

Остаюсь преданнымъ слугой твоимъ

Князь Григорій

Уже не слишкомъ раннее утро тусклаго, мятельнаго петербургскаго дня и письмо на толстой сѣрой бумагѣ, надписанное почеркомъ тонкимъ и строгимъ—Милостивому Государю Михаилу Ивановичу Трубникову въ красный домъ противу Вознесенья, въ собственныя руки—разбудили молодого человѣка въ большой квадратной комнатѣ, соединяющей въ себѣ нѣкоторое притязаніе на роскошь и заброшенность почти нежилого помѣщенія

Было ему на видъ лѣтъ пятнадцать Тонкія черты его не были лишены пріятности, хотя ихъ нѣсколько портили коротко и неровно подстриженные волосы и блѣдность лица

Смущенно скомкалъ онъ полученное письмо, сунувъ его подъ подушку, почти не читая Тяжелая растерянность охватила его Безпокойный блескъ глазъ говорилъ о какихъ то тайныхъ, мучительныхъ тревогахъ Еще не совсѣмъ отошли ночныя видѣнія, каждую ночь одни и тѣ же въ этой комнатѣ, а письмо съ досадной живостью напомнило ему всѣ событія вчерашняго дня и за ними длинной цѣпью другихъ дней тоскливыхъ и тягостныхъ Все смѣшивалось и все томило и скучный наставительный голосъ князя Григорія, и розовое личико Наденьки, въ которую онъ еще недавно считалъ себя влюбленнымъ, и завѣшанная купальщица на стѣнѣ въ дядиномъ кабинетѣ, и разговоры съ Пахотинымъ тягостные и влекущіе, и вечеръ въ ресторацiи, и она, своей улыбкой переполнившая чашу всѣхъ мучительствъ и сомнѣній, оболь

стительное навожденіе, лукавая прелестница, отъ которой остались послѣ вчерашняго обѣда одни черепки, но странными чарами живая теперь навсегда въ безкпокойныхъ снахъ, въ сумеречныхъ видѣніяхъ, колдунья въ желтыхъ шелкахъ, съ тайнымъ намекомъ трехъ мушекъ, носящая пышное и роковое имя—она, Маркиза Помпадуръ

— А вы бы, сударь, вставали,—со сдержаннымъ осужденіемъ сказалъ, наконецъ, Кузьма, потому что Миша, натягивая одѣяло на голову, дѣлалъ отчаянную попытку отвратить несносную минуту вставанья, въ чемъ старый слуга, справедливо, находилъ непорядокъ

Какъ-бы пойманный на мѣстѣ преступленія, Миша началъ одѣваться съ покорной поспѣшностью, не рѣшаясь даже поставить на видъ Кузьмѣ непочищенныхъ сапогъ и нерасправленнаго мундирчика Почтительная наглость избалованнаго лакея угнетала его и приводила въ раздраженіе, которое онъ, впрочемъ, всѣми силами старался скрыть, равнодушно задавая вопросы о погодѣ и дѣлахъ несложнаго дядинаго хозяйства, надъ коимъ былъ онъ теперь поставленъ временнымъ господиномъ

Миша наскоро окончилъ несложный свой туалетъ, даже не пригладивъ смѣшно торчащіе кустики волосъ, обезображенныхъ небрежной рукой лицейскаго цирульника Ефимыча Кузьма подалъ ему на исцарапанномъ подносѣ убогій завтракъ, помахавъ метелочкой по диванамъ и столу, исполнилъ обрядъ уборки комнатъ и, наконецъ, уплелся на людскую половину, что то ворча себѣ подъ носъ о непорядкахъ Жареная картошка съ селедкой и вчерашнее пересушенное въ мочалку мясо отбивали аппетитъ Во рту было гадко, вялость послѣ тяжелаго сна не пропадала По привычкѣ Миша сталъ ходить по комнатамъ—ихъ было пять, и каждая страннымъ убранствомъ своимъ походила одна на другую Казалось хозяинъ ихъ, сдѣлавъ удачный набѣгъ на дворецъ Бахчисарайскаго султана, не зналъ куда помѣстить награбленныя богатства и заполнилъ всѣ комнаты свои оттоманками, мягкими коврами, парчевыми занавѣсями съ полумѣсяцемъ и арфами, цвѣтными фонарями, золочеными саблями и кинжалами, словомъ, всѣмъ, что даетъ обстановкѣ названіе ,восточной Затѣйливыми ширмами съ огненными птицами и золотыми драконами были тщательно заставлены всѣ принадлежности домашняго обихода, обѣденный столъ, кровать, умывальникъ, чтобы ни одинъ изъ презрѣнныхъ сихъ предметовъ не выдавалъ, что это мирное обиталище почтеннаго, правда, холостого

чиновника 5-го класса, а не легкомысленный прiютъ для какихъ-нибудь нескромныхъ утѣхъ молодого повѣсы Такова была фантазiя Мишинаго дяди Дмитрiя Михайловича Трубникова, въ квартирѣ котораго проводилъ онъ одиноко свои рождественскiе каникулы, преслѣдуемый странными, часто самому ему непонятными мыслями, мечтами и даже видѣнiями

Тихо раздвигая свѣшивающiяся надъ каждой дверью занавѣси, переходилъ Миша изъ комнаты въ комнату, останавливался у замерзшихъ оконъ за которыми густо валилъ снѣгъ и, въ пустынномъ переулкѣ, спѣшно пробѣгалъ рѣдкiй прохожiй, представляя своей закутанной фигурой, какой стоитъ на улицѣ морозъ, и уже сладкая, знакомая томность раннихъ сумерекъ и пустыхъ комнатъ овладѣла имъ

У Вознесенья изрѣдка звонили. Еще разъ постоявъ у окна, Миша тихо, тихо, какъ-бы прокрадываясь по мягкимъ коврамъ, прошелъ всѣ комнаты, помедлилъ у послѣдней двери, оглядѣлся и вошелъ Это была большая комната съ четырьмя диванами по стѣнамъ, называвшаяся почему то кабинетомъ Съ притворной небрежностью Миша побродилъ по комнатѣ, потрогалъ замысловатые чубуки, стройнымъ рядомъ выставленные въ бронзовой подставкѣ, погрѣлъ руки у жарко натопленной печи, и только развалившись въ шелковыхъ подушкахъ дивана, наконецъ, поднялъ глаза На противоположной стѣнѣ висѣла завѣшенная купальщица Уѣзжая, дядя закололъ двумя концами окружающихъ ее занавѣсокъ, сказавъ со смѣшкомъ ,это для тебя еще рано' Только голова въ голубомъ вѣнкѣ въ полуоборотъ и кончикъ голаго плеча были видны на зеленоватомъ небѣ Сначала Миша не поддавался власти этихъ ласковыхъ глазъ, равнодушно даже что то посвистывалъ и твердо убѣждалъ себя, что все это чушь и дребедень, но незамѣтно для себя онъ уже скоро не отрывался отъ задорнаго и слегка, какъ будто, удивленнаго лица купальщицы Все тѣло сдѣлалось сухимъ, какъ въ лихорадкѣ, и только шелкъ подушекъ холодилъ прiятно и нѣжно Такъ пролежалъ онъ на низкомъ диванѣ до самой темноты Почти сливались очертанiя мебели и едва-едва смутно выступало розовое плечо и лицо задорное и вмѣстѣ съ тѣмъ печальное и напряженное

Вдругъ ему показалось, что портретъ пошевелился

Совсѣмъ слегка дрогнули углы губъ, и Миша узналъ вчерашнюю улыбку желтой дамы, взглянувшей на него въ ту минуту, когда онъ въ смущенiи

тыкалъ ножемъ рыбную котлету Стыдъ окрасилъ его щеки ,Погоди же, проклятая колдунья'—прошепталъ онъ съ злобной горечью, вспомнивъ о вчерашнемъ позорѣ и разбитой тарелкѣ

Порывисто вскочилъ онъ и трепетной рукой сорвалъ занавѣску

Плотная туника покрывала все тѣло ея, кромѣ кончика плеча, и еще явственнѣй различилъ онъ насмѣшливую улыбку Быстро, едва задерживая шаги, чтобы не побѣжать, вышелъ Миша изъ кабинета Нѣжный, какъ звонъ тысячи серебряныхъ колокольчиковъ, смѣхъ преслѣдовалъ его изъ темноты комнатъ. Кузьма храпѣлъ въ передней На ходу натягивая шинель, Миша бросился на улицу

— Ба! Куда? А я вчерашній вечеръ —Улыбающійся, весь въ снѣгу стоялъ въ подъѣздѣ Пахотинъ, хлопалъ рука объ руку и захлебываясь уже что то разсказывалъ, ни мало не обращая вниманія на растерянный видъ пріятеля

ГЛАВА ВТОРАЯ,

въ которой говорится о роковой встрѣчѣ, Мишиной неловкости, о балетѣ и многомъ другомъ

КОНЧИЛСЯ второй актъ ,Торжество Клектомиды или лѣнивый обольститель' Сдѣлавъ прощальный пируэтъ, Истомина улетѣла въ розовыя кулисы Кордебалетки улыбались каждая своему обожателю

Пахотинъ неистовствовалъ Сорвавшись со своего мѣста въ тринадцатомъ ряду, онъ подбѣжалъ къ оркестру, безцеремонно растолкавъ нѣсколькихъ штатскихъ старичковъ, и хлопалъ, перевѣсившись черезъ барьеръ, пока пухленькій амуръ изъ веселой толпы воспитанницъ лукаво не погрозилъ ему золоченной стрѣлой Тогда онъ возвратился на свое мѣсто потный и торжествующій, мало стѣсняясь насмѣшливыхъ улыбокъ гвардейскихъ франтовъ и дамъ, наводящихъ на него изъ бель-этажа язвительные лорнеты

— Цыдулька моя возымѣла дѣйствіе Знатную протекцію себѣ я составилъ Ты замѣтилъ ли, какъ она сложена? Только шестнадцатый годъ пошелъ, а князь Василій увѣряетъ будто

Пахотинъ говорилъ громко и хвастливо Миша слушалъ его, восхищаясь и завидуя Онъ то краснѣлъ отъ стыда, что къ ихъ разговору прислушиваются

любопытные сосѣди, то блѣднѣлъ отъ волненія, когда слова его друга становились слишкомъ нескромными и увлекательными
— Полно, полно Что ты,—смущенно бормоталъ онъ, вмѣстѣ и боясь и желая продолженія соблазнительныхъ рѣчей
— Да что Я тебѣ такое покажу! Поѣдемъ сегодня съ нами ужинать У меня карета припасена, прямо отсюда и поѣдемъ,—уговаривалъ Пахотинъ пріятеля и нагибаясь разсказывалъ шепотомъ послѣднія подробности, такъ что старичекъ, сидѣвшій спереди не удержался, громко крякнулъ и потянулъ ухо въ ихъ сторону
Миша вспомнилъ, что у него въ карманѣ шесть рублей, которыхъ должно хватить къ тому-же до конца праздниковъ, и рѣшительно отказался Пахотинъ обидѣлся и ушелъ курить
Пышная зала съ нарядной публикой съ золотомъ и свѣтомъ томила Мишу. Разсказы Пахотина, нимфы и амуры въ полупрозрачныхъ одеждахъ, открывающихъ розовое трико, обманно манящее воображеніе, модницы въ ложахъ съ открытыми для жадныхъ взоровъ шеями и руками, самый воздухъ сладкій и теплый, исполненный соблазна,—все сливалось въ одно томительное желаніе
— Благодарствуйте,—съ чопорной улыбкой сказала дѣвица въ сиреневомъ платьѣ, когда Миша поднялъ оброненную афишку и весь пунцовый на нѣсколько секундъ заградилъ ей проходъ Она съ изумленіемъ посмотрѣла ему прямо въ глаза, не понимая его смущенія
— Благодарствуйте,—еще разъ произнесла она и слегка отодвинула его локоть, мѣшавшій пройти Миша долго стоялъ какъ въ столбнякѣ, хотя онъ даже не разглядѣлъ красива ли она или нѣтъ Сосѣди посматривали на него пренебрежительно—онъ отдавилъ имъ всѣ ноги, оказывая неловкую услугу барышнѣ
— Что я тебѣ покажу Пойдемъ ка Пойдемъ ка,—вновь тормошилъ его Пахотинъ, таща за руку изъ залы, хотя музыканты уже готовились начать прелюдію, а капельдинеры тушили свѣчи
Въ узенькомъ корридорѣ прогуливались, толкались и волочились У третьей ложи съ лѣвой стороны было какъ то особенно тѣсно Около колонокъ толпилось нѣсколько улановъ и штатскихъ Дамы, проходя, оглядывались презрительно Миша еще черезъ головы разглядѣлъ высокій съ бѣлыми перьями токъ изъ сѣраго мѣха

Пахотинъ ловко протолкнулъ его впередъ На ступенькахъ къ ложѣ стояла дама На ней было платье темно-розоваго бархата, драгоцѣнное колье ослѣпляло и мѣшало разглядѣть камни подробнѣе, сережки—крупный жемчугъ въ золотыхъ полумѣсяцахъ—свѣшивались почти до плечъ Черные слегка вьющiеся волосы и нѣжная смуглость лица говорили о южной родинѣ дамы Пудра, ярко накрашенныя губы и глаза, тонко подведенные голубой краской, преднамѣренной искусственностью своей придавали лицу невыразимую соблазнительность Она была стройна и тонка, какъ мальчикъ Казалось, она не обращала никакого вниманія на глазѣющую публику Сѣрые, темные глаза ея были равнодушны и печальны Какъ королева, она спустилась со ступенекъ, подобравъ тяжелый подолъ въ золотыхъ звѣздахъ, толпа разступилась передъ ней съ шепотомъ Медленно прошла она по корридору и скрылась въ дамской уборной

— Кто эта?—толковали въ кучкѣ мужчинъ Точно никто не зналъ

— Испанка Графъ Н вывезъ,—сказалъ кто-то неувѣренно

— Неправда, та была толстая

— Похудѣла .

— Съ чего бы ей худѣть?

Всѣ смѣялись возбужденно На проходящихъ красавицъ даже не смотрѣли И правда, всѣ женщины послѣ нея казались грубыми, непривлекательными и одѣтыми бѣдно и безъ вкуса

Когда Миша входилъ въ полутемную залу, помраченный, взволнованный, на сценѣ уже танцовала Истомина, расплетая желтую вуаль, поднимаясь на носки, кружась, изнемогая и маня, лѣнивый Гульямъ лежалъ на одинокомъ ложѣ, а девять музъ, ссорясь въ сторонкѣ, готовили побѣду своей любимицѣ

Во время дѣйствія Миша не разъ украдкой посматривалъ на третью ложу съ лѣвой стороны

Дама сидѣла совершенно одна, облокотясь въ небрежной позѣ на барьеръ Развернутый вѣеръ закрывалъ нижнюю половину лица и только глаза, какъ бы исполняя докучливую работу, равнодушно наблюдали возню, происходившую на сценѣ

Въ эту минуту Клектомида уже соблазнила лѣниваго Гульяма и поднявшись онъ выражалъ въ быстромъ танцѣ пламень страсти, Клектомида—свою ра

дость, а всѣ участвующіе (девять музъ, амуры, нимфы, пейзане и пейзанки, турки и Аврора), кружась въ grande valse finale,—общее удовлетвореніе Наконецъ, кавалеръ упалъ на одно колѣно и подавъ руку балеринѣ, помогъ ей взлетѣть ему на плечо; всѣ застыли въ живописныхъ позахъ

Занавѣсъ медленно опустился, скрывая блаженство торжествующей Клектомиды и ея нерѣшительнаго возлюбленнаго

Въ корридорѣ Миша потерялъ Пахотина Онъ не помнилъ, въ какой сторонѣ оставилъ свою шинель, и машинально пошелъ налѣво Лакей уже накинулъ дамѣ синюю на соболяхъ шубку и, прокладывая ей дорогу, толкнулъ Мишу весьма неучтиво Тотъ гнѣвно оглянулся и встрѣтился съ ней лицомъ къ лицу На одну секунду она пріостановилась подъ его почти безумнымъ взглядомъ Ему показалось, что совсѣмъ слегка углами губъ она улыбнулась Это была та же проклятая улыбка Миша отступилъ на шагъ, отдавилъ чей то подолъ и оступившись, полетѣлъ черезъ три ступеньки головой внизъ Когда онъ поднялся, дамы уже не было Два лакея, взявшись за бока, хохотали, указывая на него пальцами Сконфуженный, потирая ушибленное мѣсто, Миша поспѣшилъ спрятаться въ толпѣ и найти свою шинель

Гвардейцы въ тяжелыхъ бобрахъ громко сговаривались куда отправиться Дамы, выставляя изъ подъ шубъ ножки въ золоченныхъ туфляхъ, жеманно пищали У подъѣзда гарцовали съ факелами два жандарма Дворники бѣгали и выкрикивали кареты

— Иванъ съ Галерной,—кричалъ кто-то пронзительно

— Завтра, милая, завтра

Кого то подсаживали, кому-то цѣловали ручку, изъ быстро захлопнувшейся дверцы кареты вывалилась записка и офицеръ ловко поймалъ ее на лету Миша пробирался сквозь веселую толпу, одинокій и сумрачный На площади онъ едва перелѣзъ черезъ сугробы, навалившіеся за вечеръ Отбиваясь отъ наѣзжающихъ ванекъ, онъ вышелъ на Невскій

— Пади, пади,—раздался свирѣпый крикъ и Миша едва успѣлъ броситься изъ подъ кареты въ снѣгъ

У тусклаго фонаря онъ ясно разглядѣлъ въ промелькнувшемъ окнѣ двѣ соединенныя поцѣлуемъ тѣни

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

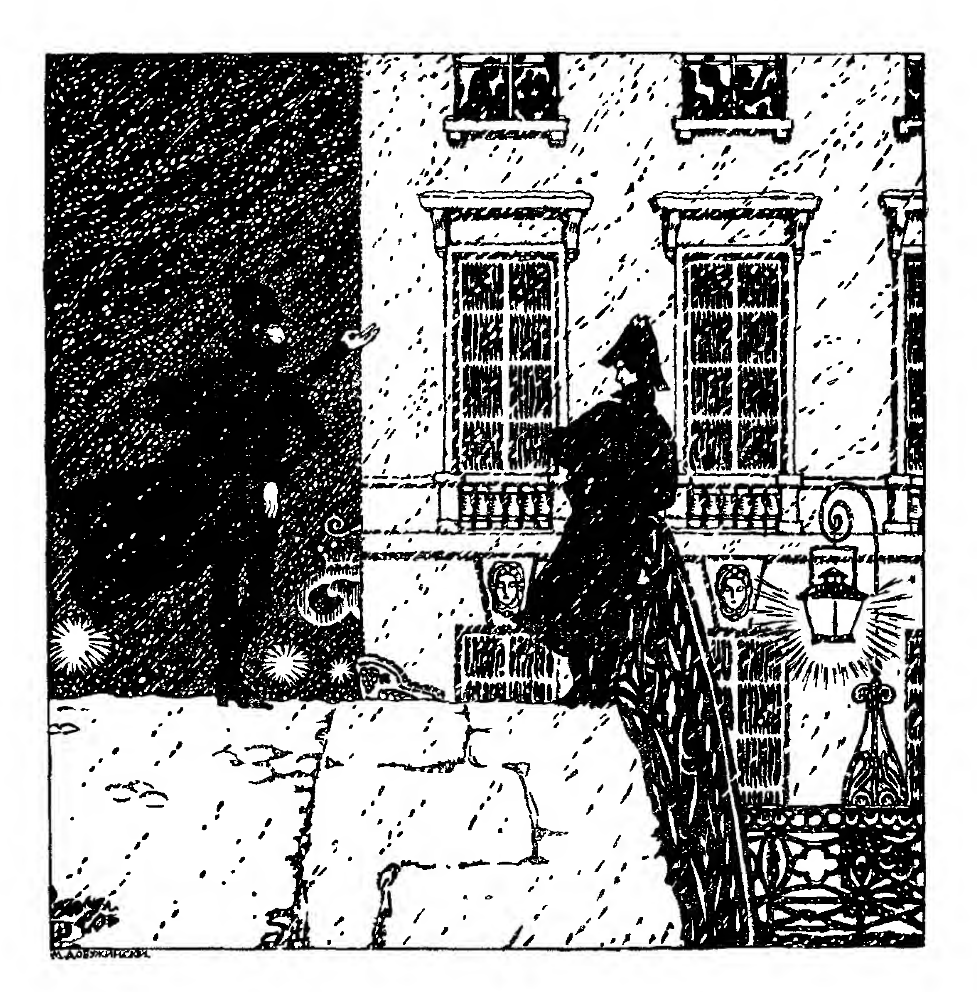
въ которой заключены скучныя, но необходимыя разсужденія на мосту

МИША шелъ уткнувшись въ воротникъ и засунувъ руки въ карманы Охваченный тяжелымъ волненіемъ, онъ не замѣчалъ ни мороза, ни снѣга, задавшагося, казалось, цѣлью засыпать весь городъ по самыя крыши, ни улицъ, которыя онъ быстро проходилъ одну за другою, поворачивая за углы, возвращаясь назадъ, опять идя прямо, какъ бы предавшись какой-то посторонней силѣ, благой и премудрой
Наконецъ онъ остановился на высокомъ мосту надъ канавкой

Снѣгъ густой сѣткой заплеталъ дома и, казалось, кругомъ разстилалась глухая площадь, на которой бѣгали, кружились, сплетались существа, то угрожающія и злобныя, то манящія и ласковыя Облокотясь на парапетъ, Миша прислушивался къ причудливой ихъ игрѣ Снѣгъ замелъ почти весь мостъ съ высокими статуями и нѣжно ложился на плечи, голову и руки

Такъ стоялъ онъ, вглядываясь въ мятель, пока не почувствовалъ острой боли въ отмерзающихъ пальцахъ
Тогда Миша попрыгалъ на серединѣ моста и, прячась отъ вѣтра, обернулся къ противоположной сторонѣ Сквозь снѣгъ свѣтился второй этажъ углового дома по набережной Танцующія пары проходили одна за другой въ освѣщенныхъ окнахъ

Какъ зачарованный, не могъ оторваться Миша отъ праздничнаго зрѣлища За полузамерзшими стеклами, призраками казались ему легко скользившія, присѣдавшія и кружившіяся пары Въ плавныхъ движеніяхъ ихъ передавалась и неслышная музыка, и нѣжныя улыбки, и томные вздохи, и всѣ онѣ казались ему веселыми, нарядными и влюбленными
— Кавалеры стараются изрядно, но дамы ужъ слишкомъ заглядываются на насъ Развѣ вы не находите такое поведеніе ихъ не совсѣмъ приличнымъ?
Высокій незнакомецъ въ мѣховомъ картузѣ, неизвѣстно откуда взявшійся, стоялъ совсѣмъ рядомъ съ Мишей, тоже пристально вглядываясь въ окна, и говорилъ такимъ тономъ, будто только одну минуту тому назадъ прервали они длинный разговоръ, который онъ и возобновилъ опять этимъ обращеніемъ



— Вы думаете они замѣчаютъ насъ?—спросилъ Миша, оборачиваясь къ нему

— Замѣчаютъ ли они насъ? Какая невинность! Для кого же по вашему мнѣнію тогда всѣ эти пышности?—воскликнулъ тотъ съ веселымъ смѣхомъ, который чѣмъ-то не понравился Мишѣ

Нѣсколько минутъ они помолчали Незнакомецъ заговорилъ первый, вкрадчиво касаясь плеча Мишинаго

— Дорогой принцъ, я знаю, что не простой мальчишескій капризъ ваши меланхолическія настроенія, но неужели нѣтъ никакихъ средствъ противъ вашихъ печалей? Неужели я, въ преданности котораго, надѣюсь, вы не сомнѣваетесь, не могу ничѣмъ помочь вамъ?

Миша прервалъ его весьма нетерпѣливо

— Прежде всего, сударь, вы очевидно введены въ заблужденіе, называя меня почему то принцемъ, а во-вторыхъ позволю себѣ замѣтить, что никогда я не имѣлъ даже случая, гдѣ либо съ вами встрѣчаться, а не только давать вамъ право задавать вопросы, которые кажутся мнѣ болѣе чѣмъ странными

И порывисто повернувшись, онъ намѣревался покинуть неучтиваго собесѣдника

— Штрафъ, штрафъ,—воскликнулъ тотъ съ такой простодушной веселостью, что Миша невольно остановился, заинтересованный его рѣчью —Я плачу штрафъ Я нарушилъ ваше инкогнито Я преступилъ мудрое правило не замѣчать чужого раздраженія Конечно, сударь мы никогда не встрѣчались съ вами и даже самое имя ваше мнѣ неизвѣстно, какъ и вамъ мое Только поэтому я приплелъ случайно попавшійся на языкъ титулъ Только поэтому Но пустая обмолвка моя вѣдь не помѣшаетъ же намъ провести эту ночь вмѣстѣ, такъ какъ ни я, ни вы, кажется, не имѣемъ пока ни малѣйшей охоты возвращаться въ наши конуры —И онъ вдругъ засмѣялся такъ пронзительно, что Миша опять сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, которое сразу успокоило страннаго шутника, и онъ продолжалъ, хотя и не безъ усмѣшки

— Итакъ, мы проведемъ эту ночь, печально вздыхая о нашемъ бѣдственномъ положеніи. Мечтательно будемъ наблюдать съ моста сквозь тусклыя стекла чужое веселье Тамъ у дома еврейскаго банкира на набережной бѣдный поэтъ, прислонясь къ столбу и заведя глаза къ двумъ окнамъ второго этажа, еще разъ со слезами повѣдаетъ мнѣ трогательную повѣсть о прекрасной Джессикѣ и жестокомъ жидѣ Не такъ ли?

— О какомъ жидѣ толкуете вы?—пробормоталъ Миша, достаточно спутанный и заинтересованный безсвязной болтовней, смыслъ которой совершенно ускользалъ отъ него

— О, въ прекрасную Джессику влюблены всѣ бродячіе, печальные поэты, какъ мы, съ блаженной памяти временъ господина Шекспира Но я ничего не утверждаю Можетъ быть, таинственная испанка будетъ предметомъ сегодняшнихъ импровизацій или даже вѣчно очаровательная Маркиза Помпадуръ, часто не дающая спать воображенію нѣкоторыхъ молодыхъ людей

— Откуда вы знаете объ этомъ?—крикнулъ Миша въ гнѣвномъ ужасѣ

— Вотъ вы и выдали себя, мой другъ,—дотрогиваясь до Мишиной шинели засмѣялся онъ —Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго Поэты любятъ мечтать о невозможномъ

— О невозможномъ —повторилъ Миша съ глубокимъ вздохомъ.

— Но, дорогой принцъ,—заговорилъ незнакомецъ неожиданно серьезно — Вѣдь именно невозможнаго хотѣли вы Нашъ уговоръ былъ именно промечать эту ночь о невозможномъ Да замолчите-же вы! Надоѣли Тсс-съ,—закричалъ онъ, замахавъ руками по направленію освѣщенныхъ оконъ И вдругъ, какъ будто по условленному знаку, всѣ они разомъ погасли, и снѣгъ окуталъ тусклой своей пеленой танцующихъ, самый залъ набережную, все, что освѣщалось яркимъ огнемъ залы

Миша пораженный молчалъ Незнакомецъ продолжалъ свою рѣчь ласково

— Да и стоитъ ли желать чего нибудь кромѣ невозможнаго? Стоитъ-ли даже терять время, чтобы сказать ‚я хочу возможнаго, земного, простого‘, нѣтъ, дорогой принцъ это только роковая ошибка — ваша печаль что не сойдетъ къ вамъ плѣнительная купальщица, чтобы замкнуть кругъ ограниченный и глухой и не оставить никакихъ просторовъ для нашихъ мечтаній Госпожа Помпадуръ вѣроятно, охотно бы исполнила всѣ ваши желанья, но вѣдь вы сами истребили ее какъ только она попробовала воплотиться и выйти изъ своего фаянса Впрочемъ не буду вспоминать этого непріятнаго, почему то, вамъ случая,—поспѣшилъ закончить онъ примирительно, чувствуя опять неудовольствіе своего собесѣдника

Миша упорно молчалъ Незнакомецъ опять заговорилъ съ воодушевленіемъ, мало стѣсняясь этой неучтивостью

— Вы даже не можете себѣ представить какая бы скучная путаница произошла, если бы всѣ наши мечтанія сбылись Благородная профессія поэтовъ была бы упразднена Всѣ пылкіе, блѣдные отъ томности любовники соединились бы и прекратились бы веселыя ночи вздоховъ, печальныхъ свиданій черезъ окна, робкихъ клятвъ слезъ, серенадъ, переодѣваній, погони, мрачныхъ разлукъ, всего, что поютъ поэты и что въ сущности только постоянная мечта о невозможномъ Хмурьтесь, плачьте, дорогой принцъ, но не измѣняйте нашимъ профессіональнымъ обязанностямъ Мы поэты — намъ надлежитъ быть не слишкомъ веселыми Положимъ, послѣдній совѣтъ для васъ вполнѣ безполезенъ Вы добросовѣстны въ этомъ отношении какъ десять поэтовъ, которые готовятся излиться въ элегіяхъ, стансахъ или даже грянуть грозной балладой

Но наконецъ истощился весь запасъ словоохотливости даже у него и оба они замолчали—Миша безнадежно и обидчиво, незнакомецъ насмѣшливо и ожидающе

Мятель унималась и только по временамъ поднятыя вѣтромъ пролетали безчисленными стройными рядами снѣжныя искры, какъ мягкія волны, и опять успокаивались спадая Снѣгъ же падалъ медленными, тяжелыми, ровными хлопьями и неясно выступали рѣдкіе фонари улицъ

— А вотъ и баронъ,—воскликнулъ незнакомецъ, ужъ давно безпокойно, какъ будто, кого то поджидающій

Дѣйствительно въ ту же минуту на мостъ вступилъ еще человѣкъ, роста ниже средняго, въ цилиндрѣ и модной шубѣ Онъ не только вѣжливо поклонился Мишѣ, сурово обратившемуся къ нему на возгласъ, но даже попытался расшаркаться по бальному уставу и едва не упалъ поскользнувшись поддержанный первымъ незнакомцемъ, который весело представилъ его

— Господинъ баронъ прошу любить и жаловать Большой филозовъ, покровитель искусствъ и человѣкъ весьма разсудительный Надѣюсь, съ его помощью мнѣ удастся скорѣе убѣдить васъ въ вашемъ призваніи довольствоваться благородной профессіей печальнаго поэта, мечтающаго по цѣлымъ ночамъ о прелестяхъ разбитой маркизы и не желать сдѣлаться самодовольнымъ шелопаемъ, услаждающимъ себя ограниченными и грубыми утѣхами съ какой-нибудь дѣвкой

— Шутъ, — прервалъ его баронъ, впрочемъ скорѣе все-таки одобряющимъ голосомъ

— Ловлю васъ на словѣ и напоминаю иаше условіе, — отвѣтилъ тотъ, какъ бы задѣтый за живое и весьма неуважительно хлопнулъ собесѣдника по цилиндру, надвинувъ его на самый баронскій носъ, на что его милость только весело разсмѣялась, еще разъ воскликнувъ Шутъ

— Мы еще поговоримъ съ вами, любезнѣйшій, — оборачиваясь опять къ Мишѣ, многозначительно оборвалъ незнакомецъ и съ прежней живостью заговорилъ

— Однако прежде чѣмъ начать веселую ночь печальныхъ приключеній, я думаю, не худо будетъ слегка подкрѣпиться Къ тому-же ‚Розовый Лебедь' не заставитъ насъ дѣлать особеннаго крюка Ваше мнѣніе, баронъ?

— Шутъ, — крикнулъ тотъ почти злобно, но будто пропустивъ мимо ушей обижавшее его слово, незнакомецъ подхватилъ обоихъ собесѣдниковъ подъ руки и потащилъ ихъ не прерывая болтовни, съ моста въ переулокъ, заваленный сугробами

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

въ которой описано все что случилось въ ‚Розовомъ Лебедѣ', а также появленіе Ночного Принца'

Въ ‚Розовомъ Лебедѣ' было свѣтло, тепло и достаточно оживленно потому что, хотя ставни и были уже закрыты, но посѣтители и не думали еще расходиться Особенно шумно было въ одномъ углу гдѣ пировало нѣсколько студентовъ, поснимавшихъ мундиры и то и дѣло затягивавшихъ латинскую пѣсню, которую, слышную за два дома на улицѣ, можно было принять за отдаленный вой волчьей стаи Впрочемъ, когда наши путники приближались къ ресторапіи, кромѣ студенческой пѣсни оттуда несся еще невообразимый гамъ свалки, такъ какъ именно въ эту минуту услужающіе выводили, стараясь соблюсти вѣжливость одного изъ забуянившихъ посѣтителей два студента вступились за него и вытащили изъ-подъ стола свои шпаги, другіе унимали ихъ и тянули свою пѣснь, хозяинъ, стараясь успокоить всѣхъ, кричалъ всѣхъ

громче, а оркестръ изъ гитары, двухъ скрипокъ, барабана и арфы игралъ во всю.

Только что спустившись въ погребокъ, незнакомецъ какъ то сразу вмѣшался въ скандалъ и черезъ минуту прекратилъ шумъ Только вытолкнутый пьяница кричалъ изъ сугроба за дверью

— Погодите Будетъ вамъ на орѣхи Я тоже знаю кое что про ваши фокусы и подмигивающимъ валетомъ меня не удивишь Выходите ка сюда, господинъ Цилерихъ, выходите-ка

Какъ будто придавая какое то значенiе пьяной болтовнѣ, незнакомецъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ, постоялъ нѣсколько секундъ на улицѣ, притворивъ за собой дверь, и больше уже ничто не нарушало благочинiя, если не считать того, что оркестръ по временамъ, по знаку хозяина, яростно принимался разыгрывать польку изъ ‚Лонжюмоскаго Почталiона‘, а студенты затягивали свои куплеты, обрывая ихъ второй строчкой

При свѣтѣ Миша впервые разглядѣлъ своихъ спутниковъ

Тотъ, который назывался барономъ, оказался еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ очень розовымъ, очень упитаннымъ и очень бѣлокурымъ Волосы его были тщательно расчесаны и завиты на височкахъ Одѣтъ онъ былъ изысканно и изъ подъ щегольской шубы, отороченной сѣрымъ мѣхомъ, выглядывали шелковый съ розами жилетъ, тонкiя кружева, модныя пуговицы и лорнетка слоновой кости

Другой тоже былъ не старъ, хотя и названiе молодого къ нему не подходило Насмѣшливый тонкiй ротъ не по стариковски свѣжимъ казался, глаза изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ блестѣли весело, но желтый, сливающiйся съ низкой лысиной лобъ весь въ морщинахъ, рѣдкiе волоса на височкахъ, выкрашенные и уже полинявшiе, узловатыя руки, все это придавало ему видъ старческаго убожества Скромная и поношенная, но опрятная одежда его ничего не говорила На острой макушкѣ имѣлъ онъ подъ картузомъ маленькую зеленаго бархата ермолку

— Такъ,—хлопнувъ ладонью о столъ, началъ онъ, усаживаясь.—Такъ, благородные господа. Наконецъ-то мы можемъ познакомиться поближе Какъ вы находите, молодой человѣкъ, нашего барона? Да и вообще нашимъ обществомъ вы, кажется, не совсѣмъ довольны?

— Да, нѣтъ Право, нѣтъ,—при свѣтѣ потерявъ всю рѣшительность своей

грубости, возражалъ Миша —Конечно, согласитесь сами, наше знакомство состоялось нѣсколько неожиданно и странно Но я очень радъ, очень радъ. Моя фамилія Трубниковъ

— Вы все еще упорствуете? Ну, пусть будетъ по вашему

— Какъ-же вы хотѣли-бы, чтобы я назывался?—робко возразилъ Миша, будто самъ не совсѣмъ увѣренный въ своемъ имени

— Ваше Высочество,—началъ баронъ, изящно нагибаясь —Я очень цѣню вашу затѣю Я восхищенъ, но Цилерихъ грубъ и матеріаленъ Онъ знаетъ нѣсколько штукъ уличнаго шарлатана и думаетъ себя всемогущимъ. Довѣрьтесь мнѣ. Я умѣю цѣнить тонкія чувства

— Браво, браво, баронъ. Вы отличный дипломатъ, но ссориться со мной я вамъ не совѣтую

— Если вы не замолчите, я вышвырну васъ, какъ послѣднюю собаку Мои полномочія,—пронзительно закричалъ баронъ.

— Плевать я хотѣлъ на ваши полномочія Моя находка,—прервалъ его старикъ и сдѣлалъ хищное движеніе, какъ бы желая оттащить Мишу въ свою сторону.

— Почтенные господа, потише Въ моемъ заведеніи десять лѣтъ не было такого шума Не ссорьтесь, ради Господа,—подкатился на возвышающіеся голоса собесѣдниковъ толстый запыхавшійся хозяинъ —Дома разберете ваши ссоры. Пейте вино Сейчасъ Степанида споетъ—‚Вѣрныя примѣты', наимоднѣйшій романсъ Не ссорьтесь, почтенные господа

Музыканты потѣснились на своемъ возвышеніи, и двое цыганъ, низко кланяясь и привѣтливо кивая знакомымъ, выбѣжали, звеня серебряными подковами Цыганъ не молодой, необычайной толщины, въ бѣломъ съ позументами кафтанѣ, даже какъ будто не плясалъ, а такъ просто, стоя на мѣстѣ, пошевеливалъ плечами, повертывалъ въ рукахъ шляпу, изрѣдка причикивая и притоптывая одной ногой выходило же прекрасно, ловко, живо, благородно

Взвизгивая и руками всплескивая начала Степанида

‚Ахъ, зачѣмъ, поручикъ,
Сидишь подъ арестомъ,
Въ горькомъ заключеньи
Колодникъ безшпажный'

Цилерихъ казался живо заинтересованнымъ Онъ подпѣвалъ цыганкѣ, хлопалъ рукой по столу въ тактъ и только иногда взглядывалъ на Мишу, которому нагибаясь черезъ столъ баронъ шепталъ —Одно слово, Ваше Высочество, одно слово и все будетъ исполнено Не только высшею мудростью соединены мы, но и постоянною готовностью во всемъ, не щадя живота, помогать взалкав шему брату Довѣрьтесь мнѣ Откройте ваши желанья

Миша разглядывалъ бѣлую съ отточенными ногтями руку барона, на лѣвомъ мизинцѣ замѣтилъ онъ черный перстень

— Вы и ваши друзья массоны?—спросилъ онъ вмѣсто отвѣта

— Видимость, только видимость,—нагибаясь еще ниже отъ Цилериха загово рилъ тотъ,—не все-ли равно ‚Петръ къ Истинѣ', ‚Владимiръ къ Порядку'? Все это только оболочка. ‚Ночного Принца' ищемъ мы, и находимъ, и служимъ Въ исполненiи воли его послѣдняя истина. Избранный не долженъ противиться

Лицо барона не мѣнялось, розовое въ бѣлокурыхъ локонахъ

Цыганка кончила, красной шалью размахивая, соскочила съ возвышенья и обхо дила зрителей съ тарелкой Смѣясь она отбивалась, когда кто нибудь изъ студентовъ старался слишкомъ упорно задержать ее, схвативъ за талію Подойдя на знаки Цилериха къ столу, она заговорила, улыбкой показывая бѣлые зубы

— Щедрый баринъ, счастливый Дай ручку, погадаю

Миша тупо и пристально смотрѣлъ на женщину Изъ подъ платка выбились черныя косы Смуглое лицо съ накрашенными губами наклонилось къ нему

— Что смотришь, красавчикъ, ручку пожалуй—всю правду скажу

— Робокъ онъ у насъ,—засмѣялся Цилерихъ

— Молодой баринъ, пригоженькiй, чего бояться меня, не съѣмъ, угости—погадаю,—не унималась цыганка —Сѣсть рядомъ позволишь?

— Пожалуйста, пожалуйста,—заторопился Миша сконфуженно отодвигаясь къ барону, который съ брезгливой гримасой смотрѣлъ на приставанье, очень радовавшее старика

— Не утѣсню тебя, не утѣсию,—улыбалась Степанида и, сѣвъ совсѣмъ рядомъ, обняла Мишу, прижала одной рукой его голову къ своей, другой взяла Мишину руку и раскачиваясь начала обычные предсказательные приговоры

— Счастливый будешь, сахарный мой, меня любить будешь, а ужъ я то тебя буду на пуху носить

— Комедiанты,—услышалъ Миша бароновъ голосъ Жарко ему было и стыдно, чувствовалъ, что смѣшно было бы отбиваться отъ пригожей цыганки

— Ай-да Степанида,—слышалось въ залѣ, и множество народа съ кружками и трубками собралось около ихъ стола, пересмѣиваясь, слушали гаданье, на которое скупа считалась Степанида

— А еще скажу тебѣ, голубь мой, послѣднее слово,—кончила она и надавила вдругъ мизинцемъ кончикъ носа Мишѣ —Не двоится, знаешь, что значитъ?—шепотомъ, нагнувшись сказала на ухо —Любови не знаешь еще, а сильно думаешь и ночью и днемъ

Сдѣлавъ видъ будто еще что-то шепчетъ, губами дотронулась пониже уха

— Оставьте меня,—странную новую рѣшимость чувствуя, поднялся Миша

— Принцъ, — воскликнулъ баронъ встревоженнымъ голосомъ — Смотрите, смотрите — Миша повернулся и въ небольшомъ овальномъ зеркалѣ увидѣлъ въ коронѣ и далматикѣ, какъ рисуютъ Императора Павла, съ пылающимъ строгимъ лицомъ юношу, почти мальчика Въ первую минуту онъ не узналъ чудесно измѣнившихся чертъ своего собственнаго лица Узнавъ-же, почти потерялъ сознанiе и, отвернувшись отъ зеркала, пошатнулся на руки подоспѣвшихъ барона и Цилериха

ГЛАВА ПЯТАЯ,

въ которой описано коронованiе Миши Трубникова и все что этому предшествовало

ОЧНУЛСЯ Миша въ сугробѣ Онъ лежалъ, поблѣднѣвшiй, съ закрытыми глазами, какъ убитый, на мѣху шубы, совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ Баронъ растиралъ ему виски снѣгомъ Въ переулкѣ было тихо и звѣздно Шумъ и духота ресторацiи казались приснившимися

— Ну вотъ, ну вотъ и все прошло,—проговорилъ баронъ ласково и просто Цилериха же не было

Миша всталъ Слабость и какую то пустоту чувствовалъ онъ будто послѣ угара Очень хотѣлось спать и ѣсть

Баронъ взялъ его подъ руку Медленно они шли по переулку съ темными окнами и едва протоптанной тропинкой между сугробовъ

М Добужинский

— Не привыкъ я,—сказалъ Миша, какъ бы извиняясь —Простите, что утрудилъ васъ Куда-же мы пойдемъ?
— Не безпокойтесь, пожалуйста, я думаю вамъ хорошо бы передохнуть и погрѣться Трактиры всѣ ужъ закрыты Вотъ развѣ согласитесь зайти къ другу моему Его домъ сейчасъ за угломъ Тамъ не спятъ всю ночь, а мѣшать намъ не будутъ Можно расположиться, какъ дома
— Хорошо,—согласился Миша, сладкую безвольность испытывая
Въ домъ вошли не стуча, такъ какъ дверь баронъ открылъ своимъ ключемъ. Слуга спалъ въ передней на шубахъ Синія свѣчи горѣли въ низкихъ под свѣчникахъ, и ладаномъ на встрѣчу входящимъ пахнуло
Проведя Мишу корридоромъ, баронъ ввелъ въ большую комнату, видимо библіотеку, сплошь заставленную шкапами Въ глубинѣ стоялъ маленькій столъ со свѣчей, накрытый на двѣ персоны, въ каминѣ пылали дрова
— Видите, насъ ждали,—промолвилъ баронъ, жестомъ приглашая сѣсть въ кресло у стола
Острыя, незнакомыя на вкусъ блюда подавались и убирались быстро безшумно входящимъ и снова уходящимъ слугой
Лицо Мишино горѣло отъ вина и близкаго огня камина Баронъ оставался простымъ и милымъ собесѣдникомъ, ни однимъ жестомъ, ни однимъ сло вомъ не напоминающимъ тѣхъ странныхъ и страшныхъ минутъ Въ разговорѣ старался онъ не обращаться къ Мишѣ, чтобы никакъ его не называть Говорили о предметахъ постороннихъ Миша съ непривычнымъ оживленіемъ разсказывалъ о лицейскихъ продѣлкахъ Баронъ слушалъ, улыбаясь и мѣшая догоравшія полѣнья въ каминѣ
— Ну, а какъ же однако мы рѣшимъ,—сказалъ вдругъ баронъ, не измѣняя тона, но такъ, что Миша понялъ, о чемъ онъ спрашиваетъ, и все-таки трусливо переспросилъ —Что вы хотите рѣшать?
— Три святыхъ амулета Красный рубинъ—любовь, зеленый изумрудъ—власть высокая, мутный опалъ—мудрость Выбирать часъ пришелъ, Ваше Высочество, выбирать
— Хорошо,—тихо и задумчиво отвѣтилъ Миша, не удивляясь и глядя на пламенные цвѣты угля,—хорошо Рубинъ, изумрудъ, опалъ,—и еще тише добавилъ.—Рубинъ
Баронъ всталъ, Миша тоже поднялся

— Я готовъ, Ваше Высочество Не угодно-ли Вамъ будетъ за мной послѣдовать —Онъ отперъ незамѣтную подъ цвѣтъ стѣны окрашенную дверь между двухъ шкаповъ Зала открывалась передъ ними Два старика, бесѣдуя на диванѣ въ углу, не обратили на вошедшихъ никакого вниманія Всѣ люстры и канделябры блестѣли зажженныя и отраженныя въ зеркалахъ
— Сію минуту, Ваше Высочество,—шепнулъ баронъ, и плавно скользя по паркету быстро удалился, оставивъ Мишу по серединѣ ярко освѣщенной пустой залы съ колоннами и розовыми амурами по стѣнамъ Миша не зналъ, что дѣлать ему Онъ оглянулся на стариковъ, тѣ по прежнему шепотомъ говорили, кивая другъ другу сѣдыми напомаженными головами
Черезъ минуту шумъ быстрыхъ шаговъ донесся изъ сосѣдней комнаты Дверь распахнулась Прямо на Мишу вышла высокая, нѣсколько полная дама подъ руку съ старикомъ За ними слѣдовало много гостей
— Милый принцъ, вотъ и вы пожаловали къ намъ Я такъ счастлива,—говорила дама смотря на Мишу —Я очень счастлива
Опуская смущенно глаза, Миша все-таки успѣлъ невольно какъ то разсмотрѣть улыбающіяся губы и локоны съ высокой прически
— Что-же вы молчите, Ваше Высочество,—услышалъ Миша голосъ, напомнившій ему Цилериха Гости обступили его тѣснымъ кругомъ
— Вы даже не хотите поздороваться со мной
— Сударыня,—сказалъ Миша багровѣя —Сударыня,—и, нагнувшись, онъ поцѣловалъ протянутую руку, не поднимая глазъ на говорившую
Хорошо запомнилъ Миша въ бѣгломъ взглядѣ нѣжныя, прекрасныя руки, которыя дама обѣ протянула ему на встрѣчу, прикоснувшись же губами къ рукѣ, ощутилъ онъ дряблую холодную кожу, наполнившую его нестерпимымъ отвращеніемъ
Поднявъ глаза, увидѣлъ Миша стоящимъ передъ собой Цилериха въ зеленой ермолкѣ Его руку держалъ, только что поцѣловавъ, дама же въ смущеніи отступила
Миша такъ и остался не опуская руки Цилериха, а тотъ улыбался ехидно
— Ошибочка вышла, Ваше Высочество
Всѣ заговорили, стараясь замять непріятный случай, и дама, опять ласково взявъ Мишу подъ руку, прошла въ другія комнаты, показывая его всѣмъ и говоря —Какой прекрасный у насъ принцъ —Но Миша не могъ забыть и успо-

М.Добужинскій

коиться, гадко было ему, и голова кружилась, и хотѣлось бѣжать, но нельзя было

Комнаты большія и маленькія, залы, гостиныя, диванныя, всѣ были освѣщены какъ для праздника, но музыка не играла, громко говорили только тамъ, гдѣ были дама и Миша, а въ сосѣднихъ покояхъ стояло молчаніе, такъ что странно было даже, открывъ двери, находить полную комнату гостей Тревога овладѣвала Мишей, хотя ничто не предвѣщало опасности, дама ласково пожимала его локоть, всѣ гости учтиво кланялись и старались при приближеніи принца принять видъ веселости Раза два въ толпѣ мелькало лицо Цилериха Мишѣ хотѣлось ему что-нибудь крикнуть, броситься на него, но, какъ бы угадывая это намѣреніе, тотъ быстро скрывался Баронъ тоже изрѣдка попадался и улыбкой старался ободрить Мишу Дама рѣдко обращалась съ словами къ Мишѣ, что позволяло оставаться и ему молчаливымъ

— Развѣ вамъ не нравится нашъ праздникъ, на которомъ вы повелитель?— спросила она —Всѣ желанья, всѣ желанья должны свершиться сегодня Скажите, чего вы хотите?

— Я хочу уйти отсюда,—сказалъ Миша вяло

— Но почему? Но почему?—заволновалась дама, пожимая Мишинъ локоть все сильнѣе—Что случилось? Что отталкиваетъ васъ? Вы не хотите празднества,—будетъ тишина и молитвы Вы хотите?

— Я хочу уйти отсюда,—не дѣлая никакого движенія повторилъ Миша

— Это невозможно,—сказала дама и съ тѣмъ же нѣжнымъ видомъ повела Мишу дальше, повторяя всѣмъ уже не въ первый разъ —Какой прекрасный у насъ принцъ сегодня

Гости кланялись и улыбались, привѣтствуя, какъ привычные придворные, принца, который шелъ среди нихъ съ лицомъ гордымъ и печальнымъ

Наконецъ дама сказала громко —Почему же музыка не играетъ и никто не танцуетъ —Будто услышавъ условленный пароль, всѣ стали выходить изъ залъ въ корридоръ, мужчины въ одну сторону, дамы—въ другую Баронъ подошелъ и взявъ Мишу подъ руку, увелъ его отъ дамы Когда они проходили корридоромъ Миша сказалъ

— Я хочу уйти отсюда

— Одну минуту, Ваше Высочество,—отвѣтилъ тотъ

Въ маленькой комнатѣ передъ зеркаломъ лежали корона, мантія и цѣпь изъ драгоцѣнныхъ камней. Баронъ возложилъ ихъ на Мишу.

— Теперь все исполнилось. Вы коронованы. Нѣтъ запретовъ передъ вами.

Миша чувствовалъ, что теряетъ сознаніе. Ему хотѣлось посмотрѣться въ зеркало, чтобы еще разъ увидѣть того пылающаго и прекраснаго отрока въ далматикѣ, но вдругъ какъ бы холодный вѣтеръ вернулъ ему силу желанія, и онъ твердо сказалъ:

— Я узналъ теперь все. И сейчасъ я уйду одинъ. Такъ нужно и такъ будетъ.

Баронъ нѣсколько удивленно посмотрѣлъ на Мишу, какъ бы не узнавая его, но покорно поклонился и бросился подбирать мантію, которую Миша небрежно сбросилъ къ ногамъ.

Миша вышелъ въ переднюю. Слуга проснулся.—Уходите, сударь?—спросилъ онъ и нашелъ Мишину шинель среди вороха другихъ военныхъ, штатскихъ и дамскихъ шубъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

въ которой описано послѣднее приключеніе этой ночи.

ТАКЪ разставшись съ спутниками, Миша медленно сталъ подыматься по улицѣ. Костеръ, у котораго недавно занималъ своими шутками все общество господинъ Цилерихъ, потухъ. Будочникъ, напугавшій Мишу, спалъ на тумбѣ, опять похожій на медвѣдя.

Карета, скрипя по снѣгу, перегнала Мишу и остановилась у подъѣзда.

Замедливъ шаги, онъ ясно различилъ, какъ изъ нея вышла дама въ синей шубкѣ. Онъ узналъ сѣрый токъ и лакея, толкнувшаго его въ сѣняхъ театра.

Поразительнѣй всѣхъ событій сегодняшней ночи показалась Мишѣ эта встрѣча.

Прислонившись къ стѣнѣ, переждалъ онъ, когда карета отъѣдетъ, и подошелъ къ крыльцу. Свѣта въ кругломъ окошкѣ привратника не было. Снѣгъ такъ замелъ дверь, что Миша уже сомнѣвался, эту-ли онъ видѣлъ открытой минуту назадъ.

— Твое дѣло, поганый,—пробормоталъ онъ, плюнувъ съ досадой, и намѣревался идти, какъ въ сугробѣ увидѣлъ желтую розу, какія были въ волосахъ дамы. Миша поднялъ цвѣтокъ и, боясь передумать, быстро поднялся на ступеньки и громко постучалъ въ дверь.

— ,Ночному принцу нѣтъ преградъ',—вспомнилъ онъ слова Цилериха, замирая.
Высокій молодой слуга открылъ дверь тотчасъ-же, какъ будто ожидая посѣтителя. Заслонивъ ладонью свѣтъ, нѣсколько секундъ разсматривалъ Трубникова. Сказавъ:—обождите,—поставилъ подсвѣчникъ на полъ и ушелъ по темной лѣстницѣ, широко шагая черезъ ступени.
Страхъ почти до обморока почувствовалъ Миша въ просторныхъ сырыхъ сѣняхъ, освѣщенныхъ оплывавшей свѣчей.
— Бѣжать, бѣжать, — было его мыслью, но дверь оказалась уже замкнутой. Какъ плѣнникъ, покорился онъ своей участи и сѣлъ на скамью, опуская голову къ колѣнямъ.
— Пожалуйте.—Слуга, освѣщая путь, стоялъ передъ нимъ. Проходя, Миша замѣтилъ много дверей и за одной разслышалъ голоса. Одинъ мужской:
— Луиза, Луиза.
Другой женскій:
— Неправда, я не могу больше.
— Не угодно-ли будетъ вамъ раздѣться, сударь, — спросилъ слуга, ставя свѣчу на столъ съ остатками ужина въ комнатѣ большой и почти свободной отъ мебели.
Миша сбросилъ шинель на ручку стула; слуга стряхнулъ снѣгъ концомъ ливреи съ сапогъ.
Арапка въ красномъ нескромномъ платьѣ вышла изъ-за занавѣси, отдѣлявшей сосѣднюю комнату и произнесла что-то хрипло и весело. Слуга засмѣялся, но сдержавшись сказалъ:
— Ихняя камеристка. Она васъ и проведетъ. Тоже выдумаетъ всегда,—и, прыснувъ еще разъ, быстро ушелъ, унеся свѣтъ.
Въ темнотѣ Арапка подошла къ Мишѣ, шатаясь, какъ пьяная, и сказала нечеловѣческимъ голосомъ попугая:—Ти милий. — Засмѣялась, взяла за руку и повела, что-то бормоча. Запахъ отъ нея, смѣшанный съ запахомъ вина и сладкой смолы, кружилъ голову.
За узкой низкой дверью оказалась неожиданно большая комната, тоже пустая. Огромная кровать стояла по серединѣ. На возвышеньи пышный туалетъ съ глубокимъ кресломъ освѣщался двумя свѣчами въ серебряныхъ шандалахъ. Первую минуту покой показался Мишѣ пустымъ. Не сразу разглядѣлъ онъ въ зеркалѣ туалета отраженную женщину. Она сидѣла глубоко въ креслѣ,

опустивъ безпомощно руки въ кольцахъ до пола Не двигаясь, не открывая глазъ, подведенныхъ тонко голубой краской, дама спросила на непонятномъ языкѣ. Служанка отвѣтила хриплымъ лаемъ и недовольная вышла

Ощипывая желтую розу, Миша стоялъ, опустивъ голову, но его смущенiе было непритворнымъ только наполовину

Наконецъ дама встала и заговорила Ласковы и печальны были слова сладкаго протяжнаго языка Слабый знакъ руки понялъ онъ за позволенiе приблизиться Подошелъ и всталъ колѣнями на ступеньки возвышенiя Сдѣлалось легко, торжественно и любопытно

Казалось, что понималъ медленную рѣчь Казалось, она говорила — Это хорошо, что вы пришли ко мнѣ Я жду васъ давно. Вы будете любить меня

— Да, да, я буду любить васъ,—отвѣчалъ, улыбаясь самъ не зная отъ какой радости

Она тоже улыбнулась, и уже не пугала ея улыбка Мишу Легко складывались его слова Онъ говорилъ.

— Всю ночь я искалъ васъ Да не одну ночь Давно зналъ я васъ Знали-ли вы?

— Знала, милый, — продолжала она разговоръ, различно понимаемый, быть можетъ, каждымъ

Ничто больше не смущало Мишу, и не удивлялся онъ пустой комнатѣ въ странномъ домѣ, дамѣ въ розовомъ съ цвѣточками капотѣ, стройной и томной, склоняющейся къ нему съ амвона, своимъ собственнымъ, рѣчамъ свободнымъ и нѣжнымъ

Не прерывая ласковыхъ словъ, дама продолжала свой туалетъ сняла кольца, распустивъ прическу, спрятала волосы подъ круглый чепчикъ съ широкимъ бантомъ, бѣгло, но пристально оглядѣла себя въ зеркало, спрыснула руки и платье духами и, потушивъ одну свѣчу, высоко держа въ рукѣ другую, прошла по комнатѣ Сѣвъ въ постель, снимала лиловые чулки, нѣжно что-то приговаривая

Нѣкоторое несоотвѣтствiе словъ и улыбки дамы съ ея дѣйствiями поставили Мишу въ тупикъ, и онъ не зналъ, что отвѣчать ей Она же, видя его нерѣшительность, подбѣжала къ нему, сѣла, поджимая голыя ноги рядомъ на ступеньки, обняла одной рукой за шею и ласково уговаривала, растегнула пуговицы жесткаго его мундира и, засунувъ пальцы за воротъ Мишиной сорочки, смѣялась невинно и коротко Смутился Миша неожиданной шалости

М. Добужинский

печальной дамы, но темныя, тяжелыя мечтанія послѣднихъ дней даже не вспоминались

— Я щекотки не боюсь,—тряхнувъ головой по мальчишески, сказалъ онъ

Веселость буйная и небывалая охватила Трубникова, который и мальчикомъ то былъ всегда скроменъ и тихъ

Странныя игры начались въ пустой комнатѣ Бѣгали другъ за другомъ, боролись, толкались, смѣялись, какъ расшалившіяся дѣти

Запыхавшись, дама упала на кровать Съ блестящими глазами наклонился Миша надъ ней Со смѣхомъ привлекла она его къ себѣ, и онъ со смѣхомъ въ первый разъ осмѣлился поцѣловать ее

Арапка, тихо войдя, потушила нагорѣвшую свѣчу

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

въ которой описано все что произошло утромъ слѣдующимъ за ночью

Миша проснулся поздно Солнце на красныхъ ширмахъ горѣло пламенными пятнами Открывъ глаза, Миша вскочилъ, какъ подъ ударомъ Босикомъ, въ ночной рубахѣ, выскочилъ на середину спальни, самъ не зная для чего Знакомое запустѣніе знакомыхъ комнатъ, солнце прямо въ окно, блестѣвшее снѣжными крышами напротивъ тишина, большая дядина кровать, съ которой онъ только что всталъ, разбросанныя вещи его собственныя—все казалось необычайнымъ

Съ досаднымъ страхомъ не могъ вспомнить Миша, гдѣ сонныя видѣнія раздѣлялись съ событіями дѣйствительными Въ большомъ зеркалѣ увидѣвъ свое собственное испуганное и блѣдное лицо со спутавшимися волосами, не узналъ онъ себя Вошедшій Кузьма заставилъ его принять видъ спокойствія Съ непривычной медлительностью одѣвался Миша

Кузьма, растапливая печку, начиналъ почтительную свою воркотню

— Отъ князя вчерась и сегодня опять присылали Велѣли сказать, что ждутъ отвѣта Что сказать прикажете? Поздно вчера пожаловать изволили

— Да замолчи же, старый хрычъ Пошелъ вонъ Чтобъ духу твоего не было —Самъ не узнавая своего звонкаго голоса, самъ удивляясь и радуясь своему гнѣву, крикнулъ Миша будто хлыстомъ ударенный по лицу Отвер-

ронясь лошади, вбѣжалъ на высокій мостъ Напротивъ стоялъ длинный облупленный домъ, выкрашенный когда-то въ зеленую краску, но теперь посѣрѣвшій Оборванныя ставни, сломанная водосточная труба, грязный входъ придавали ему видъ неопрятный Подойдя ближе, разсмотрѣлъ Миша широкую бѣлую доску съ надписью

,Гамбургская ресторація,
для почтенныхъ посѣтителей освобождается зало подъ свадьбы,
обѣды и семейные вечера по вольной цѣнѣ'

— Какія глупости,—воскликнулъ Миша, прочитавъ —Какія глупости,—и засмѣялся такъ громко, что встрѣчные останавливались и глядѣли ему вслѣдъ Нанимая извозчика, все еще не могъ удержаться Миша отъ смѣха, еле выговаривая на Литейный —Веселый баринъ,—ухмыльнулся кучеръ, застегивая полость Отъ быстрой ѣзды и мороза у Миши духъ захватило Мелькнули на Невскомъ кареты, офицеры въ санкахъ У Френделя Пахотинъ окликнулъ его, но онъ только рукой махнулъ, зажимая рукавомъ лицо отъ смѣха и холода Весело и вольно было такъ скакать по рыхлому снѣгу Всѣ мысли тяжелыя и мрачныя куда то уплыли Всю дорогу безъ причины радовался и улыбался самъ себѣ Трубниковъ и думалъ только —Хорошій извозчикъ попался, надо полтину ему дать

У темно-голубого дома на Литейномъ, въ который съ самаго дѣтства входилъ онъ съ чувствами противорѣчивыми и всегда взволнованный, весело и легкомысленно выскочилъ Миша изъ саней и вбѣжалъ, бросивъ шинель швейцару, на площадку второго этажа Лакей поднялся со стула и какъ-то почтительнѣе, чѣмъ всегда, выговорилъ —Съ праздникомъ, Михаилъ Ивановичъ

Получивши же неожиданный рубль на чай, совсѣмъ удивленнымъ голосомъ, выпрямившись въ струнку, доложилъ —Его Сіятельство ждутъ васъ и просили обождать въ гостиныхъ Княжна съ тамъ

Равнодушно и быстро вошелъ онъ въ бѣлую съ золотомъ залу Холодный порядокъ строгаго ряда стульевъ вдоль стѣнъ, задернутыхъ чехлами люстръ, венеціанскихъ зеркалъ въ простѣнкахъ нарушенъ былъ богато разукрашенной елкой по серединѣ Ея сладкимъ и ободряюще праздничнымъ ароматомъ была наполнена комната

По далекому ряду гостиныхъ шла къ нему навстрѣчу Наденька Безъ тѣни

былого смущенія отвѣтилъ онъ на ея задорную улыбку улыбкой и такъ сжалъ ея руку, цѣлуя, что княжна на минуту потупилась, удивленная и даже смущенная

— Гдѣ вы пропадали, кузенъ?—слегка грассируя, спросила она —Мы были такъ обезпокоены вашимъ припадкомъ

— Да, да теперь все это прошло

— Что прошло? Что было? Не томите, Мишенька?—вспыхнувъ отъ любопытства, воскликнула княжна

Миша съ улыбкой разсматривалъ вздрагивающую мушку, обозначающую ‚согласіе‘, на румяной щекѣ и чувствовалъ, что больше никакими улыбками, никакими неумѣстными словами его не смутить

Глядя на розовое личико, задорное и любопытное подъ легкой прической à la грекъ, на праздничное, зеленое съ лентами цвѣта заглушенной жалобы платье, открывавшее локотки, дѣлалось ему еще веселѣе и свободнѣе передъ этой дѣвочкой, недавней насмѣшницей, недавнимъ предметомъ тайныхъ вздоховъ

— Странныя встрѣчи бываютъ, кузиночка Я могу позабавить васъ удивительной сказкой въ стилѣ, столь любимомъ вами,—полушутя и намекая съ подавляемой гордостью, что многое долженъ онъ пропустить, начиналъ разсказывать Миша у большого окна, въ которомъ виднѣлся на зимнемъ, пылающе закатномъ небѣ тонкій розовый мѣсяцъ

— Ахъ, какъ это хорошо,—вздыхала княжна, увлеченная

— Да, забавный случай, но я не очень то поддался ихъ штукамъ

— И вотъ вы принцъ Это правда, правда Сегодня, какъ только вы вошли, я замѣтила, что вы измѣнились

— Но вѣдь принцъ одной только ночи,—насмѣшливостью скрывая свое волненіе, возразилъ Миша

— Нѣтъ, теперь навсегда для меня вы принцъ Я завидую вамъ, Мишенька,—шепотомъ кончила она, робкая и восхищенная

— Но вѣдь вы знаете, что сдѣлаться принцессой—ваша власть,—наклоняясь, тоже шепотомъ отвѣтилъ Миша, и съ небывалой, самого его испугавшей смѣлостью онъ поцѣловалъ княжну въ розовую щеку

Князь Григорій, изъ какихъ-то сложныхъ разсчетовъ давно желавшій подобнаго оборота дѣла, помедлилъ въ сосѣдней гостиной и, кашлянувъ, вышелъ въ залу, возможную ласковость придавъ лицу

— Я очень радъ, очень радъ,—началъ онъ, растроганно обнимая Мишу

Эпилогъ,

въ которомъ всѣ невзгоды и чудесныя приключенія Миши Трубникова являются только смутными воспоминаніями

Въ праздничные и именинные дни, когда князь Григорій приказывалъ сервировать столъ голубымъ фаянсомъ, рыбную тарелку, съ много отъ склейки пострадавшей госпожей Помпадуръ, дворецкій всякій разъ зорко наблюдалъ, чтобы ставили никому другому, какъ сидѣвшей на самомъ краю Эмиліи Васильевнѣ, бывшей боннѣ княжны, особѣ, по положенію самой низкой изъ допускаемыхъ къ княжескому столу

Миша же надежды князя не оправдалъ и на княжнѣ не женился, что вызвало большой скандалъ и служило пищей свѣтскому злорѣчію не менѣе двухъ недѣль

Получивъ наслѣдство, котораго для него ожидалъ только князь Григорій, Трубниковъ вышелъ въ гвардію, лицея не кончивъ Томный видъ застѣнчиваго мальчика нашелъ онъ нужнымъ не оставить и въ офицерскомъ мундирѣ, хотя общая молва указываетъ на него какъ на затѣйника многихъ отчаянныхъ и нескромныхъ шалостей Рѣшительнымъ ударомъ въ атакѣ на благосклонныхъ къ нему дамъ, хвастаясь товарищамъ, называлъ онъ трогательный разсказъ о посвященіи его господиномъ Цилерихомъ въ ночные принцы

СОДЕРЖАНІЕ

ХРОНИКА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХЪ

СТИХИ

ПРОЗА

Иллюстраціи внѣ текста

Художественно-литературный ежемѣсячникъ 'Аполлонъ' заключаетъ слѣдующіе отдѣлы 1) Художественный отдѣлъ Участіе принимаютъ Ал-дръ Бенуа, Л Бакстъ, И Билибинъ, Г Бобровскій, К Богаевскій, Н Войтинская, А Гаушъ, А Головинъ, М Добужинскій, К. Евсеевъ, В Кандинскій, Е Киселева, Б Кустодіевъ, Е Лансере, Г Лукомскій, Елена Luksch-Маковская, Н Миліоти, Д Митрохинъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), Н Рерихъ, К Петровъ-Водкинъ, К Сомовъ, Д Стеллецкій, С Судейкинъ, И Фоминъ, кн А Шервашидзе, В Щуко, А Щусевъ, К Юонъ, С Яремичъ, В Чемберсъ и др 2) Общіе вопросы литературы и литературная критика — Ин Анненскій, В Брюсовъ, М Волошинъ, Ак Л. Волынскій, Л Галичъ, Г Гюнтеръ, Ѳ Ф Зѣлинскій, Вяч Ивановъ, М Ликіардопуло, К Чуковскій, А Е Шайкевичъ, Конст Эрбергъ и др 3) Вопросы искусства и художественная критика — Ал-дръ Бенуа, бар. Н. Врангель, Л Бакстъ, Иг Грабарь, В Курбатовъ, Г Лукомскій, С Маковскій, Н Рерихъ, А Ростиславовъ, А Трубниковъ и др 4) Музыка — Евгеній Браудо, Вяч Г Каратыгинъ, С А Кусевицкій, І М Миклашевскій, А П Нурокъ, А В Оссовскій, В И Ребиковъ, А Н Скрябинъ и др 5) Театръ: — бар Н В Дризенъ, Н Н Евреиновъ, Вс. Э Мейерхольдъ, Вл И Немировичъ Данченко, К С Станиславскій, Gordon Craig и др 6) Пчелы и осы Аполлона. 7) Хроника — Журналъ имѣетъ своихъ корреспондентовъ въ Москвѣ (Outsider), въ Кіевѣ (А И Филипповъ), Варшавѣ (Савитри), Берлинѣ (П Бархан ъ), Мюнхенѣ (В Кандинскій), Парижѣ (Charles Morice, Rene Ghil), Лондонѣ (More Adey) и Вѣнѣ (Felix Salten) 8) ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХЪ Имѣются произведенія Л Андреева, Ин Анненскаго, С Ауслендера, К Д Бальмонта, В Брюсова, И Бунина, Ю Верховскаго, М Волошина, Черубины де Габріакъ, З Н Гиппіусъ, С Городецкаго, Н Гумилева, О Дымова, Б Зайцева, Вяч Иванова, Вал Кривича, М Кузмина, Д С Мережковскаго, Ал Ремизова, Б. Садовского, С Соловьева, Ѳ Сологуба, гр Ал Н Толстого, Вл Ходасевича, Г Чулкова; переводы изъ Анри де Ренье, Баррэса, Вьеле-Грифина Жамма, Новалиса (перев Вяч Иванова), Уитмана и Сюинбёрна (перев К Чуковскаго), Вилье де Лиль Адана ('Аксель' — драма) и Поля Клоделя ('Музы' — перев и предисл М Волошина), Рашильдъ (перев съ рукоп М Кузмина) и мн др Сотрудники — въ Польшѣ Ст Жеромскій (Stefan Zeromski), И Лорентовичъ (Jan Lorentowicz), В Роговичъ (W Rogowicz) К Тэтмайеръ (Casimir Tetmayer); во Франціи Van Bever, Maurice Denis, Andre Gide, René Ghil, M me A de Holstein, Louis Laloy Emile Magne, William Molard, Charles Morice, Edmond Pilon, Rachilde, Denis Roche, André Suarès, въ Германіи Herman Bang, Rudolf Borhardt, Georg Fuchs, Johannes von Guenther, Max Mell, William Ritter; въ Австріи: Peter Altenberg, Hermann Bahr, Hugo von Hofmansthal, Felix Salten, Arthur Schnitzler, въ Англіи Robert Ross, Bernard Shaw, Reginald Turner

Издательство 'Якорь' Редакторъ Сергѣй Маковскій

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

„РЕБУСЪ" единственный въ Россіи пупулярно-научный ЖУРНАЛЪ

по вопросамъ спиритуализма, психизма, медіумизма и мистики

Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ телепатіи, ясновидѣнія, передачи мыслей, раздвоенія личности, одержанія сомнамбулизма, животнаго магнетизма, медіумизма, гипнотизма, явленій спиритуализма и другихъ оккультныхъ явленій и фактовъ

Независимое слово внѣ школъ и партій о всѣхъ спорныхъ вопросахъ науки и жизни

Выходитъ не менѣе 2 хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до трехъ печатныхъ листовъ. Статьи, по мѣрѣ надобности, сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

Помѣщаются отзывы о новыхъ и старыхъ книгахъ, разъясненія и отвѣты редакціи на запросы и письма подписчиковъ Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться: повѣсти, разсказы, романы, стихотворенія и новеллы, соотвѣтствующіе направленію журнала

За прошлые года въ журналѣ въ числѣ прочихъ статей, были напечатаны проф Ф Майерса.—„О послѣсмертномъ существованіи" и Прижизненные призраки", проф. А Бутлерова — Статьи по медіумизму" А Аксакова —„Анимизмъ и спиритизмъ", проф Н Вагнера —„Фотографія невидимой руки" А Дассье — „Позитивизмъ въ области спиритуализма"; проф Ш Рише —„Слѣдуетъ ли изучать спиритизмъ?" д-ра Ж. Максвелль —„Феномены психизма", д ра М Принса — „Множественность личности"; проф Ч Ломброзо —„Непокойные дома"; А Шопенгауэра —„О духовидѣніи"; д ра Дю Преля — Душа, какъ организующее начало", М Сабуровой — Смерть только метаморфоза" проф Шарко —„О сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ"; д ра Охоровича — Лекціи о животномъ магнетизмѣ" А Уоллеса —„Духовный дарвинизмъ"; проф В Крукса —„Объ относительности человѣческихъ знаній"; П. Чистякова.—„Исторія волшебства и суевѣрій"; „Кантъ, какъ спиритуалистъ"; „Радій и ясновидѣніе" и др., затѣмъ отчеты русскаго спиритуалистическаго общества лондонскаго общества психическихъ изслѣдованій и др

Подписная цѣна. въ Россіи—на годъ 5 руб., на 1/2 года 3 руб.; за границу—на годъ 6 руб., на 1/2 года 3 руб 50 коп Отдѣльный номеръ въ продажѣ 25 коп (можно высылать почтовыми марками)

Подписка принимается въ Москвѣ въ редакц журн —Арбатъ, д Нейдгардтъ, кв № 12, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ
‚АПОЛЛОНЪ‘.

Цѣна въ годъ	9	руб	безъ доставки	и	10	руб	съ дост	и пересылкой
„ „ полъ года	5	„	„	„	6	„	„	„
За границу въ годъ	12	„	и въ полъ года		7	„	„	„

Отдѣльные выпуски въ продажѣ 1 р 25 коп

Контора открыта отъ 11 до 4 ч, редакцiя—отъ 3 до 5 ч дня

Редакторъ принимаетъ по четвергамъ отъ 2 до 5 час

Подписка и розничная продажа — какъ въ конторѣ, такъ и въ большихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга, Москвы, Одессы, Кiева, Варшавы и т д

Адресъ конторы и редакцiи С П Б Мойка, 24, кв 6 Тел 109—12

Журналъ будетъ выходить каждое 15-ое число выпусками въ 10—11 печатныхъ листовъ формата малаго in—4°

Кромѣ статей общаго характера, широко освѣщающихъ цѣли журнала, и, хроники, обнимающей подъ редакцiей постояннаго сотрудника, ежемѣсячные обзоры художественныхъ и литературныхъ событiй (поэзiя, проза, изобразительныя искусства, выставки архитектура, театръ и музыка—въ Россiи, новости печати и выставки—во Францiи, въ Германiи, въ Польшѣ, въ Англiи и Америкѣ, сѣверная литература, литературная библiографiя),—въ журналъ будутъ помѣщаться, въ видѣ ежемѣсячныхъ ‚альманаховъ (съ отдѣльной нумерацiей страницъ), стихи, новеллы и драмы русскихъ и иностранныхъ писателей (въ художественныхъ переводахъ), а также оригинальные рисунки (графика) и репродукцiи (авто и фототипiей, литографiей и пр) къ статьямъ

Для осуществленiя намѣченной программы журналъ заключаетъ слѣдующiе отдѣлы 1) Художественный отдѣлъ, 2) Общiе вопросы литературы и литературная критика, 3) Вопросы искусства и художественная критика 4) Музыка, 5) Театръ, 6) Пчелы и осы ‚Аполлона, 7) Хроника, 8) Литературный Альманахъ

Въ редакцiи журнала будутъ устраиваться перiодическiя выставки картинъ и литературные вечера по пригласительнымъ билетамъ

Второй номеръ ‚Аполлона‘ выйдетъ 15 Ноября 1909 г.

Издательство ‚Якорь‘ Редакторъ Сергѣй Маковскiй

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Произведенія, присылаемыя въ редакцію, должны быть написаны разборчиво и четко,—по возможности на пишущей машинѣ Неразборчивыя рукописи не подвергаются разсмотрѣнію

Въ случаѣ надобности, рукописи подвергаются измѣненіямъ

Произведенія съ необозначеннымъ гонораромъ оплачиваются по усмотрѣнію редакціи

Не принятыя къ напечатанію произведенія хранятся въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, а затѣмъ уничтожаются Въ случаѣ оплаты ихъ пересылки, не принятыя про изведенія возвращаются ихъ авторамъ почтой Статьи и разсказы размѣромъ меньше листа и стихотворенія вовсе не возвращаются

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ

Условія подписки (безъ гербоваго сбора)

	Съ доставкой	Безъ доставки	За границу
На годъ	10 руб	9 руб	12 руб
На 1/2 года	6 „	5 „	7 „

Въ отдѣльной продажѣ цѣна № 1 руб 25 коп

За перемѣну адреса взимается 25 коп, при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №

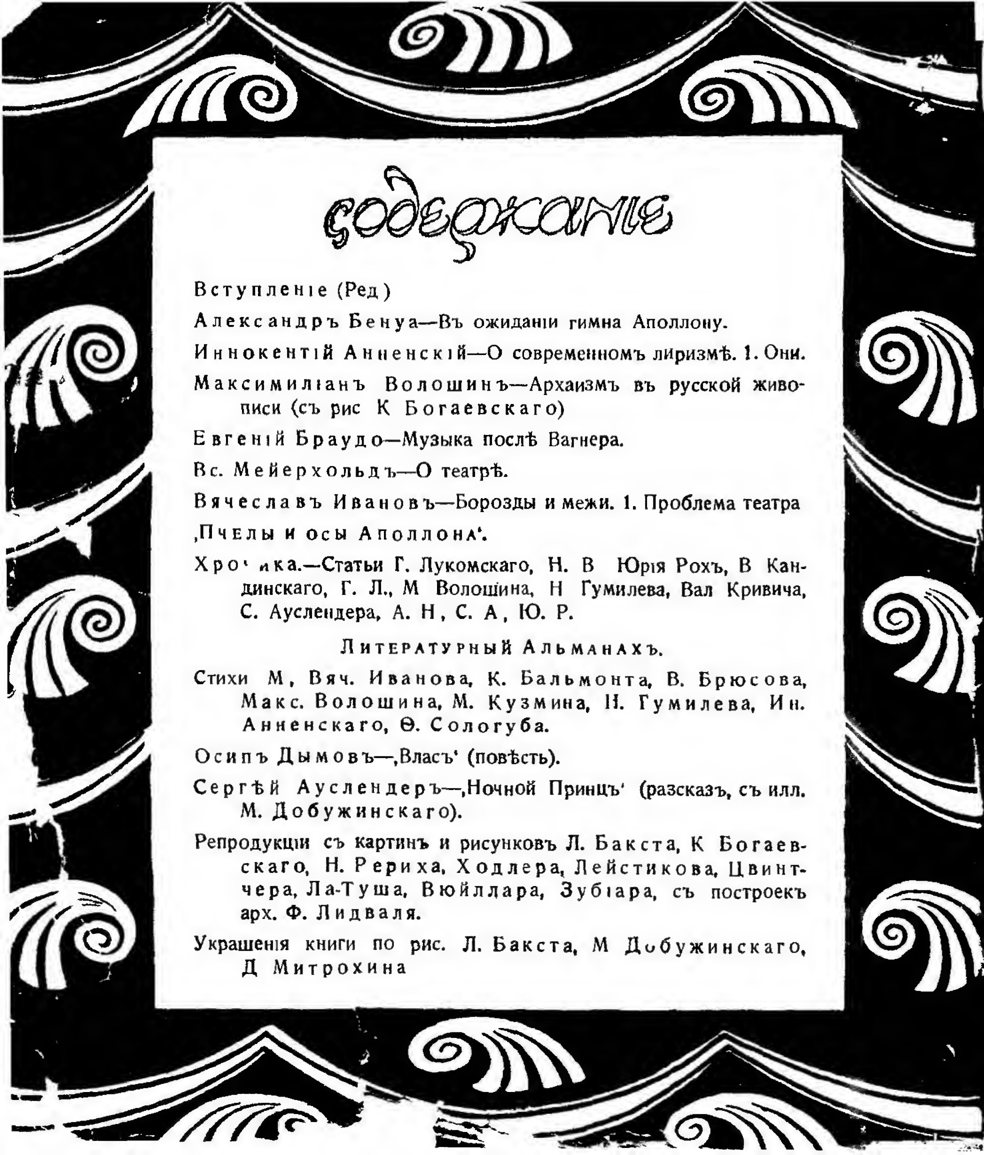
Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу

Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратность доставки журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала

Въ конторѣ принимаются объявленія какъ позади, такъ и впереди текста

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Спб, Мойка 24) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинцій



Содержание